

84.5к23 = B
ж 88

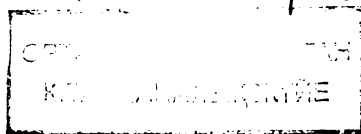

Магжан

Мағжан Жұмабаев

054477/4_03

г. Петропавловск,
2006

ББК 84 (5каз)
М12
ISBN 9965-27-934-9

М₁₂ **Магжан Жумабаев.** *Стихи, проза и
литературные исследования. Составитель –
Ж. Сулейменов, 2006.*
ISBN 9965-27-934-9

Магжан Жумабаев – выдающийся казахский поэт. Его творчество прошло испытание временем. И через семь десятилетий после того, как поэт был репрессирован, стихи, поэмы, прозаические произведения Магжана звучат свежо, актуально.

Эта книга – попытка осмыслить, систематизировать творческий путь поэта-гражданина. Сюда включены лучшие образцы его поэзии и прозы, аналитические статьи исследователей-магжановедов. Книга предназначена широкому кругу читателей.

ББК 84 (5 каз)

ISBN 9965-27-934-9

© Сулейменов Ж. К., 2006
© Выпуск книги осуществлен
акиматом Северо-Казахстанской
области

*Посвящается 70-летию
Северо-Казахстанской
области*

*Богатейшая мелодика
Курмангазы, блестящая
лирика Магжана,
эпическая проза Мухтара,
поразительные открытия
Чокана, философские
откровения Абая
обогатят внутренний мир
каждого, кто прикоснется
к этим духовным
богатствам.*

Нурсултан Назарбаев
(«В потоке истории»)

ЕГО ПОЭЗИЯ – НАСТОЯЩАЯ

Таир МАНСУРОВ,

аким Северо-Казахстанской области

Всякий раз, когда размышляю о становлении конкретного великого человека, задаюсь вопросом, что было определяющим в его судьбе: расположение планет; поддержка высших сил, установивших мировую гармонию; либо – питательная аура народа, среди которого рос и формировался человек.

... В 1893 году в казахском ауле, за многие десятки верст от центра волости, Петропавловска, родился мальчик Магжан, в будущем поэт-просветитель. Сегодня его известность перешагнула границы континентов, но прежде этому реальному человеку и памяти о нем пришлось пережить счастливые и жестокие годы.

Отцом Магжана Жумабаева был волостной управитель Бекен. Обеспеченная жизнь семьи позволила ребенку, юноше получить достаточно высокое на переломе 19 и 20 веков образование. Но то же самое обстоятельство, принадлежность отца к власти российского царского режима, трагически отозвалось в судьбе Магжана, в черные годы сталинского режима стало козырем в руках недоброжелателей.

Талант М. Жумабаева проявился с ранних лет. Интерес к учебе, восприятию гуманитарных наук, легкое овладение языками отмечают все, кто дарил ему свои знания. Жадный до наук молодой человек формировался как один из высоко образованных казахских интеллигентов. Он освоил русскую и восточную литературу,

европейскую философскую мысль, кроме казахского и русского языков овладел арабским, фарси и турецким языками.

Магжан обладал разными талантами, с ранних лет писал стихи. Ему шел девятнадцатый год, когда удалось опубликовать первый сборник поэтических произведений. Книга “Шолпан” была воспринята тюркоязычными читателями в 1912 году как литературная сенсация.

Интеллектуальный потенциал Магжана за годы учебы подкрепили произведения таких разных писателей мировой величины как Гете, Лев Толстой, Гейне, Горький, Верлен, Брюсов, Блок, Есенин... Безусловно, огромное влияние произвело творчество великого Пушкина!

Насыщаясь гениальными произведениями других времен и также тем, что выходило из-под пера современников, М. Жумабаев всегда оставался сыном казахского народа, знал и любил устное творчество родного степного края.

Наряду с лирикой в его поэтических сборниках, на страницах газет и журналов печатаются стихи о доле трудового народа, угнетенного колониальным царским режимом, о произволе российских наместников, о неравенстве женщины. Поэт, увлеченный национально-освободительным движением, лозунгами партии “Алаш”, зовет казахский народ к знаниям, к просвещению, к свободе.

Он много работает на ниве народного образования. Не оставляя литературного труда этот человек энциклопедических знаний преподает в Ташкенте, в Казахско-киргизском институте просвещения. Замеченный московским руководством, приглашается работать в со-

ветскую столицу преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

Магжан получает известность не только как поэт и филолог, но и как методист-теоретик учительского труда.

Живя в Москве, Магжан сотрудничает с издательством “Восток”, составляет учебники для казахских школ, здесь же работает над учебной книгой “Букварь казахского языка для взрослых”.

... У человека, поглощенного литературным и педагогическим трудом, ко всему – поступившему учиться в Литературный институт, нет времени обращать внимание на завистников, энергичных и коварных недоброжелателей. Высоко оцененный руководителем этого уникального вуза, поэтом Валерием Брюсовым, который первым назвал Магжана казахским Пушкиным, он попадает в настоячивую “разработку”. В ходе литературных столичных чисток гордому степняку как обвинение припоминается благополучная жизнь в семье отца – представителя прежней государственной системы, он огульно обвиняется в буржуазных взглядах. Гонение на партию “Алаш”, в которой Магжан некоторое время пребывал, подкрашивают его чистый (по-есенински) облик темными красками.

Магжан вынужден прервать работу и учебу в Москве. В 1927-29 годах он работает преподавателем в Казахском педагогическом техникуме в Петропавловске.

На этот момент имя талантливого поэта, его стихи и поэмы “Батыр Баян”, “Кобыз Койлыбая”, “Коркут”, “На вершине Ожетпеса”, “Старые сказки” и “Новые сказки” широко известны. Крупнейший теоретик-литературовед Ж. Аймаутов дает такую характеристику: “Магжан силен чеканностью, образностью и выразительностью слога.

Слова в его стихах подобны жемчужинам, нанизанным на шелковую нить. Стихам его присуща нежность, порою печально-горестная тональность”. В свою очередь вступает за Магжана М. Ауэзов: “Поэзия не может быть политически верной или неверной, она может быть настоящей или не быть вовсе. Поэзия Жумабаева – настоящее искусство со всеми его достоинствами и противоречиями”.

Знает себе цену и сам Магжан. После Ташкента и Москвы в Петропавловске ему тесно. Но повелители судьбы готовят новый удар: в 1929 году он арестован по обвинению в национализме. По горькой иронии Магжану вновь предстоит оказаться в Москве, но уже не в учебной аудитории, а в камере Бутырской тюрьмы. Затем – лагерь в Карелии.

К несчастью, Магжан разделил судьбу сотен жертв сталинизма. Знакомясь в свое время с документами о жизни выдающегося казахского дипломата, просветителя, талантливого государственного и партийного деятеля, языковеда и публициста Назира Тюрякулова, я нашел много общего со сведениями о Магжане Жумабаеве. Объединяет этих людей беззаветная мечта о построении Казахстана как великого государства, деятельное участие в формировании идеологии нового раскрепощенного человека.

Объединяет и то, что М. Жумабаев и Н. Тюрякулов оказались беззащитны перед завистниками. Зло, как это нередко бывает в жизни, победило – и тот, и другой оказались казнены.

Только в 1960 году Военный трибунал СССР посмертно реабилитировал М. Б. Жумабаева.

Логично было бы думать, что в период политической оттепели муза талантливого казахского поэта зазвучит вновь. Однако этого не произошло! Потребовалось еще более трех десятков лет, чтобы народ Казахстана услышал и прочел стихи Магжана, чтобы его книги вновь начали издавать.

Профессор, известный правозащитник А. Жовтис делает в своих воспоминаниях предположение, что Магжана “не пуцали” к читателю, т.к. боялись честного стиха и после уничтожения автора. Придерживаюсь этого мнения и я.

Сегодня я глубоко удовлетворен, что смутные времена прошли. Издатели в Казахстане не ограничены в своей работе, а читатели вольны выбирать книги по душе. Новое избранное издание произведений Магжана Жумабаева, которое вы держите сейчас в руках – это, на мой взгляд, удачное пополнение общего тиража произведений великого поэта, нашего земляка, изданных в годы обновления страны.

Свобода печати – одна из составляющих норм суверенного государства Республики Казахстан. Это демократическое завоевание омыто кровью М. Жумабаева, Н. Тюрякулова, всех тех честных людей, чей жизненный путь был подвигом. И это, во многом, благодаря им мы живем сегодня в новой, свободной, великой стране – Республике Казахстан.

Стихи и поэмы

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

*Земля, где я увидел белый свет,
Где пуповину мне отрезал дед.
Где я играл, гоняя мух, слепней,
В эпоху детства, коей лучше нет.*

*В твоей я почве рожден, ты – дно,
И плоть, и дух мои с тобой – одно.
В другой земле мне кажутся темны
Светила все и с Солнцем мне темно.*

*Я помню небом сладость вод твоих,
Твои леса и степи, твой тростник.
Мальчишкой мне остаться бы в степи,
Который детства красотой велик.*

*Забыв про дом, гонять в степи ягнят,
Дружков своих в грязи степной валять.
Играть в качели или кость ночами,
Днем стригунка-неука усмирять.*

*Но «Голова – Аллаха мяч»... Куда
Направит Он, туда мы мчим всегда.
Могу и я уйти в далекий край,
Но знай, к тебе любовь моя тверда.*

ОГОНЬ

*Я от Солнца рожден,
Я пылаю как Он,
Предан Солнцу душой.
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор,
Я люблюсь собой.
На Земле – одинок,
Лишь огонь только – Бог.*

*С нежным пламенем слит,
Он, целуя, палит,
Усмехнется, и – вон!
Взбудоражив, смутив,
Уберет всех с пути.
Его имя – Огонь.
Так зовут и меня,
Я – поклонник Огня.*

*Красно небо огнем,
Все бледнеет при нем.
Жар вдохну я, и – бодр.
Божества нет святых,
Я святыне моей
Капну масла в костер.
Капну масла, он – чист,
Гордо выгнется ввысь.*

*Заклинает он змей,
Он дракона сильней.*

Вон пылает, маня.
Пламенеет огонь,
Быстроглаз я, как он.
Мы – прямая родня.
Пламенею и я –
Огнебога дитя.

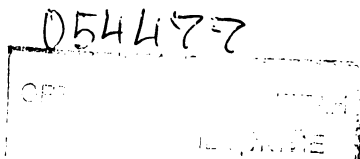
Суд над тьмою творя,
Занялася заря,
Я зарею рожден.
Я и сердцем – в зарю,
Я и верой горю,
Солнцу лишь мой поклон.
Сын зари и огня,
До последнего дня.

Я со мглою в вражде.
С гор алтайских до стран
В пиках Альп и Балкан,
Пролетал я везде.
Пролетал как стрела, –
Чтобы не было зла.

ТУРКЕСТАН

О, Туркестан – граница двух миров!
Ты – колыбель для нас, твоих сынов!
Ты избран Тенгри как Отчизна тюрков,
Храбрейших в битвах, словно стая львов!

Столетия прежде, иль в седую рань,
Не Туркестан ты звался, а Туран.

*Здесь наши предки пребывали вечно,
Отсюда всюду простирая длань.*

*Здесь горы наши к небу вознеслись,
Седой макушкой подпирая высь.
И словно слезы этих стылых высей
Со склонов реки спешают вниз.*

*«Оксус-Яксарт» или «Сейхун-Джейхун»,
Срываясь с гор, текли до зыбких дюн.
На их берегах – могилы наших предков,
Священные в сиянье солнц и лун.*

*Забывать ли мне красу «Небесных гор»?
Тянь-Шань мой славлю до сих пор.
О храбрых тюрках вспомню я невольно,
Когда Хан-Тенгри мой увидит взор.*

*Балхаш как дочь горы Тарбагатай,
Как пуп земли торчат Памир, Алай.
И если б не вершины Казыкурта
Потоп залил бы землю через край.*

*Турана лучше есть ли мир другой?
Превыше тюрки мне страны любой!
И разум в них, и дерзость, и отвага –
Отважней тюрков кто помчится в бой?!*

*Чингиса нет мудрее и храбрей,
С могучей волей, коей нет мощней!
И даже имя грозного праотца
Нас возвышает до скончанья дней!*

*Сын Тарагая, тюрков вождь Тимур,
Был пуще молний и опасней бурь.
Вселенную слепя своим сияньем,
Промчался он, поспешен чересчур.*

*Кто родом тюрк, того священна кровь,
Был Авиценна шейхом мудрецов.
Познанием смущал он всюду смертных,
Не знающим ни дна, ни берегов.*

*Огню подобны были тюрки там,
Как молнии, что мчат по небесам.
Когда единство тюркское распалось,
Наследников досталась слава нам!*

*Как не искать Отчизну нам в тоске?
Скакун и тот к ней мчится налегке.
Народ Алаш, твоя земля в Туране,
И лишь свобода в дальнем далеке!*

*Тянь-Шань, Памир и бдительный Алай.
Нас ждут, как будто позабытый рай,
Где нас зовут пройти дорогой славы
Кенесары и доблестный Аблай!*

ЛЮБЛЮ

*Ее волосы как бы посыпаны пеплом,
Она – еле живая и полуослепла,
Скоро будет ей сто, коль Аллах ей поможет.
И сидит она, четки перебирая,*

*Не зная, осталось ей сколько до рая,
Могильную сырость уж чувствуя кожей.
Это мать моя бедная в старости тяжкой.
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.*

*В глазах ее нет занебесного света,
Из уст не услышишь ни слова привета,
В объятьях нет страсти, зовущей к безумствам.
В постели она – не тигрица, не дьявол,
Не умеет дерзить, спокойная нравом,
Сильна лишь в искусстве возиться с посудой.
Это женка моя неказистая с виду.
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.*

*Всегда пребывающий в полудремоте,
Всегда в малахае, что скроет зевоту,
Избравший лишь лень себе вечной опорой.
По старым заветам все также живущий,
С отарой встающий, с отарой бредущий,
Есть народ мой Алаш, на движенье нескорый.
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу его не любить.*

*Миражной завесою вечно покрытый,
В буранах взывающих грозно, сердито,
С зимою как саван и с летом свирепым.
Не имеющий леса, не имеющий рощи,
Не имеющий гор, где вода в речках ропщет,
А имеющий только лишь мертвые степи,*

*Это вот Сарарка – моя родина в дреме,
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.*

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

*– Что означает слово «мир»?
– То, что вмещается в ладонь.
В одной ладони двум богам
Нелепо ссориться за трон.*

*Согласен я, Бог Неба – Бог,
Пусть правит Небом с мощью всей!
А я – Тимур, я – Бог Земли,
Не тронет пусть Земли моей!*

*Бог Неба – Бог, но у него
Ни рода нет, ни сути в днях.
А я – Тимур, я – Бог Земли,
Я тюрк, что родом из огня!*

ЛУНЕ

*Крылья ночи скрыли солнце,
В небе звезды засверкали.
На луну смотрю в оконце,
Полный лик ее в печали.*

*О, Луна, скажи как другу,
Что с тобою приключилось?
Ты плывешь в немом испуге,
Словно в небе заблудилось.*

*Или, кто-то свет твой застит,
Твой убор царицы скомкав?
Или, в ссоре с настоящим,
Загрустила о былом ты?
Как узреть, твое бывшее
Золотым, быть может, было?
Звезды в небе за собою,
Как народ свой, ты водила?*

*Может, в девственной свободе
Наслаждалась ты раздольем?
Право восхода и захода
Не в чужой держалось воле?*

*Скорби сей и я наперсник,
Прежде был и я на троне.
Был горяч я, юн и дерзок,
С птицей счастья на ладони.*

*В степь всмотришь: ее просторы
Словно шелковая скатерть.
Рек медовых блеск и горы...
Эта степь – моя праматерь.*

*Здесь я в играх и проказах
Допоздна носился шало.
Я ни в чем не знал отказа,
Никогда не знал печали.*

*Но, увы, судьба, проклятьем
Заклеймив, всего лишила.*

*Глаз зрачок моих – праматерь,
Взяв, меня осиротила.*

*Так судьбой обманут злою,
Погребен при жизни – вою.
О, Луна, возьми с собою,
Будем вместе – два изгоя.*

*С клятвой верности до плахи
Путь невзгод пройдем с тобою.
Мы прольем перед Аллахом
Слезы, смешанные с кровью.*

*Может быть, он нас услышит?
Путь в слезах еще зачтется?
Заблудившаяся в высях
Птица счастья к нам вернется?*

КТО Я?

*Я грозный лев, кто сдержит мой напор?
Я тигр, который устрашает взор.
Я в небе – туча, на земле – буран,
Бушующий с равнин до самых гор.*

*Я в небе солнце, чьи лучи щедры,
Сын космоса, я ваш лишь до поры.
Я океан без берегов и дна,
Я весь – приволье, нега и порыв.*

*Весь пламя я, ожгу, поберегись,
Я тот скакун быть ровней с коим – риск!*

*Пусть небо рухнет, иль земля – во прах,
Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь.*

*Я не умру и дух мой не умрет,
Что смерти нет, не знает всякий сброд.
Я сам и царь, и сам себе – судья,
Совет мне даст лишь явный сумасброд.*

*Когда я добр, то мыслью как в раю,
Когда во гневе, ад в себе таю.
Нет близких мне, один я как Господь,
Заслужат ли рабы любовь мою?!*

*Лишь сам я – Бог, себе поклоны бью,
Мой слог Коран, я – свой лишь слог люблю.
Я окаянный и покаянный – я,
Дух прошлого, я кончил жизнь твою!*

ОЖЕРЕЛЬЕМ – ЛУНУ, И ЗВЕЗДУ – НА КОЛЬЦО

*Твой лик как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.
Как шелк воздушна, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.*

*Туманит разум слов твоих игра,
Мне морем стать бушующим пора.
Твой смех есть россыпь жемчуга, мой свет,
На плоском диске, что из серебра.*

*Волнуясь, волосы, волнуют сердце мне,
Волнуясь, шлю посланье я волне.*

*Любимая, вот сердце, вот стихи,
Даря их вместе, я люблю вдвойне!*

*Возьми стихами вышитый платок,
Мое дитя, ты – сладкий лепесток.
На мед, обычно, мухи все летят,
Платком взмахнув, их вызовешь отток.*

*Когда придешь, воздушна словно шелк,
Из света дам на голову венок.
Из слез своих я жемчуг нанижу,
Не смейся, что без слез любить не мог.*

*Твой лик как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.
Как шелк воздушна, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.*

НА ЛЕТНЕЙ ДОРОГЕ

*Иду по бескрайней степи, одиночек.
Я черная точка, вокруг лишь песок.
И нет никого, я единственный путник.
Ни друга со мною, кто шел бы за мной,
Лишь я и земля, небосвод голубой.
Готов я заплакать в песках бесприютных.*

*Июльское солнце гнетет здесь мой дух,
А степь, словно труп, и ни звука вокруг.
Земля и сама задыхается в зное.
Лишь вьется дорога, змеєю стелясь,*

*Лишь пыль, оседая, здесь грудится в вязь.
И душно в безветрии, полном покоя.*

*На небе ни тучки нет, ни – облачка,
Багрянцем окрашено небо слегка.
Вокруг погрузилось все в некую тайну.
Вот кто-то как будто вздохнул, застонал...
Иль демоном вдруг овладела печаль...
Иль ведьмы гуляют, безудержны крайне?*

*Там сопки уснули тягучей грядой,
Там озеро светится дивной дугой.
И сон ее мирный так сладок, покоен.
В воде отражаясь, как в зеркале, весь,
В своей наготе без всяких завес,
Камыш ветерочка колеблем игрою.*

*Прибой загудел, всюду только шум волн,
Пошли миражи вдруг с разных сторон –
То озеро зыбится, город иль туча?
Иль войско в доспехах блестящих как лед
В поход на кого-то державно идет,
Из копий щетинясь покровом летучим?*

*Земля исстрадалась в надежде, что дождь
Из тучки, что праздна, польет на авось.
Закатное солнце смеется далече.
Цветы обожая – красавиц степных –
Вниманьем своим покоряет он их,
Целуя с небес, опаляет навечно.*

*Вокруг только смерть, и ни звука окрест,
Один я в степи всей, один я как крест.*

*Чего же не видно русалок из сказки?
Чего ж не смеются они, хохоча,
Златыми власами меня щекоча,
Нагие русалочки-голубоглазки?*

*Чего же они все таятся кругом,
Смеются и шепчутся, ходят молчком,
И крутят свои вокруг меня хороводы?
Им трудно ли выгнуться гибким бедром,
Прижаться, ласкаясь, всем естеством,
И дать мне, целуя, пьянеть от свободы?*

*Лишь вьется дорога змеєю, стелясь,
Лишь пыль оседая здесь грудится в вязь,
И душно в безветрии, полном предчувствий.
Впадая в беспмятство, пленник тоски,
Слезами тоски орошаю пески.
Я рад здесь скорей умереть от удушья.*

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

*Я в бескрайней степи понукаю коня,
Одного, без друзей, ночь застала меня.
Завывает буран, гоношится метель,
Жидкий снег превратил всю дорогу в кисель.
Конь поводит ушами, знать, видно, невмочь,
Беспокоит его эта темная ночь.
Разгребая свой путь, он рысит и рысит.*

*Взбеленилась метель, дует ветер дурной,
То он ангельски тих, то он бешено-злой.*

*То фырчит, то свистит, то завоет как зверь,
То хохочет, смеясь, то молчит, изувер.
Снег же бьет мне в лицо, хлесток словно из сит.*

*А буран прихотлив – то замедлит свой бег,
То клонится к земле и целует там снег.
А то грусть напустив, очень скорбен лицом,
Что-то шепчет себе как растерянный гном.
Снег вокруг для него, словно саван... И хмель
Позабыв, «Отходную» читает метель.*

*Ух, крепчает буран, начинает душить,
Еду я одинок, нет нигде ни души.
В тело холод проник, стало жутко от дум.
Я, возможно, не тою дорогой иду?
Сердце бьется мое от тревоги такой,
И виденья проходят немой чередой,
И мне, кажется, верно, ужасен мой вид.*

*Пред бураном таким стал бессилен и Бог,
Уж не видно пути, мрак – конец всех дорог.
И ни проблеска света, мрак сплошной словно ил,
Каракок, бедный конь мой, уж явно без сил.
Заблудившись в степи, в хладный саван одет,
Может, в этой степи я найду свою смерть?
И умру я в степи, снежным саваном скрыт.*

ГОСПОДЬ ВЕЛИКИЙ

*Господь великий, ты велик, мы верим в это,
И чтя тебя, мы исполняем все заветы.
Надеясь, что рабов своих ты не обидишь,
Мы волю отдали тебе, который светел.*

*Мы постоянно поминаем твое имя,
«Аллах акпар!», «Аллах велик!». Господь любимый,
Ты справедлив и потому, в твоей мы воле.
Любой наш шаг ведом приказами твоими.*

*Прости, Господь, коль я опутан суетою,
Раз явно зло, сказать о нем, пожалуй, стоит.
Ты так велик и милостив ко всем на свете,
Лишь нас, казахов, ты любви не удостоил.*

*Ты дал другим вершины гор, морей пучину,
Леса, озера и в цветах сплошных долины.
За что же мы живем без стана и приюта,
С тяжелой долей проклятого сына?*

*Ты дал нам степь, где нет травы, где только пустошь,
Не дал ни благ, ни знаний, ни искусства.
Нет, мы не те, не пасынки твои, что злобны,
За что же псов, числом не счесть, на нас науськал?*

*Другим ты слал посланцев истых неустанно,
Народ прозреет лишь водительствуем к знаньям.
Не дал ты нам, Господь, ни Книги, ни Пророка,
За что ты нас, скажи, оставил без Писания?*

*С тех пор казаху счастья нет, ему все хуже,
Другим народ мой как мишень насмешек нужен.
Не принял нас ты за людей, не дал Пророка,
Арабов хуже посчитал – прислуг верблюжьих.*

*Прости, Господь, умерь свой гнев, я раб твой хилый,
Не сторонись казахов ты, яви им милость.
Бог справедливый, говорю, трясясь от боли,
Пока все палками меня тут не забили.*

ВЕТЕР

*Вон – ветер, мальчик озорной,
Степь любит пламенной душой.*

Ему покой неведом.

*Губами будто шевеля,
Зашепчет из-под ковыля,
Или завоюет следом.*

*Нет ветру равных тут и там,
Вот он забегал по горам,
Смеясь, он брал преграды.
Не прячьтесь, все равно, найдет,
Плевком в лицо вам попадет
И убежит, неладен.*

*Он – беспокойный баламут,
Пораньше встанет он – и в путь.
И ну, ползти по полю.
Пристанет к озеру, что спит,
Его измучит, изрябит,
С ним поиграет вволю.*

*Потом разбудит древний бор,
Утешит чем-то, резв и скор,
Приветит старца, ласков.
И умеряя свою прыть,*

*Стараясь чувства свои скрыть,
Заглянет к черноглазке.*

*Дыша в лицо ей горячо,
Схватив легонько за плечо,
Он скажет, скорбен слишком:
«Я прилетел к тебе с зарей,
Дай поцелуй мне, ангел мой,
Приветь меня, глупышку!»*

*Она молчит, а он взахлеб,
В глаза целует, в губы, в лоб,
То в грудь запустит руку.
Я рад, красотка, за тебя,
Ах, почему не ветер я,
Все остальное – скука!*

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

*Он и она и не виделись долго,
И ждали в тоске столько дней.
Однажды вдруг встретились ночью промозглой,
Счастливей нельзя быть, пьяней.*

*Бросая друг другу счастливые взгляды,
В молчанье читают по ним о любви.
«Ты рад?» – она спросит. И скажет: «Я рада!»
И снова молчат, лишь волненье в крови.*

*Сойдясь в поцелуе протяжном и сладком,
Пьют радость и негу, друг к другу припав.*

*Смеживши ресницы, играют в прятки,
А в воздухе запах цветов или трав.*

*Дыханье горячее, вмиг опаляя,
Им лица и губы и кожу ожгло.
И было так близко до самого края,
Но их пробудило от страсти тепло.*

*Проснулись, но нет продолжения дальше,
Нет милого рядом и милой с ним нет.
Во сне целовал их солнечный зайчик,
Надеясь свести их хотя бы во сне.*

*Зевнув, потянувшись, с досады красotka
Сказала: «Пригрело. Наверно, к весне»,
И снова заснула – уютно и кротко,
И больше не видела страсти во сне.*

*Проснулся в тюрьме и джигит наш знакомый,
Он горько вздохнул, улыбнулся потом.
Ему солнечный зайчик напомнил о доме,
А также о той, что забыла о нём.*

БАБОЧКА

*На свече без оглядки
Бьется лета лоскут,
Не считая остатки
Учащенных секунд.*

*Так медлительно странствие
Над свечою, но – ах! –*

*И частичка пространства
Обращается в прах.*

*Вы, избранники судеб,
Пощадите крыла.
Злата кто не добудет,
Не сходите с ума.*

*Пусть поспешный бесславен,
Очевидное – плен,
Вместо золота – саван
Ты получишь взамен.*

БЕРНИЯЗУ

*... Воин погиб, захлебнувшись в крови
и успокоилась душа беспокойного.*

*Жизнь как степь, и в ней поэт – ребенок,
И душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
Жизнь его займет и усыпит.*

*Старика тоскливые советы
Мне напоминают океан,
В глубине скрывающий предметы,
О которых смутный образ дан.*

*А на дне Дарьи есть шесть десятков
Белых юрт на золотых шестах,
Шелковые пологи и сладкий
Голос – баю-баю на устах.*

*Там сомнамбулические орды
В седлах колыхающийся хор,
Смехом колдовским заводят воды,
Пена – как стада сбегают с гор.*

*День ли, ночь – не помню, все возможно...
Но сошлись здесь вечные враги,
Замерли в молчаньи осторожном,
Став на расстоянии руки.*

*Жизнь и смерть – два полюса бескрайних,
Оба повстречались на меже.
И явился им на поле брани
Юный воин с пламенем в душе.*

*Он увидел зло и в том, и в этом,
Две огромных цели для свинца.
Только отскочила рикошетом
Пуля – и убила молодца.*

*Два врага свидетелями были,
Как судьба себя нашла сама.
Одержим, – со смехом, говорили, –
Или вовсе выжил из ума.*

*Не пугайся мыслей ядовитых,
Ты воспой печаль свою, но так,
Чтобы тайны сами на орбитах
Выплыли к тебе, рассеяв мрак.*

*Жизнь и смерть в борьбе непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,*

*Надо, прежде чем сразиться с ними,
Петь, созвучьем связывая их.*

*Я жалею о судьбе поспешной.
В мире многое сближало нас.
Ты – поэт блуждающий и грешный,
В будущее шел ты – и погас.*

УРАГАННАЯ НОЧЬ

*В бескрайней степи – буранная ночь,
Повсюду – лишь смерти унылое царство.
Я факел зажег, чтобы свету помочь
Осилить покрытое мраком пространство.*

*Пусть черные тучи нависли с небес,
Пусть вьюга ярится, вздымая метели,
Но в слабых руках слабый свет не исчез,
Он виден в ночи, хоть и теплится еле.*

*Пусть светом таким и нельзя удивить,
Надеюсь: он выдержит долгие годы.
Я с Солнцем, Луной мог его бы сравнить,
Без коих во мгле бы осталась природа.*

*Возможно, его гордецы не поймут,
Обидят насмешкой, живущие прахом,
Не стану на это смущаться ничуть –
Уверен есть те, кто поддержит мой факел.*

ЗАГАДКА

*Степь разлилась желтым цветом.
Веет ветер. Веет ветер.
Что-то сердце чует, чует.
А кочевный люд кочует.*

*Степь молчит. И мальчик замкнут.
На мгновенье ветер замер.
Степь – загадка. Мальчик – тоже...
Что же душу мне тревожит?*

*Степь молчит. Малыш молчит.
Кто загадку ту решит?
Снова ветра дуновенье.
Степь. Загадка без решения!
Степь разлилась желтым цветом...
Веет ветер... Веет ветер...*

ГУЛЬСУМ-ХАНУМ

*О, Гутьсум, чьи пленительны очи и речи медовы,
Пусть уж нам впечатления мира не новы.
Почему же волнуясь при встрече я с Вами
На безумства любые окунуться готовый?*

*О, Гутьсум, чьи пленительны очи и речи с намеком,
Пусть смеется не солнце, Гутьсум, – Ваше око.
Ах, Гутьсум – это солнце, плывет себе в небе,
И не знает, что кто-то тут страдает жестоко.*

*Зарыв желанного в песок,
Кляня свой локоть и висок,
Стоит с лопатой сынок,
Безмолвен, строг, горюет.
Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.*

4

*Какой-то черный силуэт,
Как будто, скачет вдалеке.
Вон мальчик, ждущий лунный свет,
Какой-то черный силуэт.
Луны все нет, все нет, все нет...
Когда ж доскачет, друг в тоске?
Какой-то черный силуэт,
Как будто скачет вдалеке.*

5

Жизнь

*Ты – глупый пес, а жизнь – лиса,
Бежишь ты радостно за ней.
Схвати ее, иначе сам
Пойдешь к праотцам в небеса.
Тебя пасут, собак краса,
Найдут – отдашь лису скорей.
Ты – глупый пес, а жизнь – лиса,
Бежишь ты радостно скорей.*

6

«Повинное» слово

*Ни Бога нет, ни веры нет,
Как душу мне очистить?*

*Где страсти нет, не мил мне свет,
Ни Бога нет, ни веры нет.
Жизнь – только гнили жалкий цвет.
Как без надежды мыслить?
Ни Бога нет, ни веры нет,
Как душу мне очистить?*

7

Звук в ночи

*Подавший голос мне в горах,
Был Тенгри или филин был?
Познал тогда я скорбь и страх.
И, если, Тенгри, это ты*

*Подал свой голос мне в горах,
Осуществи мои мечты,
Не будь скупым ты как Аллах!
Подавший голос мне в горах,
Скажи мне всё же, кем ты был?*

8

«Завтра», «вчера», «сегодня»

*Все ясно с «завтра» и «вчера»,
«Сегодня» – это только миф.
А «завтра» – это туч игра,
Все ясно с «завтра» и «вчера»,
Прошедших дней прошла пора,
Оставив в памяти нарыв.
Все ясно с «завтра» и «вчера»,
«Сегодня» – это только миф.*

НЕМНОГО ПО ФЕТУ

*Ночи шелк,
Ветер смолк.
Он, она.
Тишина.
Они вон,
Смеха звон.
Так пьяны,
Влюблены.
Месяц тих
У реки.
Соловей,
Ветер вей.
Остуди
Пыл в груди.
«Ах, не тронь!»
Губ огонь.
Тихий бор,
Разговор.
Сопок ряд,
Жаркий взгляд.
Шепоток,
Чувств поток.
Туч моря,
И – заря.*

ВНУК И БАБУШКА

*– Скажи, бабуся, что есть в выси?
Платок небес пестро так вышит.
Когда смеяшь, мигают звезды,
Луна-старуха крикнет: «Тише!»*

*Вон тучки словно козы наши,
Когда пастух на привязь нижет.
Плывут, кучкуясь, друг за другом,
Как будто их спугнули свыше...*

*– Нельзя так, мальчик мой веселый,
Иди к мулле, пусть примет в школу.
– Послушай, что Лукбек сказал мне:
«Земля мяча есть родич дальний».*

*«Еще вдали, – сказал, – есть море,
В нем дна нет даже», – он сказал мне.
Еще сказал, что есть пустыня,
Где жжет песок везде повально.*

*Ответь, бабусь, он прав иль врёт он,
Скорей ответь – мне знать охота.
– Я – тёмная, ответить мне ли,
Сходи к мулле ты на неделе.*

*– Бабусь, бабусь, прости за приткость,
Скажи, а море густо, жидко?
Сказали, есть гора далёко,
Грозит макушкой небу шибко.*

*И что там бегаёт по склонам,
Сайгак, иль, может, заяц хлипкий?
Скажи, медведь не выше будет
Быка, смотри, наш мощен бык-то?
– Брось, озорник мой развеселый,
Тебе об этом скажет школа!*

БРАТЬЯМ ИЗ СЫР-ДАРЬИ

*Огню поклоны бил твой дед,
А ты земле свой шлешь привет.
Огонь есть Бог, и лишь в него
Твой верил дед, как в божество.
И что ж, он бегал от врагов?
Огонь и песнь спасли его.*

*Огонь же это небосвод,
Лишь он всю землю обоймет.
Над ней нависнет он.
Любовь его – земля одна,
Могилой ждет его она,
Умрет, в нее влюблен.*

*Твой прадед масло лил в огонь,
Гнал бесов он со всех сторон.
И если дух его – алмаз,
Запятнан был или потух,
Он очищал ослабший дух,
Огнем прекрасным словно страсть.*

*О, Сыр, ты некогда царил,
Восстань же из своих могил.
Люби огонь, что дед любил.
Кто не скакал, не вздымет пыль,
Кто не скакал, не знает пыл,
Ты сам сгори, чтоб внук твой жил.*

*Огонь лишь Бог, ты верь в него,
Других не может быть богов.*

*Вот братьям с Сыра мой завет.
Ваш дух запятнан иль потух,
Очистить чтоб ослабший дух,
Вам лишь огонь даст жар и свет.*

РОДНОЙ ЯЗЫК

*Неужто навсегда иссякли силы?
Бегут батыры, бросив знамена,
Свободы сердце пленное просило...
А нынче кровь пуста и холодна?..*

*У гордой птицы крылья перебиты,
И шумный говор улицы притих...
Неужто золотая мать забыта,
И загнаны великие в тупик?*

*Все: смелость, счастье, мужество и память –
Судьба вмерзает в безысходность льдин,
Но пламенный, как солнце над мирами,
Родной язык! – остался ты один.*

*Язык отцов – наследие святое,
Глубокий, острый, сильный, словно крик.
Своих детей заботливой рукою
К себе притянешь, мой родной язык!*

ЖИЗНЬ

*Жизнь коротка, всего-то по чуть-чуть
Нам выдал Бог, а там – не обессудь.
И вся она – с ее жарой и стужей –
Непостоянна, как душа, как суть.*

*Теплом прельстит, уверит без труда,
Что позади остались холода.
Но взгляд у жизни все-таки печальным
Бывает чаще, светлым – иногда.*

*Жизнь, кроме плача, что нам принесет?
Рождение – как падение с высот
В могильный ров, где камни тело ранят,
Где горьким плачем запечатан рот.*

*Обрадовался раб, отгоревал,
Отмучился, сраженный наповал.
Довольно за нос поводил Всевышний,
Но лучше человека не создал!*

ЖЕЛАНИЕ

*Пусть я сгорю, нет счастья мне,
Пусть всё вокруг горит в огне.
 Страданье – соль земли.
С огнем проникнет в сердце мощь,
Как сердца пламень сбережешь?
 Как слезы мне не лить?*

*Забуду волю я в плену,
В тюрьме и жизнь я прокляну,
 Горька страдальца роль.
Но в окружении врагов,
Лелеять буду я любовь,
 Разлуки вечной боль.*

*И боль, переполняя грудь,
Заставит горестно вздохнуть.*

Сказать и "ох", и "ах".
Свободы призрак, что зовет
Тех, кто способен на полет,
Я воспою в стихах.

От грусти этой вихревой,
Не возопит ли голос мой
По всей Сары-Арке?
И не дойдет ли песнь моя,
В себе всю нежность затая,
До той, кто ждет в тоске?

Пусть я сгорю, нет счастья мне,
Пусть всё вокруг горит в огне,
Страданье – соль земли.
В стихах себе скажу: "Вперед!",
Стихами пробужу народ,
К чему мне слезы лить?

ЗОЛОТОМУ ХАКИМУ АБАЮ

Благородный хаким, твое слово бесценно,
Пусть проходят века, твоя слава нетленна.
И другого такого, как ты, Человека,
Может быть, никогда не дождаться Вселенной.
Но народ твой высокое слово Поэта

Не ценил и не ценит в тщете своей брэнной.
Словно свора собак меж собою грызутся,
Слыша имя твое, брызжут мстительной пеной.
Не печалься, Поэт. Для народа родного

*Откровеньем еще прозвучит твое Слово,
Будет время, и будут достойные дети,
И поймут твое Слово – что жизни основа.
Будут годы тянуться своим караваном*

*С тяжелеющим грузом забот неустанных.
Твой народ пробудится, наставник суровый,
В обновленной степи твое время настанет.
От упрямо идущего след остается,
От сапожника шило его остается,*

*От богатого скот на земле остается.
От Поэта к оставшимся Слово пробьется.
Круг земной, по нему время катит незримо,–
Можно ль нам уповать, что промчит оно мимо?!
Нет, его колесо настигает любого, –
Как и Слово бессмертное! – Неумолимо!*

ДАР СЛОВА

*Если болен мой дух,
Тело мучит недуг,
Мне спасенье – дар Слова,
В час, когда он со мной,
В этой жизни земной
Не земля мне основа:
Лишь в стихах наяву
Я люблю и живу.*

*Ты души естество,
Тела жар моего,
Дар божественной речи.*

*Ты спасенье от дум,
Отягчающих ум:
Напишу – станет легче.
Слышишь, милый мой друг,
Речи сладостный звук?!*

Я ВЕРЮ В МОЛОДЫХ

*В грозных и бесстрашных львов,
В тигров, чья отважна кровь,
В крепких крыльями орлов –
Верю, верю в молодых!*

*И в глазах их искр не счесть,
И в словах их пламя есть,
Им дороже жизни честь.–
Верю, верю в молодых!*

*В дерзких юных тех орлят,
Что на крыльях ввысь летят,
В небеса вперяя взгляд, –
Верю, верю в молодых!*

*Водопады в тех поют,
Что народ Алаша чтут,
Золотой Арку зовут, –
Верю, верю в молодых!*

*Разве устают тулпар
Или сокол, что не стар?
Святость им – великий дар.–
Верю, верю в молодых!*

*Если знамя их Алаш
И Коран священен наш –
С ними в жертву жизнь отдашь. –
Верю, верю в молодых!*

*Верю в тех, кто сердцем мудр,
Кто в одно из вешних утр
Стяг Алаша ввысь взовьют, –
Верю, верю в молодых!*

РОДИНА МОЯ – САСЫККОЛЬ

*В блеске лучей или в дымке туманно-седой
Вот оно – озеро, полное дивной водой.
Волны по озеру, с гребнями из серебра,
С ветром играя, бегут и бегут чередой.*

*Озеро всем по душе – от детей до скота.
Плещутся, пьют, а вода, как и прежде, чиста.
К дальнему берегу юноша взор устремил,
Имя любимой без устали шепчут уста.*

*Девушки, жены приходят сюда вечером –
Кто за водою, а кто искупаться тайком.
Вдоволь напившись, бегают скот во всю прыть.
Любо смотреть за резвящимся молодняком.*

*Белые юрты, красуясь, поодаль стоят.
Дружно живут здесь сородичи. Те, кто богат,
Ближним приходят на помощь в беде и нужде,
Интересуясь: мол, как поживаешь, собрат?*

*Птиц тут без счета, галдеж над округой повис.
Рыбы так много, что только лови, не ленись.
Бабы горластые здесь пересуды ведут,
Быстро меж тем белопенный взбивая кумыс.*

*Озеро кто-то недаром Вонючим назвал,
Кто же не знает, как пахнет вода и трава!
С беркутом в путь отправляясь, охотник-мерген
Здесь не однажды на скакуне гарцевал.*

*Сам-то я где, как не здесь, появился на свет!
Детские годы не здесь ли оставили след?
Падали со стригунков и валялись в пыли,
И на закате сходились для тихих бесед.*

*О, Сасыкколь! Ты для предков в былые года
Щедрым являлся поильцем-кормильцем всегда.
Всех укрывали, спасали, хранили от бед
Два твоих дара бесценных – трава и вода.*

*Больно мне думать: с приходом ночной темноты
Что с тобой станется, озеро нашей мечты?
Ночь, как шинель, принакроет тебя – и тогда
С птицею счастья навек распрощаешься ты.*

Сасыкколь – вонючее озеро

ЖИВУ ЗАНОВО

*Я изнемог от темных дум –
Болит душа, и дней не счесть,
Когда я погибал от скорби...
А все-таки надежда есть.*

*И потому душа жива:
Как кровь – горячие слова
Из глубины ее струятся,
И счастье брезжит, и молва.*

*Сегодня жизнь моя полна –
В моих объятиях Она!
Не знаю ничего пьянее,
Чем эта теплая струна.*

*Кого я нынче обнимал,
Чьим лепесткам во сне внимал,
Казалось, солнце золотое
Всю ночь светило сквозь туман.*

*Я знаю сам, кого держал
В руках, когда в душе пожар,
Я словно целовался с утром,
Кого столь страстно обожал...*

*Я душу обнимал твою
И думал, что уже в раю.
“Люблю”, – душа мне говорила,
И я ее боготворю.*

*Ее слеза, как чистый мед,
Она, рыдая, слезы льет:
– Моя душа с тобой, любимый, –
Благословляю твой приход.*

*Я с нею вместе слезы лью,
Ее о нежности молю,
Омою этими слезами
Тропу житейскую мою.*

*Влюбленный – вот уж тридцать лет, –
Но не во мрак, а только в свет,
Омыв двойным рыданьем душу,
Восстал из забвения поэт.*

ЛУНЕ

*Солнце зашло.
Распростершись над миром,
Ночь звездным пологом Землю укрыла.
Вижу из сумерек темного дома –
В небо полночное всходит светило.*

*Но как печально Луны появленье,
С грустной тоскою глядящей на землю.
Путником робким, забывшим дорогу,
Тихо скользит она призрачной тенью.*

*Кто серебристого лика сиянье
Хочет затмить серых туч одеяньем?
Или сама ты, за пологом скрывшись,
Грезишь с тоскою о прошлом влиянье?*

*Может, была ты и в силе, и в славе,
Солнцу тогда уступая едва ли,
И, словно подданных верные толпы,
Звезды в почтенье тебя обступали.*

*Вольным небесное было круженье,
И не была ты ничьим отраженьем,
И по чужой преднамеренной воле
Не совершала свои превращенья.*

*Как я тебя понимаю, светило!
И у меня в жизни тоже все было.
Юность дала мне и силу, и смелость,
Счастье мне голову позолотило.*

*Видишь ты степь без конца и без края?
Ветер устанет, ее облетая,
С гор ее льется вода слаще меда, –
Это Отчизна моя золотая.*

*Мог стригунком в ее травах скакать я,
Чувствуя теплые степи объятья,
Мог беззаботно резвиться я, зная:
Завтрашний день предназначен для счастья.*

*Только судьба надо мной посмеялась,
Юного счастья гроша не осталось.
Нет у меня ни Отчизны, ни дома,
И сиротине неведома жалость.*

*И за какие грехи осужден я,
Заживо в темной норе погребенный?*

*Как бы, Луна, я хотел быть с тобою!
Оба – печальники, оба – изгои.*

*Мы бы отправились вместе в дорогу
В тяжких лишениях – к Господу Богу,
Слез бы кровавые выплавав реки,
Мы бы припали к святому порогу.*

*Горести наши и тяготы видя,
Разве Господь нас с тобою обидит?
Разве, услышав молитвы смиренья,
Не возвратит он нас в счастья обитель?*

ПРОРОК

**Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.**

Д. С. Мережковский

*Над Западом сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей.
Во мгле ночной лишь демоны кружат,
И даже Бог растоптан там толпой.*

*Над Западом сгустился мрак ночной,
На небе звезд не видно ни одной.
Здесь дети ночи, Бога умертвив,
Напрасно ждали, что придет другой.*

*Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой.*

*Законы веры знать им не дано,
Здесь брюхо застит оком собой.*

*Исчадья тьмы, дорогой тьмы идут,
Их и Муса¹ не вызовет из пут.
Айса², сын Божий, распят ими был,
Лишь крови жаждал их неправый суд.*

*О, дети ночи, под покровом мглы,
Лишь Вельзевулу³ поклонялись вы.
И Библию топтали, и Коран,
Восславив брюхо, что еще могли?*

*О, дети ночи, вы – заре враги,
Ваш Каин⁴ первый вырос на крови.
Животное, чей идеал лишь плоть,
Как может знать высокий зов любви?!*

*Так в половодье волн страшит накат,
Так яд в крови рождает в ней распад.
О, дети ночи, ваш повержен мир,
Над Западом – раскаты канонад.*

*В кромешной тьме царит над всеми ночь,
В ней голоса, и всхлипы, и не прочь
В ней кто-то засмеяться, зарыдать,
Незримый кто-то там до игр охоч.*

*Незримый кто-то воет и орет,
Таких, как сам, на шабаш он зовет.*

¹ Муса – библейский Моисей

² Иисус

³ Другое имя сатаны

⁴ По Библии, сын Адама, убивший своего брата Авеля. Это было первое убийство в человеческой истории.

*Вот он споткнулся, снова побежал,
Слепой во тьме, как путь он разберет?*

*В крошечной тьме он ходит, востроглаз,
Беда и кровь нашли тут свой экстаз.
И задыхаясь от паров таких,
Он ходит в думах тяжких как напасть.*

*В крошечной тьме и время медлит ход,
Не сдержишь тут и мыслей хоровод.
С незрячих глаз лия потоки слез,
С Востока он теперь пророка ждет.*

*Был в древности рожден от Солнца гунн,
От гунна – я, как пламя, вечно юн.
Я ликом чист, глазами я раскос,
И, пламенея, жду я свой канун.*

*О, не грусти, слепец мой, дай мне срок,
Я Солнца сын, верней, его зрачок.
Иду я к вам, пылая словно весть,
Рожденный гунном солнечный пророк.*

*Слепец несчастный, ты глаза раскрой
С Востока я иду к тебе с зарей.
Иду к тебе, я – призванный пророк,
Дождись меня, готовься к “Отходной”.*

*Я – свет с Востока, радостный восход,
Мой голос сотрясает небосвод.
Над миром всем сгустился мрак ночной,
Дам миру свет я, Солнце вновь взойдет.*

*В кромешной тьме печален плач осин,
В кромешной тьме рыдает ночи сын.
В кромешной тьме – луч солнца золотой,
То я иду, пророк и Палладин.*

ОТКРОВЕНИЕ

*Если радуюсь я, то восторга не прячу
И, безумным сльвя, как ребенок, чудачу.
Мое горе безмерно – как мир пред концом,
Но – дитя – я недолго печалюсь и плачу.*

*Если я рассмеюсь – то рассудок теряю,
Если плачу – то черную кровь проливаю,
Если враг – изведу, буду пить его кровь,
Если друг – у него на пути умираю.*

*Если я полюблю, то не так, как другие:
Горло страсть перехватит, как косы тугие.
Всю беру без остатка – и душу, и плоть,
И греховность ее, и стремленья благие.*

*Если плачет она – слезы я проливаю,
Улыбнется она – вновь рассудок теряю.
Забываясь от счастья в объятьях моих,
Умирает она – вместе с ней умираю.*

*Но я вновь оживаю, и вновь тянусь к счастью,
Вновь рассудок теряю, отравленный страстью.
Жизнь – безбрежная степь. Босоногий малыш –
Спотыкаясь, иду – и не верю в напасти.*

*Жизнь – река, и надежда мелькает плотвою,
Ловит ветер плотву сетью Слова живую.
Я – дитя, мотылек, а надежда – огонь.
Я на пламя лечу – и плачу головою.*

*Я цеплялся за жизнь, хоть не раз обжигался,
Я – не Богу – себе самому поклонялся.
Но в отчаянье каялся, к Небу взывая,
И молил о прощенье, и верить пытался...*

*Все, как есть, рассказал... Только ты не ответил.
Ты мое откровенье молчанием встретил.
А усмешку – кривую, как ухо осла, –
На губах твоих тонких я все же заметил!*

УПОКОЙ МЕНЯ, СМЕРТЬ, УПОКОЙ!

*Нет сил моих больше, устал я вконец,
Клубятся и тучи, что цветом в свинец,
И ветер лениво нам взвоят о том,
Что кто-то вот умер: как жизнь коротка,
Мы также все бранны как те облака...
О, ветер, не надо жалеть ни о ком.
Прошу, успокойся, и плач свой уйми,
Ведь смерть – это радость, ты это пойми.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*Одна на опушке, дрожа на ветру,
Росла молодая березка в бору.*

Ее донимал только ветра напор.
Вся в листьях как в серьгах, звеня, шелестя,
Пленила собою она как дитя.
Так что опечалить могло ее взор?
Упала березка однажды вповал,
Один только ветер над нею рыдал.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Подняв над собою трепещущий флаг,
С клинком, от которого в ужасе враг,
Напором, подобный разливу реки,
Юнец черноглазый насуплен и хмур,
С врагами сражался, чтоб выбить в них дурь,
И в битве со звоном встречались клинки.
Погиб тот юнец, хоть возрастом мал,
Над ним только ветер молитву читал.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Убогая степь, всюду пустошь одна,
В убогой степи только тропка видна.
Там путник идет по тропе, одинок.
Идет день и ночь, ему важно дойти,
Вся обувь истлела на этом пути.
И вот, наконец, заалел вдруг восток.
Но путник наш умер, хоть близок был дом,
Занес его ветер прохладным песком.
Душа моя млеет от блажи такой!

*Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*С румянцем на щечках, что очень к лицу,
С учтивою речью ласкающей слух,
С кудрями, что вьются лозой смоляной.
А смех ее звонкий, как жемчуг вразброс,
Она как цветочек, что только пророс,
Пятнадцать ей лет стало этой весной.
Она в тишине пролила столько слез,
Уйти ей из жизни в печали пришлось.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*Ребенок лопочущий, ангел земной,
Он всех рассмешит, такой милый, смешной.
О чем-то толкует, что нам невдомек.
Он крохотней ягод, нежней тростника,
О горечи жизни не знает пока.
Источник надежды, любви родничок.
Но сглазили, видно, не стало мальчика,
Лишь ветер тоскует о нем без конца.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*Волнуется озеро в дальней дали,
Жемчужные волны накатом пошли.
На дне этих волн, не поймешь толком где,
Воздвигнуты юрты – числом шестьдесят,*

*Завесы из шелка сверкают, блестят.
А там, за завесой, в прозрачной воде,
Волнистые волосы в юртах видны,
С нагими телами повсюду они.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*Отрада для глаз, удалой мальчуган,
Любовью родительской он осиян.
Спустился наш мальчик на самое дно.
Пошел он по юртам, к красавицам тем,
Он их обнимал... да и умер затем.
И ветер об этом от волн лишь узнал,
А скорбь поглотила бескрайняя даль.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*Идя с мальчуганом сквозь чистый поток,
Возьму я красавицу под локоток.
С юнцом удалым навсегда подружусь.
Сквозь волны шагая с березкой младой,
Мальца приласкаю с отцовской тоской,
И с путником я разделю его грусть.
Пусть тоже умру я скорей как они,
Не стану жалеть свои юные дни.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

*Возьми на колени меня как мальчика,
Целуй меня сладко, целуй без конца.
Приди же, о, смерть, прошу, поскорей.
Вот замерло сердце, лежу не дыша,
Взлетать перестала бунтарка-душа,
А некогда не было духа бодрей.
Возьми на колени меня и целуй,
Баюкая волнами, шепотом струй.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!*

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

*Дрофа перелетная песню допела,
Совсем молодая, уже овдовела,
И также, желтея, вдовеет земля
И плачет: ушли мои светлые ночи,
Тьма все обложила, день белый короче,
И лето в чужие умчалось края.
Черно одеянье.*

*Все небо за грозными тучами пряча,
Грядет непогода, омочит, оплачет,
Живьем заколотит страдальицу в гроб.
К слезам только слезы придут, и завоюет
Прославленный ветер над палой травой
И бросится вдруг в предпоследний галоп.
Прощай! До свиданья!*

*Березка на горке, открытая ветру,
Уже облетела, дрожит каждою ветвью*

И, корнем цепляясь за гиблый песок,
К земле прилегла, и в постели убогой
Тихонечко молит у здешнего бога
Себе сострадания на волосок,
Но нет состраданья.

Стоит карагач – многожильный вояка,
Единым листом не украшен, однако,
Под ветром не клонится – не побежден,
При нем времена и похуже бывали,
Его ураган даже вряд ли повалит –
Он к этому месту навек пригвожден
Другим в назиданье.

А я? На кого я похож? С кем сравниться?
Ни ветер, ни туча, ни осень, ни птица –
Я сам по себе позабыт, одинок –
Ни райский цветок, ни исчадие ада...
Я смертен – вот главная нынче досада.
Заплакать любой пригодится предлог,
Любое желанье.

Я думал, что силам не будет изводу,
Но кровь превращается в желтую воду,
А красные яблоки девичьих щек
Сменяются на бело-серую бледность,
Богатство – на невыносимую бедность.
Я радость от жизни меняю на шок...
Шаманье камланье.

Сегодня поплачу. О сладкие слезы...
Когда я умру, не умрут ли березы?

*Останется ли каракач вековать?
Красотки еще проживут безмятежно?
Округу порадуют пением нежным?
Подковы кузнец еще будет ковать?
Остались желанья!*

*Когда я устану от всей круговерти,
Когда я улягусь в обнимку со смертью
На черную землю под зыбкий песок,
Кто плакать останется – не надо мною –
Над нашею брэнною долей земною?
Один Милосердный с бездонных высот.
Одно упованье!*

СЕСТРЕ ГАЗИЗЕ

*Ты зеница ока, ты моя сестра,
Братец твой несчастный плачет до утра,
Не находит места в собственной душе,
Словно бы в застенке, где тоска остра.*

*Я не знал покоя, я горел в огне,
Мысли приходили тяжкие ко мне.
В горести и боли проходили дни.
Где мое спасенье в адской тишине?*

*Нет надежд на завтра, душу гнет тюрьма,
А в крови гуляет зябкая зима.
Сердце молодое затихает вдруг.
Как расправить крылья, знаешь ты сама.*

*Газиза, сестрица, в клетке мировой –
Нежная зеница ока моего...
Ты не плачь по брату, ты смири тоску –
Я томлюсь в застенке, только и всего...*

*Но, тебя увидев, подниму глаза –
И упрусь макушкой прямо в небеса.
Выйду из неволи, если даст Господь,
Ведь не так уж грешен, брат твой, Газиза,*

*Я рассею тучи, что черны кругом,
Расплачусь достойно с другом и врагом.
Но не плачь так горько, милая сестра,
Я не испугаюсь зла и топора...*

*Много в жизни горя и огня – в груди,
Выпало мне много боли и беды.
Но твоя улыбка – о свободе весть! –
Оставляет в сердце светлые следы.*

*Я попал в неволю, мир вокруг – тюрьма,
Но с твоей улыбкой не сойти с ума...
Слушает Всевышний, как моя сестра
С думою о брате молится сама.*

АЛЕКСАНДР БЛОК

*Александр Блок,
Сердцем как уголек,
В надежду лишь верил одну.
Погружаясь в печаль,*

*Он все Даму искал,
Терзая ночами луну.*

*Он искал ее днем,
Ночью – чуть не с огнем,
Покоя и сна он не знал.
Александр Блок,
Сердцем как уголек,
Пытал молчаливую даль.*

*Звал ее – “Идеал”,
В грезах к ней лишь взмывал,
Был Блок заморочен, ей-ей!
Если Дама – цветок,
Соловьем ей был Блок,
Без устали пел соловей.*

*Заливался все Блок,
Пел ей гимн свой, как мог.
Вплетал и страданье, и свет.
Вот и жизнь уж прошла,
Плохи Блока дела,
От Дамы известий все нет.*

*Дни за днями бегут,
Ночи молча текут,
Закончился сладостный гимн.
Болен, сир, одинок,
Что же видит наш Блок?
Старуха стоит перед ним.*

*Вот тебе идеал,
Вот что ты все искал,
Развевалось это все в дым.
Сердце как уголек,
Только плачет наш Блок,
Он понял, что был нелюбим.*

*Идеала-то нет,
А старуха есть смерть,
Как смотрит, карга, из-под век?!
Жизни свет в нем угас,
Гимн заглох в тот же час,
Только "Дама" осталась навек.*

ЖЕНЩИНА

*Когда на землю изгнан был Адам,
сказал Господь: "Я за грехи воздам!"
И человек был выслан им из рая.
"Ступай, – сказал Господь, – живи один,
будь сам своим поступкам господин,
на самого себя лишь уповая".*

*Темно и глухо было на земле,
тонули горы в непроглядной мгле
без солнца незакатного и света.
Могильным холодом несло с реки,
за каждой веткой чудились враги,
и зов Адама гложнул без ответа.*

*И понял он, что будущего нет,
что навсегда утрачен Божий свет,*

что в настоящем — лишь несчастья лики...
И, осознав, что немощен и наг,
лишенный Божьего тепла и благ,
он возопил: “Прости меня, великий!”

Так горько он томился и стонал,
стонал, не зная отдыха и сна,
унять не в силах горькие рыдания,
что внял его страданиям Творец
и, гнев сменив на милость, наконец,
раскрыл Адаму двери воздаянья.

Из шелковистых райских ветерков
и нежности невянущих цветов,
дарящих вечное благоуханье,
из ключевой серебряной воды,
любовно напоившей те цветы,
с ее неумолкающим журчаньем,

из дивной музыки небесных сфер —
прообразом всех гармоничных мер, —
румянцем солнечным окрасив щечки,
сиянья своего не пожалев,
создал Творец вернейшую из дев
для радости Адама днем и ночью.

Вдохнул он душу чуткую в нее,
чтобы не только мужа бытие
она своей любовью украшала,
но чтоб была ему поводырем,

*ведя прямым и праведным путем,
была надежным в море бурь причалом...*

*Сказал Творец: “Не жалуйся теперь –
я распахнул тебе надежды дверь
и снова обретешь ты кущи рая,
коль будешь чист душой и верен ей,
своей жене, то до скончанья дней
ты счастлив будешь, даже умирая...”*

*Прошли года. Ушли печаль и страх.
Забыл Адам, как он просил в слезах
участия и помощи Господней.
Стал человек и мелочен, и лжив,
обещанное Богу позабыв,
стал жить, как обитатель преисподней.*

*Ту, что была проводником души,
своим явленьем украшала жизнь,
он уподобил некоей скотине:
ту, что сияла в прелести земной
загадочной и царственной луной,
он превратил в бесправную рабыню...*

*Ты слышишь ли ее горчайший плач,
изгой вчерашний, нынешний палач?
И продолжаться будет так доколе?
Как бы тебе не распротиться вновь
со всем, что ты имеешь, пустослов,
переступивший снова Божью волю!..*

ГУЛЬСУМ

*Из нежного ветра, что дует в раю,
Из лучших соцветий в родимом краю,
Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время, навек,
Она – подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.
Прекрасной той женщины имя – Гутьсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.*

*В раю есть родник, чья вода горяча,
Клубится вверх пар золотой из ключа,
И ангелы Богу осанну поют.
Из вод серебристых того родника,
Из шепота листьев на всех языках,
Из божьего света, вся нега, уют;
Из ангельской сути она рождена,
Лишь небо ее есть родная страна.*

*Алмазные крылья ее так чисты,
Страна ее – небо, обитель мечты.
Но землю увидев, потопшей в крови,
Она, как кинжалом была пронзена.
Увидела степь, что страданья полна,
Где люди, как волки, живут без любви.
Людей пожалела, на землю сошла,
Сошла и исчезла в обители зла.
Людей пожалела, на землю сошла,
Летала повсюду, блистали крыла.
Любила того, кто страданьем томим.
Смеялась, когда людям нужен был смех,*

Делила и смерть, если все шли на смерть.

*Она согревала дыханием своим.
И вытащив многих из пыли и ям,
Прошла по бедовым житейским морям.*

*Жемчужною пеной чаруя наш взор,
Обманом морской привлекает простор.*

*А бросишься в воду – пучина там ждет.
Жизнь – это море, где сверху волна,
А в глуби – пучина без края и дна.
Кто хочет в пучину – стать жертвою вод?
Пучина смеялась, она и вошла,
Войти не успев, в тот же миг умерла.*

*Она умерла, пролетали года,
Она умерла, нет от песен следа,
И, в сумраке сером, блистая крылом,
Она пролетала над грешной землей,
Тоскуя о небе ночью порой,
С печальною песнею, что о былом.
Хоть крыльев был твердым все так же алмаз,
Горячие слезы струились из глаз.*

*Люблю я стихи, что волненья полны,
Меня восхищает сиянье луны,
Поэт я, наперсник возвышенных грез.
В опасное время на гиблом пути
Я шел, полагая, что надо идти,
И, вечером как-то, в час неба без звезд,
Я словно увидел зарю иль закат,
Души ее свету, увидев, был рад.*

Был голос ее словно дивный хорал,
Лицо ее чистое нимб озарял,
И слуху, и зренью в усладу дана,
Она покорила собою меня.
К ней я подошел словно к снопу огня,
Сказал: “Уведи меня в небо, Луна!”
Она на меня не взглянула никак,
Мое юное сердце окуталось в мрак.

Сказала: “Я смерти заложник живой,
Оплакали ангелы смерти день мой!”,
Взглянула на миг и исчезла, ушла.
Но свет этот райский, сиянья овал,
И голос прекрасный, в котором – печаль,
Остались со мною, как горстка тепла.
Пусть будут манить меня сотни чудес,
Навечно со мною теперь эта песнь.

Из ангельских песен, чарующих слух,
Из моря любви, возвышающей дух,
Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время, навек,
Она – подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.
Прекрасной той женщины имя – Гульсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.

ВОСТОК

*Восток раскосый, что стоишь?
Ты же гора тут, а не мышь!
Очнись же, великан!
Пусть стонет вновь земля! Вперед!
На Запад будет твой поход!
В крови там много стран.*

*Ах, Запад весь теперь в пыли,
То кровь рекой течет вдали.
И – громы канонад.
Власть знаний там несет раздор,
Как жив еще он до сих пор,
Востока дальний брат?*

*Он морем был, весь в реве волн,
Он рвался к небу, страсти полн.
Теперь – в останках скал.
Теперь чахоточный, больной,
Он озирает круг земной,
Найдет ли, что искал?*

*Исчадья ада, сатаны,
Пусть сдохнут на полях войны,
Гордыни злой итог.
И на закате его дней,
Став и сильнее, и юней,
Проснется мой Восток.*

*Восток раскосый, встрепенись,
Последним будет этот риск*

*Пойдем на Запад мы.
В знаменах реюющих, крича,
В литавры медные стуча,
Войдем мы в царство тьмы.*

*Развеем в прах мы город сов,
Детей же обратим в рабов.
Нет, так нельзя теперь!
Мы город обратим в цветник,
Детей же их – в детей своих,
Откроем в милость дверь!*

*Бедняг заблудших, что с пути
Сошли, не в силах путь найти,
Наставим мы на путь. .
На путь Востока, что широк,
Для всех, кто сир и одинок.
Лишь в нем – и свет, и суть.*

*Вон в море вдруг возник прибой,
Восток мой поднял рев и вой,
Мой видит зоркий глаз.
В знаменах реюющих, крича,
В литавры медные стуча,
Возникло войско враз.*

*Эй, гиблый Запад, что стоишь?
Гора твоя родила мышь –
Уйди с пути долой!
Иль вот тебе моя рука,
Коль хочешь жить наверняка,
Последуй впредь за мной!*

ИСПОВЕДЬ

*Жизнь – море, где ни берега, ни дна.
Лишь усмехнется, шелестя, волна.
А мне уж скоро будет двадцать семь
Пусть не старик – я знаю жизнь сполна.*

*Небытие мое прервала мать.
Встречал восходы, провожал закат.
С рождения плыву я против волн,
Пусть и свиреп, и грозен их накат.*

*С тех пор я встретил столько светлых зорь,
И тьма не раз скрывала весь простор.
Как начал мыслить, с сердцем я борюсь,
Я столько мог бы ей сказать в укор.*

*Смутьянка-сердце воли не дала,
Застыл и разум, опустил крыла.
Года бегут, их счет неумолим,
Безумная, сожми же удила!*

*Твоих приказов чуткий есаул,
Я и в огонь бросался, и тонул.
Прошли года, стою как перст, один,
За что меня втянула ты в разгул?*

*«Стань ветром!» – ты сказала мне. Я – стал,
Меж «рано», «поздно» я не выбирал.
Как буйный ветер бился я с огнем,
Пред ним в боязни я не замирал.*

*«Огнем ты стань!». Так я уже горю,
Могу обжечь дыханием зарю.
Зола иль роза – мне ли их делить,
Я им как равным жар свой подарю.*

*«Водою стань!». Так я потек, журча,
Змеей стелясь, что в образе ключа.
Завороженных музыкой моей,
Своим особым волшебством леча.*

*«Ты Солнцем стань!». Как Солнце я смеюсь,
Я выше Солнца по накалу чувств.
Обняться с каждым я душевно рад,
Себя принизить этим не боюсь.*

*«Стань Месяцем!» – сказала ты. Плыву.
Скорблю по всем, кто не сорвет траву.
Сестра тоски, лью колдовской я свет,
Для всех в печали выгнувших главу.*

*«Влюбись!» – приказ был. И, к любви горазд,
Я мотыльком сгорал на углях глаз.
И в те лихие, колдовские дни
Из пепла саван мне бывал как раз.*

*«Рыдай, поэт!» – сказала ты. Так что ж?
Я плакал словно после стольких гроз.
Ручьями крови я рыдал порой,
Когда уже не оставалось слез.*

*«Оставь родных!» – сказала ты. Я – тих,
Уж сколько лет скитаюсь без родных.*

*Пусть было много на пути невзгод,
Отца и близких не искал мой стих.*

*«Покинь Отчизну!». Я пустился в путь,
Я не был чуждым средь чужих ничуть.
Я постепенно стал для всех своим,
Понять пытаюсь их живую суть.*

*«Беги богатства!». Разве ж я копил?
Свои объятия нищете раскрыл.
«Дерьмо – свинье, собаке – кость дороже!»,
Так говоря, развеял все я в пыль.*

*«Того, что нет найди!». Так я нашел.
«Луну достань!». Я на луну взошел.
Все, что просила, я исполнил, сердце.
А что взамен? Все тот же произвол.*

*Ты обманула и предала вновь,
Мне через месяц двадцать семь годов.
А там и тридцать, там и сорок, что же,
Перед Отчизной с чем предстать готов?*

*Мне через месяц будет двадцать семь,
А там и тридцать, там и сорок... Кем
Останусь я в людских воспоминаньях,
Когда уже исчезну насовсем?*

*Шальное сердце к небу лишь рвалось,
Пред ней был разум – нежеланный гость.
Отрава – юность, так я пил отраву,
Теперь печаль – и дом мой, и погост.*

*Я с разумом был явно не в ладах,
Теперь меня преследует лишь страх,
Однажды я уйду в сырую землю,
Так чем помянут мой остывший прах?*

*«Сам ветреный, он ветер лишь любил!
В огонь бросался очертя – дебил!
Безумец сам, он чтит огонь за Бога,
Огонь, не знавший меру чувств и сил!»*

*Иль скажут, что до времени увял:
«К золотой луне стремился вечно вдаль.
Как лев, что жаждал до луны допрыгнуть,
Разбился он, оставив нам печаль!»*

*Как Солнце он был рад всегда всему,
Был Солнцем он и ненавидел тьму.
Был Солнцем он, был на улыбку щедрым,
Так и ушел изогнутым в дугу.*

*Иль скажут, что певцом был красоты,
Что поверяли все ему мечты.
В дни радости и горя, может, скажут:
«Поэт, ты с нами, необходим нам ты!»*

*Иль, может быть, ко мне забудут путь,
Забвению мое имя предадут.
Возможно, и к могиле одинокой
В степи бескрайней люди не придут?..*

*Страна казахов, о, не обманись,
Я не в ответе за лихие дни.*

*Пусть суд твой будет праведным, раз судишь.
Я не виновен, сердце ты вини!*

*Безумно сердце, ей своей рукой
Хотелось солнца диск обнять золотой.
Смеясь – целуя и целуя – плача,
Оно, погибнув, обретет покой!*

ПОГОНЯЙ ЛОШАДКУ, САРСЕМБАЙ!

*Погоняй же коня, Сарсембай!
Мы поедem в родимый мой край!
До зари мы уедem с тобой.
Погоняй же скорее коня,
Эх, достала учеба меня,
А так в город бы я – ни ногой!*

*Оглянись, у тебя позади
Он разлегся как сумрачный див,
Этот город – громада громад.
Он таится в тумане ночном,
Дышит дымом, угаром, огнем;
Его очи недобро блестят.*

*Столько шума в нем, гама, возни,
Столько всякой дурной болтовни,
Столько вони, что крикнешь: “Ой, бай!”
Так чего озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Погоняй же коня, Сарсембай!*

*Женщин, их ты ничем не проймешь,
Обожают измену и ложь,
Строят глазки на каждом шагу.
Бледнолицы как немочи взвар,
С тусклым взглядом, забывшим про жар,
Их мужчины – на радость врагу.*

*Не найти в них горячих сердец,
Идеал их: скорее поесть, –
Кабаны, секачи-хрюкачи.
Дети ночи, им ночь лишь приют,
Лишь в вонючих коробках живут,
И общаются только в ночи.*

*Небесами ты их не возьмешь,
Посмотри, сколько радостных звезд!
Вон Луна улыбается: «Ай».
Во мне город рождает лишь боль,
Быть в разлуке со степью доколь?
Погоняй же коня, Сарсембай!*

*Потянуло, что ли, ко сну?
Сарсембай, спой хоть песню одну,
Ту, которая нас встрепенет!
Скоро буду в родном я краю,
Где любивших меня я люблю,
Сердце, ну же, отправься в полет!*

*Сарарка, ты же – светочь души,
Ты – моя бескрайняя ширь,
Я всей грудью к тебе припадаю.*

*Ветерок твой обнимет как шелк,
Будет дорог мне каждый глоток
Из ключа, что течет на меду.*

*Не хочу озираться назад,
Мы вдали ли от города, брат?
Успокой же меня, дух придай!
Нам нельзя озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Погоняй же коня, Сарсембай!*

ЮНОЙ КРАСАВИЦЕ

*Я – поэт, я как поток,
Теку, в себя влюбляя.
Я – поэт, огня приток,
Я неба достигаю.*

*Черноглазка, прячь свой взор,
Не требуй поцелуя.
Увлечет тебя напор,
Лаская и милуя.*

*Я – поэт, я – ветерок,
Я – весь полет, стихия.
Я – игривый мотылек,
Люблю цветы любые.*

*Не печаль свой ясный лик,
Нет ветру в сердце места.
Соблазна полон его язык,
Лишь степь – его невеста.*

*Я – поэт, в стихах горяч,
Когда я вдохновенен.
Я – поэт, мой горек плач
В печальный день осенний.*

*Не дари мне этот взгляд,
Не обнимай, не надо.
Не целуй меня, мой яд
Отравит твою радость.*

*Пойми, с тобой меня уж нет,
Мне даже мир весь тесен.
Я – лишь ветренный поэт,
Источник слез и песен.*

ЛЮБИЛ Я В ТОТ МОМЕНТ

*Тебя увидя, подошел,
Тебя красивой я нашел.
«Люблю тебя, ты как из грез,
сгорает сердце, жар в крови,
Ты, верь – люблю! И в знак любви
Беру в свидетели я звезд!»*

*За пояс я тебя схватил,
Мой поцелуй тебя пронзил.
Дрожа, волнуясь, ты стоишь.
Ко мне ты близко подошла,
А подойдя, ты не ушла,
Вошла в объятия мои.*

*В глазах твоих такой был свет,
Ты не могла сказать мне: «Нет!»
Нам стало страсть не побороть.
В какой-то миг, сойдя с ума,
Ты прошептала: «Я – сама!»
И мы слилися к плоти плоть.*

*Но путник я, мне нужно в путь,
Скакун успел уж отдохнуть,
Чего же сиднем мне сидеть?
Я ветром был, я полетел,
Я многих полюбить успел,
А вот тебя забыл, мой свет.*

*Меня сегодня увидав,
Ты подошла и руку взяв,
С укором смотришь на меня.
И говоришь: «Ты не любил.
Зачем меня ты поманил?
Ты обманул меня, маня».*

*– Ах, нет – тебя я не манил,
Тебя я в тот момент любил,
Поверь мне, дева, что из грез.
Клянусь, я в том тебе не вру,
Любил тебя я в ту пору,
То подтвердят вон сонмы звезд.*

К...,

*Будто степная колючка,
В сердце вонзилась любовь,*

*Каплет из раны горячая,
Юная жаркая кровь.*

*Но заживает незримо
Рана в девичьих устах,
Без поцелуя любимой
Мир превращается в прах.*

*Пусть опьяняет с отрадой
Мед его сладостный вновь,
Пей, мое сердце, отраву
С милым названьем – любовь!*

В ЧАС РАССТАВАНЬЯ

*Год прошел, как был разлит тобою
Сладкий яд любви в моей груди.
Думал ли с такой душевной болью,
Что разлука ждет нас впереди?*

*Сердце разрывается на части,
Душу мою мучает вопрос,
Почему не умер я, несчастный,
Когда лился жемчуг твоих слез.*

*Знаю, навсегда меня покинешь,
Переплыв серебряный Итиль,
Для тебя я б стал рекою синей,
Превратился б, ног коснувшись, в пыль.*

*Стало горьким наше расставанье,
Мы с тобой не властны над судьбой,*

*Чиновники все из себя образованных гнут,
В усердьѣ чрезмерном любого за пояс заткнут.
Мы – гордость народа, мы цвет, мол,
мы – белая кость,
И кроткий, покорный народ подставляют под кнут.*

*Шакирты живьем загнивают в своих медресе,
Где духом растленья и стены пропитаны все.
Как стая ворон, чую падаль, гнездо покидают,
Крыла расправляя во всей своей мрачной красе.*

*Степные красавицы здесь продаются за скот,
И деву иную ласкает беззубый урод...
Но только любовь и за сто кобылиц не получишь!
Зачем же тогда сеять смуту в сердцах и разброд?!*

*В извечных раздорах и спорах, как в вечных
трудах,
Погрыз и душою, и сердцем мой бедный казах.
Душа его – сад, но едва распустившимся цветом
Отрадовал он – увяданье лежит на садах.*

*Неужто казаху задаром вот так пропадать?
Течение жизни его обращается вспять.
Увы, грамотеи, но в этом и ваша погибель...
Ужель, недоумки, и этого вам не понять?*

ВЕСЕННЯЯ ПОРА

*Шум воды. Резвясь, апрель с холмов идет,
Тощий ей многоголосьем вторит скот –
Жеребята-стригунки: “Пришла весна”.
Даже болен кто и хром, не отстает.
И у всех, кому спешить велит она,
Не осталось ни печали, ни забот.
Солнце щедрое рассыпало лучи,
Чтобы в сердце навсегда растаял лед.
Зажурчит вода – гор звонкая роса,
Как в подвесках тонких юная краса,
Птичий грай сольется в этот хор –
И кобыза струнам вторят голоса.
Лошадей арканят в байском табуне,
Их взнуздать и укротить спешат.
Дети малые в веселой беготне
Извалять в грязи друг друга норовят.
На джайляу пополненья ждут,
Древней мудрости творя обряд
И бессонно не спуская глаз
С кобылиц, что жеребятся первый раз.
Май веселый землю расцвелит,
Яркой зеленью раскрасил, словно шелк,
Ветвь качнул красоткой молодой,
Звонких птиц разноголосый щелк.
Отойдя от стужи, мошкара
Закипает, как густой поток.
В небе гром и проблески огней
Это пробил вешним грозам срок.
Материнским свежим молоком*

*Насладился резвый сосунок.
А на однолетках-стригунках
Дети скачут степью, без дорог.
Доходяги-овцы, кто куда
Разбрелись на запад и восток.
Дал весну природы благодать
Нам аллах благословенный впрок.*

В ЧЕМ УСЛАДА?

*Душа, попав на этот свет,
От жизни ждет одних усад.
Любовь и дружба с юных лет
Одни забавы ей сулят.*

*Но счастье – что: бег дум пустых
Иль ум, созревший до поры?
В пылу охоты бег борзых
И среди ветрениц пиры?*

*Быть может, смысл в богатстве есть,
Но с ним душе еще трудней,
Хоть мяса за сто лет не съест
И не пересчитать коней.*

*Чем удовлетвориться ей,
Не знает, мечется она,
Вся в суеверный мир страстей
И в празднества погружена.*

*На небеса не уповай –
Все будем там когда-нибудь.*

*Встряхнись, гнедого оседлай,
На локоть сокола, и – в путь.*

*Но этим не осилить зло
Душе, не знающей пути.
Наука или ремесло
Ее могли б еще спасти.*

*Ей возвратили б счастье жить
Печаль страданья за других
И думы – как освободить
Народ свой от невзгод лихих...*

ЛЕТНЕЕ УТРО

*Тепла и неги ночь полна,
Пар над землей клубится белый.
Сияя серебром, волна
Скользит по озеру несмело.*

*Уперлась в небосвод гора
В объятьях плотного тумана –
Свиданья краткого пора
Обоим, как всегда, желанна.*

*Непостоянный ветерок
Колеблется, как в колыбели,
Готов себя раскрыть цветок,
Чтоб лепестки запламенели.*

*Запела птица в вышине,
Ей птэнчик из гнезда ответил.*

*Миг пробужденья в тишине
Природе посвистом отметил.*

*Настало утро и, молясь,
Божественное осязая,
Душа блаженству отдалась,
Деянья божьи прославляя.*

*А вот и золотом заря
Даль затопила на востоке.
Расправив крылья и паря,
Вмиг обновился мир широкий.*

*... Да, утро, солнце... Видит бог,
Нет красоты без них на свете.
И верится, что в нужный срок
Постигнут божью мудрость дети.*

МОЛОДИЦА

*Эй, невестка-молодушка,
Угоди-ка ты старушкам –
Поднеси поесть-напиться,
Одари платком да ситцем.*

*Приглянулось угощенье
Вот тебе и уваженье.*

*Молодушке-молодице
Не приходится лениться.
Бог воздаст достатком, миром,
Творожок подай-ка с сыром!*

*Хоть невестка голодна,
У нее усталый вид, –
Словно сытый гость, она
На еду и не глядит.*

*Ей, уставшей, не прилечь –
Имя доброе беречь.
Дует ветер, дождик льет –
Скот доить она идет.*

*Лишних слов не говорит.
Кто такую укорит?
Но хотя заботит дело,
Двое ждут, чтоб солнце село.*

*Ночью, чувства не тая,
Шепчут: «Ты – душа моя!»
С чем судьба ни постучится,
Муж – опора молодежи.*

ПЕЧАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА

*Все печалишься и плачешь,
Ты забросила дела.
И, одна оставшись дома,
Все сидишь – невесела.*

*Отчего вздыхаешь часто?
Кто украл твой чистый смех?
Так и катятся слезинки,
Будто ты несчастней всех.*

*Мысли темными ночами
Застают тебя без сна.
Молоком прольется утро –
Ты в печаль погружена.*

*Спелым яблочком светилась –
И юна, и хороша.
Отчего же надломилась,
Словно веточка, душа?*

*Кто тебя окутал болью
И о ком твоя печаль,
Уводящая с собою
В удручающую даль?*

*Кто он, горькими устами
Тихо проклятый злодей?
Знай, обидчик пожелтеет
В схватке с совестью своей.*

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

*Возраст детства – царский трон,
Посмотри – прекрасен он.
Оцени, попробуй, если сможешь.
Но проходят годы, знай,
Праздно время не теряй,
Рассчитать умеи и подытожить.*

*Прогони от сердца лень,
Загляни в грядущий день.
Сторонись того, в чьем сердце холод,*

*И поверь, не твой приют –
Дом, где знания не чтут.
Познавать спеши, пока ты молод.*

*Миг у вечности в узде,
Ощущай его везде,
Не вернешь растраченного всеу.
Молодость – бесценный дар,
Успевай, пока не стар.
Лишь бездумный праздно дни тасует.*

*От незнанья отрешись,
Полузнанья берегись.
Трудно – пояс затяни потуже.
Обучайся ремеслу,
Неуч – он сродни ослу.
Рассуди, кому он в жизни нужен?
Мертвецу подобен он –
Корм для псов и для ворон,
Только с виду жив, здоров и весел.
Но смеются все над ним!
Дорогой, не будь таким.
Неучу – хозяин даже ветер.*

*Тот, кто в знаньях искушен,
Тот почетом окружен.
Мастер не сидит на всем готовом.
По земле идет вождем,
Спорит с ветром и дождем,
Золотым притягивает словом.*

*Что ни сделает подчас –
Веселит, ласкает глаз,
Все полезно людям, все потребно.
Где ни проведет рукой,
Там добро к добру – рекой,
Скажет слово – и оно целебно.*

КАК НАУЧИТЬСЯ РЕМЕСЛУ

*Тот джигит упорный выйдет в мастера,
Кто покрепче подпояшется с утра.
Отрешась от мнимых радостей земных,
Чистоты крылатый вестник и добра.*

*Кто не тратясь на людскую круговерть,
На зеленых молодух и старых ведьм,
Не жалея сил, труду себя отдаст,
Главный путь стараясь в жизни углядеть.*

*Он не станет, чтоб страданий избежать,
Ни к обману, ни к лукавству прибегать.
Сохранит свое достоинство и честь,
Будет насмерть на своем стоять.*

*И к злословию испытывая стыд,
Сторониться от позорной клеветы.
А уж дел худых неправильный соблазн
Осторожно обходить за три версты.*

*Над людьми не заноситься без нужды,
Презирать донос, не затевать вражды.
Знать, что, алчности не поборов в душе,
Встретишь смертный час без капельки воды.*

*Брать всегда за образец святых людей,
Кто не зря прослыл героем наших дней.
И стараться мудрость их не утерять,
Что сокровищ неземных всегда ценней.*

*Дружбу с тем водить, кто миру весь открыт,
А не с тем, кто затаится норовит.
И бесстрашно в мир страстей людских входить,
Как в шатер прекрасный, что в раю стоит.*

** * **

*Власть свободы нам дана,
По пути всегда она.
Но если угодишь в капкан,
Вмиг очнешься ото сна.
Жизнь попавшего впросак
Разве не тоска одна?*

МОЙ КАЗАХ

*Мой казах, ненастья час настал,
Скот ушел, нам джут живот поджал,
Полюбуйся на себя со стороны –
Не к лицу тебе безделья идеал.*

*Знать, за дело взяться нам пора:
К Магомету не пойдет гора.
Прозябать в невежестве глухом
Разум твой был вынужден вчера.*

*Место волостного поделить –
Значит, друг на друга злость излить.*

*Сотни тысяч в никуда текли –
Вот из родника б того испить!*

*За землей к нам шли издалека,
Подымали города в песках.
А казах в грызне между собой
Вновь лишался за клочком клочка.*

*Чтобы жизнь богатств не унесла,
Ты в порядок приведи дела,
И, отвергнув косности закон,
В храм войди наук и ремесла.*

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

*Я в думах о тебе сгорал, тоскуя,
Ни с кем не мог сравнить тебя, родную.
И коль есть мир – и ты, я мир отринул,
В своих мечтах искал тебя одну я.*

*Я подавлял печаль, казался гордым,
Поникнув от любви, казался бодрым.
Меня испепелял огонь сердечный,
Душа изнемогала год за годом.*

*Но вновь мои глаза тебя искали,
Но вновь мои слова ответа ждали.
Устало мое сердце в брennom теле,
Узнал я от любви одни печали.*

*И днем, и ночью я молил о счастье,
Как о спасении в огне горящий,*

*Но ты не снизошла к слезам и стонам,
Ты не спасла меня своим участием.*

*“Душа моя”, – молил душой страдавшей,
Но слышалось в ответ: держись подальше!
Я на твоих глазах кричал от боли,
Но жалости твоей я не дождался.*

*Ты для меня была как солнца лучик,
Но нравилось тебе меня лишь мучить.
Прощай же, ангел мой жестокосердный,
Возлюбленную я нашел получше.*

*Неси и дальше сердце ты пустое,
Я за любовь свою теперь спокоен,
Мне все равно с возлюбленной моею,
Хоть летом снег идет, хоть пышет зноем.*

*Со мной она вовеки не слукавит,
Она меня, как ты, не опечалит,
Отныне мир пребудет неизменным,
Ни радости, ни грусти в нем не станет.*

*Прощай, мой светик, ждет меня другая,
Хоть оглянись, дай руку, дорогая,
Ведь ждет меня, раскрыв свои объятия,
Возлюбленная – мать-земля сырая.*

ОДНАЖДЫ

*Проснулся чуть свет и увидел уук¹.
Уж чем он понравился мухам – не знаю,
Но только жужжали они, не смолкая, –
Садились, толкались, летали вокруг.*

*Глядел я на эту возню, и во мне
Возникла печальная мысль на рассвете:
И мы ведь, Адама злосчастные дети,
Похоже, подвержены той же возне.*

*Да, мы таковы, но и мир наш таков,
Поделенный на две неравные части:
На слабых и сильных, на горе и счастье...
Так было и будет во веки веков.*

*Заря – не для бедных. Смотри не смотри,
Следов не отыщешь достатка былого.
Зато с нищетою ты свидишься снова
Какая же радость от этой зари?!*

*Вот так размышлял я меж явью и сном,
И не были мысли игрою досужей.
Вдруг матушкин голос донесся снаружи:
“Проснись, лежебока! Иди за конем!”*

*Шатаясь спросонок шагнул за порог,
Потом с недоуздкой побрел к коновязи.
“Заря – не для бедных”, – все есть в этой фразе,
Вся горькая правда. Но есть ли в ней прок?*

¹ Уук – изогнутая палка, часть конструкции свода юрты.

*“От мыслей никчемных один только вред”, –
Меня поучало мычащее стадо.
А солнце шепнуло: “Ты духом не падай.
Дождешься и ты избавленья от бед”.*

ОСЕНЬ

*Ветры осени грабят леса,
Вянет пышного лета краса,
Ветви скрючились, листья пожухли,
Иней блещет в траве, не роса.*

*Глянeshь – дали темны от дождя,
Птиц не слышно – знать, нет им житья.
У огня стариков в каждой юрте
И старушек увидишь, войдя.*

*Где ты, жаркий ковер травяной?
Ноги холод объемлет, не зной.
Стала нищенкой дряхлой природа,
Что цвела, обольщая, весной.*

*Время вспячь эту нищенку шлет,
В ней не скоро краса оживет.
Со слезами жестокую зиму
Все живое и мертвое ждет.*

*Ну, а в городе – там, как всегда,
Деловая царит суета.
Мчит вдоль улицы стайка студентов –
Книги в сумках, смеются уста.*

*Им по сердцу любая пора.
Отделят они зло от добра,
Умудренными станут мужами,
И да будет судьба к ним щедра!*

*А в ауле на взрослых людей
И на их босоногих детей
Наглядишься, и в сердце проснётся
Боль-тоска незапамятных дней.*

*Здесь наук и ремесел не чтут,
Здесь невеждами с детства живут.
Как огня, избегающий знаний,
Всяк умен лишь на выборах тут.*

*Обучать сыновей им когда?
Ссоры, тои, байга, барымта...
Глазом в завтрашний день ненароком
Хоть один заглянул бы из ста!*

*Там, где все обучают детей,
Там и облик народа светлей.
Как скотина, жующий да пьющий
Оскорбляют собою людей.*

*Край невежд, ты себя погубил!
Кто не грабил тебя, не гнобил?
Смерть близка, замирает дыханье,
Пот со лба утереть нету сил...*

ПЛАТОК

*В разлуке с милым слез поток
Мне все труднее удержать.
Когда ж закончу я платок
Для суженого вышивать?*

*Березе осень лист желтит,
В лицо мне вкрался тот же цвет,
Луна мне в небе не блестит,
И солнца не сияет свет.*

*Четвертый месяц, как судьба
Нас разлучила с женихом.
Его горластый отарба¹
К войне умчал под стук и гром.*

*В тревоге за родной народ,
Скорбя об отчей стороне,
Где он сейчас идет-бредет
На чуждой для него войне?*

*Там блещут злобно города
Огнями адскими в ночи.
Какая мука и беда –
Слова не понимать ничьи!*

*Средь неприветливых людей
Он бродит, мрачен и уныл.
Без близких, без любви моей
Ему, наверно, свет не мил.*

¹ Отарба – паровоз, поезд.

*Солдатский ли мундир на нем
Иль серого сукна чекмень?
С лопатой или кетменем
Он стынет на ветру весь день?*

*Окоп, наверно, роет он
Врагу, себе ли самому?
Сосредоточен, изнурен –
Прерваться некогда ему.*

*В разлуке с милым слез поток
Мне все труднее удержать.
Когда ж закончу я платок
Для суженого вышивать?*

*Не скручивайся, нежный шелк,
А ты, игла, ускорь свой бег.
Будь на готове ты, клочок
Батиста – белого, как снег.*

*Умру с тоски, но не в слезах –
Чист будет мой прощальный взор:
Не будет больше слез в глазах –
Все их вберет платка узор.*

*Пусть милый мой платок возьмет
И, если набежит слеза,
Всею грудью обо мне вздохнет
И вышивкой утрет глаза...*

*Господь! Коль не судьбу с судьбой,
Так слезы наши вместе слей.*

*Шелк, не морщиться под иглой,
Будь снега, мой батист, белей.*

*В разлуке с милым слез поток
Мне все труднее удержать...
Когда ж закончу я платок
Для суженого вышивать?*

И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ – СУДЬБА МОЯ

*Праздник юности станет седою золой,
Ты подумай об этом, об участи злой,
Как обманчива жизнь, как играет судьба
Человеческой жизнью и смертью самой.*

*Блеск во взгляде угаснет и щеки впадут,
Голова поседеет за пару минут,
А потом заскрипят твои старые кости,
Ничего, дорогой, не поделаешь тут...*

*Это все переменчивых судеб игра,
До чего же тоскливы твои вечера,
Ты свой жизненный путь озираешь с презреньем:
– Умирать, – говоришь, – наступает пора.*

*Снова дразнит судьба и играет людьми,
Чтоб сырая земля распахнулась дверьми,
Ненасытна она, и скрипят ее зубы,
А в остывших глазах не осталось любви.*

*Что не делай, а смерть все стоит на дворе,
Даже если запястья твои в серебре,
Даже если любим ты и радостен даже,
Жизнь и смерть – две струны на великой домбре.*

ЦЕЛУЙ МЕНЯ, ЦЕЛУЙ

*Ах, целуй меня, целуй, моя любовь,
Сладким ядом наполняя мою кровь.
Я богатства всего мира не отдам
За минуту наслаждения с тобой.*

*Дай, тебя я обовью, как деревцо,
Дай покрою поцелуями лицо,
Чтоб дыханья наши страстные слились,
Чтоб уже не размыкалось рук кольцо.*

*Своей талией осиною дразня,
Кос распущенных плащом укрыв меня,
Припади к моей пылающей груди.
Ах, душа моя! Горю я без огня.*

*Твое тело, словно облако, бело,
От газельих глаз и в сумерках светло,
Мне не нужен рай небесный и земной –
Только счастье, что с ума меня свело.*

*Так целуй меня, целуй, моя любовь,
Сладким ядом наполняя мою кровь.
Пусть не день за этой ночью – ночь придет,
И луна луну сменяет вновь и вновь!*

ЛУЧ

*Долгою была разлука.
Вот и встретились они
И поведали друг другу,
Как в былые жили дни.*

*Пережитые печали
Привели под этот кров.
И глаза их засияли,
И все меньше, меньше слов.*

*Губы в жажде раскрывались,
И тела сплетались их
И в единый мир сливались,
Что был создан для двоих.*

*Ветерок ли бился ранний
Взмахом легкого крыла?
Но от близости дыханий
Их растаяли тела.*

*Как безжалостная память
Выдаст тайну дней былых,
Так невидимое пламя
Лица пожирало их.*

*И сгореть, и кануть в бездну –
Только бы всегда вдвоем...
Но сверкнуло, словно перстнем,
Солнце яростным лучом.*

*Сон исчез, что враг в тумане,
Затерялся среди круч.
И она еще в обмане,
В опьянительном дурмане,
Сожалеет, что все канет,
Что всему виною луч.*

*А в тюрьме в одной из камер
Рады этому лучу.
По стене скользнул и замер.
И за ним следят глазами,
Словно он сродни ключу.*

СОН

*Мой взор не видит ни луны, ни солнца,
Свет дня давно погас в моем оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, когда свой срок закончу.*

*Я полон сил напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?
Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.*

ВЕСНОЙ

*День настал! Тебе ж все спитя,
Озорница... баловница!
Пробудись, ягненок мой,
Сон стряхни, лицо умой! –
Так Заря будила Землю,*

*А земля лежала, дремля,
В блеске утренних лучей.*

*Вот тихонько шевельнулась,
Потянулась и проснулась.
Только медлит встать,
Шутя, непослушное дитя!
И щеки её касаясь,
Мать склонилась, улыбаясь,
И целует горячей.*

*И, откинув одеяло,
Степь под солнцем засияла,
И бежит вода, звеня,
И смеется в свете дня,
Рассказать о чем-то хочет
Как ребенок, все лопочет,
Разливается ручей.*

*Свежею водой умылась,
Празднично принарядилась.
И красуется Земля,
Радуюсь и веселя
Разнотравьем и цветами,
Многоцветными шелками,
Многозвучием речей.*

*И с нее, своей отрады,
Целый день не сводит взгляда
Солнце – ласковая Мать,
Не устанет обнимать,*

*Целовать и любоваться –
Им теперь не расставаться
До вечерней темноты!*

*А у края неба тучи
Шепчут, собираясь в кучи
Сочтены, мол, наши дни,
Бесприютны мы, одни,
Нас никто не приласкает.
Видишь, слезы проливают
И роняют с высоты...*

ПЕСНЬ ВОИНА

*Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой вьется на ветру!
В руке – копье, свидетель битв,
Он помнит жаркую пору!
Моя страна, я весь киплю,
Ты – мой огонь, а я – твой трут.
Да буду жертвою твоей,
И в дикий холод, и в жару!
Не отступал перед врагом,
То помнит солнце поутру.
Бояться молнии не след,
Я вижу в ней свою сестру.
Теперь на всё идти готов,
Со смертью я веду игру.
Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой вьется на ветру!
Копье надгробьем станет мне,*

*Коль в схватке я за честь умру.
Свидетель подвигов моих,
Упрямый, мощный, верный друг!
Рыси, мой милый Каракок,
Пусть чуб мой вьется на ветру!*

МЕЧЕТЬ И ТЮРЬМА

Мальчик:

*– Отец, родной мой, что за дом такой?
Такой надменный и такой большой?
Тот, кто взойдет на башню с длинной шеей,
Небесных тайн познает, верно, рои?*

*Отец, кто ходит в этот тихий дом?
Что за особа остается в нём?
И если с неба льются откровения,
Кому они назначены, о чём?*

Отец:

*– Мечетью этот дом большой зовут,
Как будто предков соблюдая путь,
Сюда идут, чтоб поваляться в прахе
Все воротилы, в них такой есть зуд.
За пять минут поклонов и вставаний,
Хотят, распутны, Бога обмануть.
И муэдзин с утра поющий сладко,
Себе мечтает брюхо лишь раздуть.
Да, этот дом не Дом Небес, а рынок,
Где пред монетой звонкой все падут.*

Мальчик:

*– Отец, смотри, вон мрачный дом стоит,
Он неприступен и жесток на вид.
Окно черно, дверь словно ров могильный,
Кровь, что ль, на стенах и на тверди плит?*

Отец:

*– Есть юноша, его зовут “Мечта”,
Он весь из света, с песней на устах.
Его стихи всем дарят вдохновенье,
Жемчужны крылья и любовь чиста.
Его призванье – пробуждать стихами,
Его обитель там, где высота.
Не делит он людей на близких, дальних,
Для всех поет, летая и кружа.
Творец всего он и всего начала,
Им в плоти нашей рождена душа.*

*Дом этот скорби мир зовет тюрьмой,
Мир – дуб, а смертных я сравню с свиньей.
Знай, этот дом есть для мечты могила,
Иначе – склеп для пламенных душой.*

*Смотри, вон страж вышагивает как,
Сомкнул он брови, хмурясь словно мрак.
Безумец, рад Мечту он караулить,
Ей уготовив острожной барак.*

*Но где Мечта? Она – творец чудес,
По-прежнему посланница небес.*

*В полете вечном, в души льет надежду,
Чтоб интерес в них к жизни не исчез.
Сей дом – тюрьма, любимица оков,
Насилия и мерзости покров.
Довольных, что Мечту в неволе держат,
Как не смеяться над толпой глупцов?..*

ЦЕНА БЫЛОГО

*Каждый прошлое рад восхвалить,
Оно, словно пора золотая.
Или это привычка любить
Невозвратное что-то, не знаю...*

*Старики лишь о прошлом твердят,
Они хвалят его, превозносят.
Новизна не чарует их взгляд,
На все новое пыжятся косо.*

*Только в прошлом – всего образец:
И суда, и закона, и чести.
Там и ангелы сходят с небес,
И шаманов сбываются вести.*

*Все прошедшее дорого нам,
Так и мать про покойного сына
Вспоминая, не верит глазам,
Что он умер, что нет его ныне.*

*Он как лучший из лучших, хоть мал,
И умен, и приветлив, и сладок.*

*Он в два года такое сказал,
Что секреты раскрыл всех загадок.
Новизне редко дарят почет,
Пусть в былом нет ни правды, ни чуда,
То, что рядом людей не влечет,
Только прошлое нравится людям.*

СВОБОДА

*Когда землю покрыл всю кровавый потоп,
Когда пена взлетала до неба взалхлеб,
 Когда бес человека попутал, и, он
Позабыл для чего ему разум был дан,
Когда Библию рвали, топтали Коран,
 Когда равенства, братства был погран закон.*

*Когда люди ходили по локоть в крови,
Когда сердце застыло, забыв о любви,
 Был в почете предатель, почитаем был лгун.
Когда резали все, всех косили подряд,
И верблюдицу дойную, мать верблюжат,
 Когда Тенгри исчез, превратившись в таньгу.*

*Когда только шайтан правил миром, жесток,
Когда всюду вражда нам затмила исток,
 И казалось, что все: жизнь в добре лишь мечта.
Отворились врата и с высоких небес,
В райском свете похожа на райскую весть,
 Прилетела Свобода как ангел чиста;*

Ее лик ослеплял словно солнечный смерч,
Была словно из шелка волшебная речь,
И белели, лучась, два алмазных крыла.
Все живое вокруг, чтоб увидеть живьем,
В удивленьи большом окружило ее,
А она, улыбаясь, им рада была.

Осиянные светом, почтенья полны,
Затаивши дыханье, стояли они.
И, казалось, что счастью не будет конца.
Те, кто света не видел, был жертвой невзгод,
Неодетый, голодный и бедный народ,
Для веселья открыли умы и сердца.

Загорается быстро и гаснет легко,
Человек на решенья глупые скор,
Не за это ль был изгнан из рая Творцом?
Вот пришел он в себя, вновь достаток обрел,
И так к свету привык, так вошел в эту роль,
Что за старое взялся к стяжанью влеком.

Снова побоку честь, нагулял аппетит,
Божий суд и людской вновь его не страшит,
Про свободу забыл, что так тяжко далась.
Снова топчет других: всюду плач или вой,
Снова всюду резня, кровь повсюду – рекой,
Снова ложь и грабеж, вновь убийства и грязь.

Вновь подонки в ходу, коих выгнали вон,
Чьи сердца словно гниль, источают лишь вонь.
Вот кто ныне достиг своей цели опять.

*Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
Снова хрюк издают кабанов пяточки,
Снова гостью с небес они жаждут изгнать.
И ругают ее, и зовут сатаной,
И идут на нее дружной в злобе стеной,
Вновь повсюду вражда восстает из золы.
У посланницы рая поблек ореол,
Над священной гостьей – толпы произвол,
В пятнах грязи и крылья, что были белы.*

*Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
Снова хрюк издают кабанов пяточки,
Торжествуют, смеются: сбылась их мечта.
А свобода, расправив два белых крыла,
Приготовилась взмыть в край, не знающий зла,
Как и прежде, невинна, как и прежде, чиста.*

ПАПИРОСА

*В руке – папироса,
Стряхну я вопросы
Вместе с пеплом в горшочек, что пуст.
Забывшись порою,
В дым весь зарююсь,
И дымом, что густ, захлебнусь.*

*Жизнь – речки быстринка,
Надежда – тростинка,
Я поплавать в быстринке решусь.
Но только я – в воду,
Хоть мелко здесь, вроде,
Неожиданно я захлебнусь.*

*Забывшись порою,
Я в дым весь зарююсь,
Буду кашлять от дыма, что густ.
Жизнь – хрупкость тростинки,
Надежда, как льдинка,
Яд приму и умру, задохнусь.*

БЕРЕЗКА

*Печальная березка,
Тебе зимой непросто.
Под ветром наклоняясь,
Забыла ты про тишь.
О чем-то шепчешь, шепчешь,
И вся дрожишь, дрожишь.
А ветер зол и гневен,
В порывах очень жестких.
И, будто ветра мало,
Ты терпишь снег устало.
Покрыл тебя он густо,
Как саван, бел и сух.
И так тебя сжимает,
Что вынимает дух.
Придет ли лето, о, березка,
Когда воды напившись чистой,
Распустишь пышно свои листья?
Когда качая твои ветви,
Завееет нежно ветер летний?
Когда задремлешь потихоньку
От птичьих песен очень звонких?
Но ныне ты грустна, угрюма,
Так и застыла в тяжких думах.*

*Ушла ты вся в мечты о лете,
Тебя буран плевками метит.
Я одного тебе желаю:
Пусть Бог твою печаль заметит.*

ЛЮБОВЬ – ОТРАВА

*Что есть любовь? Колючка, шип,
Вонзенный прямо в сердце.
Любовь есть рана для души,
Чья боль – причина бедствий.*

*Излечит быстро эту боль
Лишь поцелуй медовый.
Иначе ждет другая роль –
Ты истекаешь кровью.*

*Любовь – отравя, сладкий яд,
Пьянящий сердце разом.
Не привлечет ничто уж взгляд
И не пробудит разум.*

*Лишь пьешь и пьешь, и слезы льешь,
И не проснешься даже.*

*Струи черных волос,
Брови, в коих вопрос,
Лоб округлой дугой.
Блеск горячих очей,
Кожа снега белей...
После встречи с такой,*

*Страсть познав словно смерть,
Можно и умереть,
Можно и на покой.*

Посвящение Г...

*Не радуя солнца игрой,
Не теша цветов красотой,
Прошло ты, лето, скорей.
Увяли деревья, цветы,
Озера, усохнув, пусты.
Не слышно даже гусей.*

*Ты – диво меж явью и сном,
Мне встретилась в круге земном.
Сгораю от страсти теперь.
Была ты гостьей с небес,
Я жаждал, чтоб сон не исчез,
Но в небо закрылась мне дверь.*

БЫСТРО ПОЛЕЧУ

*Я, баловень степных долин – орлан,
Алтай, Урал, как два моих крыла.
Я – вольный воин золотой степи,
Бесстрашие она мне придала.*

*Отец мой, если спросишь, великан,
А мать моя мудра на сорок стран.
И если тигром зарычу на вас,
Ваш устоит ли трусов караван?*

*На скакуна, взяв знамя, я взлечу,
Поднявши саблю, я на бой хочу.
Пусть мир меня узнает и почитит,
Познаю удаль и пыланье чувств.*

*Во мне дух предка возродится вновь,
Очищу степь я от былых врагов.
Мои потомки, повзрослев, начнут
Царить повсюду, где есть трон и кров.*

*Алтай, как мать, молитвами почту,
Отец, исполнил я твою мечту.
И чтоб припасть к твоей седой груди,
Я, торжествуя, быстро прилечу.*

НА ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ

М. Дулатову

*Какая радость – мрак ночной прошел,
Златое утро всходит на престол.
Господь услышал горестный наш плач,
И к нам на помощь в доброте пришел.*

*Свободы птица к нам вернулась вновь,
Ей удалось уйти от всех стрелков.
Взошло вновь Солнце в радостных лучах,
Спасибо Богу за его любовь.*

*Светила лик порой покроют тучи,
Но через миг разогнан рой летучий.
Так и джигит, он лишь крепчает в бедах,
Он как скакун, его камча не мучит.*

*К нам вновь лицом удача повернулась,
Пусть поздновато, но она вернулась.
Что ж, прошлое прошло, теперь в дорогу,
Быстры, сильны, нас не укараулить.*

** * **

*– Мой мальчик славный, что ты киснешь,
Тебе грустить ли, мой ребенок?*

Ты мал, не будь привязан к мысли,

Она – мираж, что не догонишь.

Придет сама, как повзрослеешь,

А детство – время не для стонов.

Пойди в табун, там изождался

Тебя твой резвый жеребенок!

– В табун идти мне неохота,

Пойду далёко, на охоту.

– Домбру возьми, раз так взгрустлось,

Спой песню, чтобы встрепенулись

Красотки юные в округе.

Чтоб песнь твою они услышав,

От страсти жаркой захлебнулись.

Во всю щеку горит румянец,

Собой твой стан чинару манит.

Найди себе ты черноглазку,

Она тебе женою станет.

– Мне к черноглазке неохота,

Пойду далёко, на охоту.

– Я мать твоя, рожден ты мною,

Мой сын, ты счастья достоин.

Зачем собрался в путь далекий?

*Печалюсь, стану я больною.
Я без тебя, мой светоч милый,
В тоску и грусть себя зарюю.
Тебе не надо в путь далекий,
Позволь, тебя я успокою.
– Тебя печалить неохота,
Но, все ж, пойду я на охоту.*

*Дано ли ветру не скитаться?
Он на охоту вышел, дерзок.
Ни скот, ни родич и ни дева,
Того, кто дерзок, не удержит.
Пока он ехал, одинокий, –
Попался враг – жесток и мерзок.
В полете – копыта, в рубке сабли,
Упал юнец в бою ослабнув.
Упал юнец в кровавой пене,
Нашла душа отдохновенье.*

ПРОЩАЛЬНОЕ

*Моя любовь отравой была,
Зачем меня любила, не знала?
Зачем и сам не думал я уйти,
Зачем в любви сгорели мы дотла?!*

*Меня любя, не видела других.
А я не видел горьких слез твоих.
В них чувств чистейших были жемчуга,
Зачем не умер в жертву я за них?!*

Я знал: сегодня бросишь ты меня,
Уйдешь по Волге, волн серебро гоня.
О, ангел мой, я заброшен здесь;
Отринула, сумей и жизнь отнять.

Ну, все, прощай, в знак дружбы руку дай;
Моя рука дрожит, не замечай.
О, Гуль... нет силы дописать стихи,
С горящим сердцем вывожу: «Прощай!»

* * *

Без цветка в гуле дней,
Замолчал соловей.
Он стал так... – серый птах, стал нелеп.
Жизнь в молчаньи – тоска,
Печь, где нет уголька.
А без пламени сердце – как склеп.

* * *

Мысль – это яд,
Так утоляет жажду.
Мысль – это яд,
А яд снесет не каждый.
Мысль – это яд,
В нем столько опьяненья,
Мысль – это яд,
Готовься к омертвению.

Подобна морю мысль,
Валы натужно гонит.
Подобна морю мысль,
Волнуется до стога.

*Подобна морю мысль,
Без края, дна теченье.
Подобна морю мысль,
Цена лишь жизнь влеченью.*

*Отравлен мыслью я,
Теряю, значит, разум,
Отравлен мыслью я,
Знать, в сердце есть зараза.
Отравлен мыслью я,
Горю я чисто, ясно.
Отравлен мыслью я,
Увяну и погасну.*

ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА

*Еще вчера сияла ты полною луной,
Взгляд черных глаз всех поражал игрою колдовской.
Была ты белокожа как тополиный пух,
Казалось виноградной вьешься ты лозой.*

*В поре своей невинной была ты так чиста,
Дарили исцеленье слова в твоих устах,
Следам пророка были подобны и следы,
Была в них та же святость и та же высота.*

*Но ныне и в помине нет красоты былой,
Маральей самкой смотришь, что сражена стрелой.
Ты очень сожалеешь, сгораешь от обид,
Поддавшись жаркой страсти, беспутной и хмельной.*

*Была уловкой лисьей соблазнена ты в миг,
Забыла ты о завтра, впадать не стала в крик.*

*Ни чести нет отныне, увяла и краса,
Теперь в беде ты вечной, покрыт позором лик.*

*Теперь тебя в народе распутницей зовут,
Никто с тобой не хочет пройти совместно путь.
Не плакать ты не в силах, ты вся ушла в свой плач,
Как будто можно плачем красу и честь вернуть.*

Я ПОВЕРЯЮ ВАМ...

*Когда я рад, забуду обо всем,
Не раз людьми обозван был глупцом.
Когда грущу я, мрачен как в аду,
Но я отходчив, не живу я злом.*

*Когда смеюсь, смеюсь я без ума,
Когда я плачу, всюду только тьма.
Когда враждую, кровь пролить готов,
Когда дружу я – жертвенность сама.*

*Я женщину не так люблю как вы,
Сгораю в миг я на костре любви.
Душа важна мне и важна мне плоть,
Я душу с телом стисну до крови.*

*Она смеется, я – еще звончей,
Заплачет если, плачу вместе с ней.
Оставшись враз без тела и души,
Умрет она, но я умру быстрее.*

*Увижу вновь, опять смеюсь, ожив,
Вновь в петлю лезу, разум позабыв.*

*Жизнь – степь, а я – топочущий малыш,
То оступлюсь, то встану на призыв.*

*Жизнь как река, надежда – чебачок,
Словами дурит рыбу ветерок.
Безумец – я, младенец я, во мне
Надежды пламя пересилит рок.*

*«Я сам Господь и сам себе слуга»,
Порой и Бога числю во врагах.
Но если что случится вдруг со мной,
К нему иду я в горестных слезах.*

*Ну, вот читатель, я раскрылся весь,
Ты красок лишних, лжи не встретишь здесь.
И что в ответ? Улыбку вижу я
Ослиной пасти... Вот весь интерес.*

ОДА ГЛАГОЛЬНОЙ РИФМЕ

*Бедняга квёлый – «пропустил»,
В раздумьях что-то – «отпустил»,
Отраву пил – «не запустил»,
В кустах играя «не грустил».
Надежду вечно он – «растил»,
Был одинок, но всех «простил».
Что за стихи с концом на «сти»?
К чертям! Пойду овец пасти!*

ДРУЖБА И СЛЕЗЫ

*Рождает дружбу пьянства транс,
Два пьяных – это дружбы шанс.
Как выпьешь, сердцу горячо,
И слезы льются в дилижанс.*

*Болезнь рождает дружбы цвет,
Больного лучше друга нет.
Жалея, плачем вслед ему,
И слёзы капают в кювет.
А тот, кто трезв – тот зверь лесной,
Здоровый – это не больной.
И трезвый дружбу не поймет,
Он слезы лить не станет, злой.*

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

*Смотрю в окно и вижу Вас,
Лижу потом я карандаш.
Размеры, строки подсчитаю,
Иду спокойно я на марш.*

*На стих нацелен я всегда,
Не дописать стихи – беда!
Не знают люди, Бог простит,
Краду у Фета без стыда.*

О, ГОСПОДИН!

*О, господин наш, господин!
По дому видно, важный чин
Тут проживает... Знатный дом!*

*Какая роскошь! Блеск один!
Берете, видно, Вы с людей,
Охоч давать простолюдин.
Не перейду я к Вам на ты,
Скажу как чёрту только: "Сгинь!"*

** * **

*Звон-звон, перезвон...
Я звоном этим возбужден.
Как россыпь, что из серебра,
Стучится тонко в сердце он.
Звон-звон, перезвон...
В крови моей горит огонь.
Снаружи слышен как вблизи,
За девушкой звучит вдогон.*

*Звон-звон, перезвон...
Берет звон сердце в свой полон.
Охвачен пламенем, горю,
Войди же, ангел, звону в тон.*

*Звон-звон, перезвон...
Попал теперь я, обречен.
Я таю от медовых слов,
Дай руку мне, губами тронь.*

*Звон-звон, перезвон...
Я звоном этим покорен.
Звон в тихий шепот перешел.
Звон-звон, перезвон...*

ВОЛНА

Из волны рождается волна,
Догоняет подружку она,
Друг за дружкой вдогонку бегут.
И, как будто, тоскуя о ком,
В нескончаемом споре лихом,
До утеса в раздоре их путь.
Там волна поверяет волне
Свои тайны, что были на дне
Их ранимых и нежных сердец.
Жемчуг пены блестит как венок,
Извиваясь в воде как вьюнок,
До утеса дойдут, наконец!

Детским лепетом дивным журча,
Серебром став в потоке ключа,
Ударяются, выдохнув: «Цок!».
Серебром, что по вкусу как мед,
Золотым истечением вод,
Омывают утесу лицо.

Ожемчужены каплями слез,
Омывая слезами утес,
Засмеются, целуя его.
Этот смех их веселый есть плач,
Он – предвестье больших неудач,
Смех и плач – это смерть ведь всего.

Порождая трезвон золотой,
Одну тайну крадя за другой,
Серебрится волна за волной.

*Мед отдавши тому, кто им мил,
Умирают без страсти и сил,
На дне моря находят покой.*

СОКРОВЕННОЕ

*Житейское море, где берега нет,
Бездонное море, где волны чуть свет,
Я брошен сюда неизвестно откуда:
Мне скоро исполнится двадцать семь лет...*

*Я матери так благодарен моей
За жизнь и за солнечный отсвет степей.
С тех пор бесконечная тянется битва
В житейских штормах одиссеи моей.*

*Без счета ложился туман по утрам,
И тьма напознала в дома из-за рам,
Я с собственным сердцем вступил в поединок,
И что я нашел, кроме боли и ран?*

*А сердце все бьется, бездумно стучит,
Рассудок отстал от него и молчит...
Помедли, мое безрассудное сердце!
На миг замирает в житейской ночи...*

*Наказы твои исполнял я всегда
Тонул в океанах, горел в холода
И в голой степи от иллюзий очнулся:
Отравлена жизнь, пролетели года.*

*“Будь ветром!” – не слышалось: ветром взлетал,
В пространствах души и земли пропадал,*

*Я так легкомысленно реял на воле,
Что был на огне опален, как металл.*

*“Пора быть огнем!” – я растекся огнем!
Я огненным змеем потек напролом,
Ко мне приходили безумцы напиться,
А я разгорался звучащим костром!*

*“Будь солнцем!” – и я вам сиял с высоты,
Не знали ночей золотые сады.
Я гордость смирил, обнимаясь со всеми,
Для солнца я в том не увидел беды.*

*“Луною пребудь!” – и я полной Луной
В небесной молитве скользил над Землей...
Даря с высоты неземное сиянье,
Я много сердец растревожил собой.*

*“Люби!” – и я многих безумно любил,
И в пламени крылья свои опалил,
Не раз оживал после смерти, как Феникс,
И в пепле я новую жизнь находил...*

*“Заплачь!” – так велела безмолвная даль,
А разве я в жизни вздох не рыдал?
Мне слез не хватило – я кровью залился:
Нет более слез, – я всю душу отдал...*

*“Родителей брось!” – был жестокий наказ,
А разве я в мире не жил без прикрас?
Бродил в одиночестве под облаками.
Родные мои, как мне плохо без вас!*

*“Оставь свой народ!” – прозвучало, и я
Оставил отчизну впотьмах бытия.
Как змей, я втирался в доверие к людям,
Наполнив друзьями иные края...*

*“Богатство отринь!” – я богатство бросал.
Зачем мне достался крикливый базар?
Пусть свиньи на пададь бросаются жадно,
А я даже нищий – богат, как и встарь.*

*“Найди, чего нет!” – и я отыскал!
Бродил среди лунных обломков и скал...
Чего же ты хочешь, жестокое сердце?
Чтоб я навсегда в этой жизни пропал?*

*Я жду, что исполнится мне двадцать семь,
А я ничего не исполнил совсем...
Что людям скажу о потерянной жизни
Пред тем, как шагнуть в замогильную темь?*

*Да, мне исполняется двадцать семь лет,
А там уж и тридцать, и сорок, и цвет
Лицо приувянет, и старость нагрянет.
И жизнь приготовит печальный ответ.*

*На все безрассудства души молодой,
Которая с разумом бросилась в бой...
Да, молодость – это опасное зелье,
Но, все-таки, встретился разум со мной...*

*Я поздно, наверное, взялся за ум,
Однажды я встречу со смертью, угрюм,
С сырою землею улягусь в обнимку...
А что от поэта останется? Шум?*

*А вдруг не оценит поэта народ,
Поймет его с «точностью наоборот»
За то, что был ветрен, взвивался, как пламя,
Бездумно за годом растрачивал год?*

*Был солнцем – в объятиях землю держал,
Он мрак не любил и луне подражал,
Смеялся над миром, как солнце смеется,
И в смерти со смехом объятья разжал...
Что скажут вослед? Что, быть может, певец
Влюблен в красоту или, может, сердец
Любил он разгадывать вечные тайны...
А вдруг замогилье – еще не конец?*

*А вдруг к изголовью никто не придет,
И имя поэта навек пропадет,
На эту могилу в степи обнаженной
Никто даже взглядом не поведет...*

*Судьбина поэта! Прости за печаль.
Казахский народ! Одного только жаль:
Пускай ты осудишь горячее сердце,
Но только не вечную эту скрижаль...*

*Дороги отчаянны и непросты,
Пропитаны солнцем творений листы.*

*Я жил и смеялся, сгорал и метался –
Народ, если сможешь, поэта прости.*

ЛЮБИЛ...

*Однажды зазвал
И за руку взял:
“Погибнуть не дай, спаси!
Сгораю, любя,
Навеки в тебя
Влюблен я, у звезд спроси”.
Твой стан обхватил
И жаркие слил
С твоим уста свои.
И ты в тишине
Приникла ко мне,
За дерзость не прогнала,
А взглядом: “И я,
Сказала, – твоя...”
И кровь во мне разожгла.
Не знаю уж как,
Но разум иссяк,
И наши слились тела.
Но резвый тулпар,
Покуда не стар,
Одной ли отдаст свой пыл?
И, многих любя,
Былую тебя
С годами я позабыл.
Но вспомнил тотчас,
Едва только нас
Вновь случай уединил.*

*А ты слезы льешь,
Мол, прошлое – ложь:
“Как сладко ты лгал, прохвост!”
Нет, радость моя,
Не лгал тебе я,
Твой вывод уж слишком прост.
И я был влюблен, –
А, может быть, он.
Не веришь? – спроси у звезд.*

ЛЕТО НАСТУПАЕТ

*Веет легкий ветерок,
Набирая силы,
Запасаясь ими впрок
Для отчизны милой.
Небо в золоте плывет
солнечного света,
Это лето к нам идет,
Наступает лето.*

*И шелковые свои
Косы расплетая,
Лето золото струит,
С юга прилетая.
Золотистая пора
Добротой согрета –
Радуетя детвора
Ласковому лету.*

*А в тени укромной снег
Спрятался от света,*

*Будто можно по весне
Спрятаться от лета.
Лето ведь не только снег,
Даже лед растопит
И разбрызжет легкий смех,
В юных листьях шепот.*

*К морю, к озеру, к реке
Ручейков тропинки
Устремятся налегке,
Звонкие, как льдинки.
Брось, малыш, свою игру
В зимнем теплом доме,
Выйди, оглянись вокруг –
Нежится в истоме
Обновленная земля,
Улыбаясь свету,
И готовятся поля
К золотому лету.*

*Рукоделье кинь свое
В доме, черноглазка,
Выйди, слушай, как поет
Обновленья праздник.
Зарумянятся твои
Яблочками щечки,
Ожидание любви
Душу растревожит.
Загадай о ней, шепни*

*Лету по секрету:
Верь мне, в считанные дни
Все исполнит лето.*

*Защебечут, как в раю,
Птахи, загнездятся.
Вспомнив молодость свою,
Жизнью опьянятся
На земле живые все –
Люди, звери, травы.
В пышной солнечной красе
Зашумят дубравы.
Ветер ласково поет,
Солнышком согретый.
Лето светлое грядет,
Наступает лето...*

ЖИВУ ЗАНОВО

*Я изнемог от темных дум
Болит душа, и дней не счесть,
Когда я погибал от скорби...
А все-таки надежда есть.*

*И потому душа жива:
Как кровь – горячие слова
Из глубины ее струятся,
И счастье брезжит, и молва.*

*Сегодня жизнь моя полна –
В моих объятиях Она!*

*Не знаю ничего пьянее,
Чем эта теплая струна.*

*Кого я нынче обнимал,
Чьим лепесткам во сне внимал,
Казалось, солнце золотое
Всю ночь светило сквозь туман.*

*Я знаю сам, кого держал
В руках, когда в душе пожар,
Я словно целовался с утром,
Кого столь страстно обожал...*

*Я душу обнимал твою
И думал, что уже в раю.
“Люблю”, – душа мне говорила,
И я ее боготворю.*

*Ее слеза, как чистый мед,
Она, рыдая, слезы льет:
– Моя душа с тобой, любимый, –
Благословляю твой приход.*

*Я с нею вместе слезы лью,
Ее о нежности молю,
Омою этими слезами
Тропу житейскую мою.*

*Влюбленный – вот уж тридцать лет, –
Но не во мрак, а только в свет,
Омыв двойным рыданьем душу,
Восстал из забытья поэт.*

НА ВОЛГЕ

1

*Пригорок, словно прикорнув,
Овечкой сытою лежит.
Хвоистых сосен стройный ряд
К вершине вверх стремясь бежит.
Гольш, источенный водой,
Как курт, рытвинками изрыт.
Игрива горная река,
Красотки нрав в теченьи скрыт.
На мелководье деревца,
Как будто бус округлых нить.
В округе этой, как в раю,
Как можно здесь печальным быть?*

2

*Днем волны бесятся взыграв,
Их гонит яростный прибой.
А вечером они смирны,
Повсюду в них разлит покой.
Днем верблюжонка был в них пыл,
Брыкались, прыгали горой.
А вечером нисходит тишь,
Закатной чудною порой.
Дневные волны так дерзки,
Влекут отваги красотой.
Бездонны вечером они,
Волнуют тайной разум мой.*

3

*Блестит и пенится ряд волн,
Усыпан жемчугом их путь.
Рождая грохот, шум и плеск,
Как овцы с привязи, бегут.
Бушуют, бьются о скалу,
Вспенясь жемчужно под скалой.
Стоят, курчавы, деревца,
Понять не в силах стон и вой.
Смотря на волны, я стою,
В печали говоря с собой.
Где Сарарка? Она – вдали,
Зачем я здесь и что со мной?*

4

*В былые дни гремел Едиль,
Здесь были сказочны леса.
Ногайцы жили в чаще их,
Аргынцев зная чудеса.
В те годы шесть больших племен
Сошлись, хоть Бог их разбросал.
Всё было общим: битвы, жизнь,
Забот единых полоса.
Понятно прошлое, оно
И гордость наша, и краса.
Теперь ногайцев не узнать,
Леса исчезли как роса.*

5

*Как будто в россыпи гирлянд,
Едиль пестреет белизной.*

*А это чаек пестрота
Над величавою рекой.
Вон что-то воду золотит,
То лучик Солнца золотой.
Наш катер к берегу бежит,
А берег – в зелени густой.
Вон в дельте Астрахань лежит
Курчавой тучкой над землей.*

6

*Построен он Асан Кайгы,
Печальным самым из людей.
Счастливых ханов обойду
Надгробья важные скорей.
Асана я приют найду
И помолюсь в душе своей.
И если скажет: “Будь как я!” –
Зачем искать других путей?
Пусть трон отдаст вам Жанибек,
Асаном стану в беге дней.*

В ПРИВОЛЖЬЕ

1

*Поездил по Приволжью,
Но захотел тотчас домой.
Казахов видел, босяков,
Чьи шеи давит скарб чужой.
Им озеро теперь как луг,
Пасут тут рыбин над водой.
В селенье ходят к мужикам*

*За булкой, словно за едой.
По-русски только говорят,
А ведь у них язык есть свой.
Задуматься уже пора,
Тут не до смеха, дорогой.*

2

*В приволжском дивном том краю
Есть Байулы – известный род.
Не ездят здесь на скакунах,
На лодках мучится народ.
Не жеребцов здесь, а сомов
Острогой ловят целый год.
Жена – и то, вон, как весло,
С нее загар уж не сойдет.
Вода и рыба – пища их,
Что ж, нищета имеет рот.
Боюсь, что скоро и всех нас,
Друзья, такая участь ждет.*

3

*В аул на лодке добрались
К закату где-то, вечерком.
Подплыв к лачуге, стали мы,
Спросили громко, чей тут дом.
На окрик вышел аксакал,
Вошли в дом вслед за стариком.
Севрюг с пяток нам поднесли,
Их, как овец, молитвой чтём.
Наевшись рыбы, мы легли
С луной, пошедшей на излом.*

*“С луной легли” есть просто звук,
С тревогой, словно в горле ком.*

4

*Нас бершей приютил аул,
У речки свой раскинув стан.
С восходом – праздник “курбан-айт”,
Зарезан жертвенный баран.
Но вот юнцы, наевшись вмах,
Святой забыли дастархан.
На голове у них – снопы,
Кисет на шее – “талисман”.
Вон вышли дружною гурьбой,
В село на свадьбу, ждет “братан”.
И это всё – народ родной?
И всё, что видел – не обман?*

5

*В могилу с рыбой пусть сойдет.
Учтивый, праведный мулла,
Пусть в рай свой милый попадет.
Казах, парнишка городской,
Пристал к кишкам уж твой живот.
И всё ж, прошу я, присмотри,
За теми, кто вослед идет.
И если хочешь ты своих
Поднять на жизни небосвод.
Беги из города в аул,
Избавь аул свой от забот.*

*Златое Солнце на закате,
Огнем охвачен неба край.
Оно на краски так богато,
Готов ли шелк твой, Куралай?*

*О, Куралай, что с взглядом чистым,
Возьми батист и тьме в укор,
Ты красным шелком по батисту
На белом выведи узор.*

*Златое Солнце на закате,
Оно тихонько умирает.
Бедняжка-тучка, кровью плача,
Златое Солнце погребает.*

*Угасло Солнце, небо в скорби,
Вся в черном степь скорбит по Солнцу.
О, Куралай, с оленьим взглядом,
Ты вышивать когда закончишь?*

*Уйми во мне ты зуд тоски,
Взгляни разок, красой срази.
Как над водою чебачки,
Взлетают пальчики твои.*

*Под бровью выстроились в ряд
Ресницы или черный шелк?
Ах, подари волшебный взгляд,
Печалью сердце я прожег!*

*Как пальчики твои сильны
В игре со спицей и со мной.
Твой взгляд – стрела. О, Куралай,
Срази меня своей стрелой!*

*Нет, на меня ты не смотри,
Следи вон за мельканьем спиц.
Кровавой шелковой строкой
Ты белый вышивай батист.*

*Вон степь, супруга потеряв,
Вся в чёрном, плачет и грустит.
Красотка милая моя,
К себе, прошу, ты подпусти.*

*Сгустился мрак, то скорби знак,
Иль просто ночь пришла мрачна?
Там шепчет ветер или бес,
Иль затаилась тишина?*

*Я подойду к тебе, мой свет,
Храня в себе лишь мысль одну:
Кровавой нитью на снегу,
О чём ты пишешь, дай взглянуть!*

*Не стану близко подходить,
Пусть мне помогут фонари.
Что написала ты, мой свет?
“Ты за страну свою умри!”*

*О, Куралай, я чудный взгляд
Твой выдержать теперь смогу.*

*Потряс меня до боли глаз
Кровавый шелк, что на снегу!*

*Ты так и пишешь: “За страну”,
Пойду, теперь не стану ждать.
За пальцы тонкие твои
Готов охотно жертвой стать.*

*Пройдет и ночь, что так мрачна,
Вон видишь ты, заря взошла.
На гладь белейшую платка
Твоя, наверно, кровь стекла.*

*“Ты за страну свою умри!”
Бежит кровь к с сердцу как поток.
С оленьим взглядом милый друг,
Ты не вздыхай, держи платок.*

*С оленьим взглядом милый друг,
В поход я выйду поутру.
Твой кровью вышитый батист –
Мой флаг, что реет на ветру.*

*Прощай теперь, о, свет очей,
Бальзамом ставший для души.
Теперь возьми ты свой батист,
И “С Богом!” фразу напиши.*

*Златое Солнце всходит вновь,
Вон золотится неба край.
Готовь скорее ты свой шелк,
С оленьим взглядом Куралай.*

* * *

*Я легкомыслен, легко мыслил,
Без чувств, без мыслей, как осел.
Как мотылек летал без зренья,
Везде и всюду новосел.*

*О, юность, ты есть опьяненье,
Ты вся загадка и кульбит.
Ту неживую, словно кукла,
Как мог когда-то я любить.*

* * *

*Чтобы душу взбодрил,
Чтобы понял твой пыл,
Нет друга, который с тобой.
В дни, когда одинок,
С болью, что как ожог,
Утешен ты только мечтой.*

*Краше гурий с небес,
С речью полной чудес,
С возлюбленной милой живешь.
Ты милуешь ее,
Ты целуешь ее,
На тень или призрак похож.*

* * *

*Все гуще, гуще мрак ночной,
В печи уж уголь стал золой.*

*Раздуть пытаюсь уголек,
Смеется мальчик, что со мной.*

*Вот искра вспыхнула в свой срок,
Вот показался огонек.
Но разгореться не успев,
Погас он сразу, одинок.*

*Тихонько гаснет уголь в печи,
Смеется мальчуган в ночи.
Слезами полнится мой взгляд,
А тьма таится и молчит.*

СОН

*Мой взор не видит ни луны, ни солнца,
Свет дня давно погас в моем оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, когда свой срок закончу.
Я полон сил напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?
Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.*

*** * ***

*Стал гуще темный лес
Из сосен и берез.
Друг вечных он небес,
Молчащий в полный рост.*

*Завернут в саван, скрыт,
Спит старец, как дитя.
Буран, воля, скорбит,
Молитвой старца чтя.*

*Безмолствует старик
И спит неколебим.
А я взгрустнул на миг
И грежу вместе с ним.*

*Заснуть как он без мук,
Забывать про грусть-печаль.
Чтоб ветер выл вокруг,
Меня бы отпевал.*

** * **

*Как воин я повсюду знаменит,
Я пробивал и скалы, и гранит.
Крылатый хищник, мощный я орлан,
Совсем не тот, кто от врагов бежит.
Одним прыжком вскочил я на Алтай,
В степи стрелу я целил на Китай.
Познал я столько бедствий и невзгод,
Что для других хватило б через край.
Упорен я во взятии преград,
Я и на льва наброситься был рад.
А что до пса, который лает, зол –
Я перед ним не отступлю назад.*

* * *

*Свобода – жизни лучший цвет,
В ней человечности есть свет.
Не стоит попадать в капкан,
В ошибках праздных толку нет.
Бездумных много, кто попав,
Искал вновь вольности завет.*

НЕДУГ

*Врачам ли это вызнать,
Шаман тут слаб, поверьте.
Мне смерть дороже жизни,
Я сам прошу о смерти.*

*Шаман и доктор нужен
В болезни человеку.
Когда душа недужит,
Найдется ли ей лекарь?*

*Телесной боли можем
Помочь, – прервать мученье.
Так отчего, о, Боже,
Душе нет излечения?*

ЗВЕЗДАМ

*Как много вас, глаза небес,
Не стройте с неба глазки.
Я не смогу быть в гости к вам,
Эй, туча, скрой их сказку!*

*Бедняга я, что обречен
Рабом земли быть вечно.
Туда-сюда меня ведя,
Мной ветер правит желчно.*

*Покорен я, и, всё ж, Аллах,
Я нахожусь в смятеньи.
Мой дух так тонок, так пытлив,
На что душе горенье?
Раз создал ты меня рабом,
Дай духу кротость, робость.
Но всё не так... О небеса,
Откуда же я родом?*

ЧАСЫ

*Часам покоя нет,
Стучат они: "Вон-вон!"
Пришли мы в белый свет
Небытию в догон.*

*В обмане порожден,
Рад жизни человек.
Но вот прозреет он –
И жизнь чужда навек.*

*С порога уж кричат
Ему "вон-вон!" уйти.
Жизнь – череда утрат
Без счастья на пути.*

*Пришел и твой черёд,
Часов суров приказ.
“Вон-вон!”, иди вперед,
Настал твой смертный час.*

** * **

*Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен.
Слышится гул,
Едет аул
Ветру вдогон.
Степь вечно спит,
Мальчик молчит.
Две немоты.
Тайна в них – та,
Что немота
Суть маеты.*

*Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен.
Мальчик и степь...
Кто из них слеп?
Кто из них – сон?*

** * **

*Ты гурии райской милей,
Красивей ее, горячей.
Объятья раскрой мне сильней.
Дай впиться мне в шею твою.*

*Ты – свечка, а я – мотылек,
Я – жертва, а ты – огонек,
Тебе ни о чем коготок.
Приникну к тебе и сгорю.*

*И так наказали Аблаю сказать при народе:
«Вину признаем мы, простит пусть Аблай
наш великий,*

*Даем в возмещение коней мы из лучшей породы,
И юрты даем и на каждого воина деvu,
Верблюда с коврами с персидских ковровых угодий!”
Посланцы придя, обратились к Аблаю с сей речью,
На день отложил хан с посланцами этими встречу,*

*Созвал свой совет, обратился к батырам и биям,
И всё ж, обсужденья он сам оказался предтечей.
«Не дамся на хитрость, мы выступим завтра на битву,
И там по дороге возьмем их дары мы до сечи,
А то, что осталось, возьмем мы, напав на их войско,*

*На утро другое, то бишь послезавтра... Что, нечем
Вам мне возразить?» – обратился потом он к совету.
Никто в возраженьях, естественно, не был замечен.
Когда сам Аблай излагает совету суть дела,
Батыры и бии не будут Аблаю перечить.*

*Застыла толпа в молчаньи согласном, покорном,
Казалось, все были решением хана довольны.
Тут встал вдруг Баян, он известен казахам трех жузов.
«Я слово возьму, а ты чти, по обычаю, вольность.*

*Никто не бежит под ружье, где готовится выстрел,
Ни люди, ни звери на тропах степных или горных.
Одобришь меня иль озлобишься, жаждая мести,
Но я возражаю, считаю решение вздорным!*

*Нет истины, хан мой, когда нет ее обсужденья,
Лишь раб одобряет любое хозяина мненье.
Калмыки когда-то великий Китай обманули,
Равнинных стравляя с китайцами гор постепенно.*

*И если калмыки не в сговоре ныне с Китаем,
Зачем их Китай ожидает с таким нетерпеньем?
Аблай, лучше прочих ты знаешь коварство калмыков,
Хватало казахам калмыков постичь разуменья.*

*Любой из калмыков обманет, но сам не поддастся
Обману. Аблай, не надейся, прошу, на везенье!
Баян замолчал. Хан сказал всё о том же, насупясь,
Он думал, что без подношений остаться им глупо.*

*И хан, и Баян по два раза сказали о том же,
Смотря безотрывно, никто из них взгляд не потупил.
Блистало в очах их недоброе, красное пламя,
Но им не хотелось казаться врагами кому-то.
Толпа, угадав, что Аблай стал сердит и не в духе,
Сказала: «Добро!» и закончилось дело в минуту.*

*Решили вопрос, и теперь в ожидании войско,
Надеясь, что завтра посланцы придут под утро.
Казахи всех жузов считали Аблая тулпаром,
Одни аруахи ему полагались в пару.
Считалось, нельзя властелину такому перечить,
Поступок такой был бесстыдным для малых и старых.
«Кто против, того поразит своей метой особой!», –*

*Кричали поэты, грозили гадатели карой.
Жалеть про себя стали старцы батыра Баяна,*

текли слезы, орошая и без того мокрую подушку.

Далеко за полночь. Азимбай коснулся щекой мокрой подушки и изумленно спросил: “Ты чего плачешь? Не зря тебя называли богомолкой?”. Ничего не понял глупый Азимбай. На рассвете, поцеловав Шолпан, прошептал: “Завтра приду пораньше”, – он выскользнул из юрты. Шолпан хотела было сказать ему: “Не приходи”, да подумала: а вдруг она не забеременеет с первой ночи, и если этого не произойдет, тогда ей вообще нет прощения. И Шолпан, вытирая слезы, еле слышно проговорила: “Приходи, проказник, приходи”.

ГЛАВА IV

Шолпан беременна! Исполнилось ее желание. Теперь грех не может считаться грехом. Когда она почувствовала себя беременной, радости не было предела. Она ожила, шутила и смеялась без умолку. Оставшись наедине с собой, поглаживала живот и целовала ладони, шепча ласковые слова тому живому, что зарождалось в ней.

Безрассудная Шолпан! Почему же теперь, достигнув желаемого, не растает она с Азимбаем? Неужели вероломство и коварство сродни сердцу Шолпан? Нет-нет, Шолпан не может быть такой. Тогда что же заставляет ее теперь изменять мужу? Ничего не может ответить на это Шолпан. Разве поймешь женщину? То она ребенок, беспечно играющий с огнем, то повелевает мужчиной, может вознести его до небес, а если захочет, обратит его в прах; пожелает – он будет счастлив в ее объятиях, а нет – терзаться ему всю жизнь. Женщина может стать рабой мужчины, его тенью, может раствориться в нем. Может зажечь сердце мужчины неутомимым огнем желаний. Но мужчина всегда должен помнить, что он

мужчина, и женщина, особенно если у нее спокойный, тихий характер, может стать его покорной, бессловесной рабой, беспрекословно исполнять его любые прихоти и быть счастливой. Шолпан была именно такой женщиной. Она ошиблась, думая, что может легко порвать с Азимбаем, отдавая ему лишь свое тело. Через три-четыре месяца и душа ее, и помыслы безраздельно принадлежали ему. Она страдала сейчас не меньше, чем в те дни, когда мечтала о ребенке. Завидев Азимбая, она не могла произнести ни слова. Сама не зная почему Шолпан терпела его грубые ласки, молчала, когда он больно тискал и мял ее упругое тело. А может, дело в том, что он отец ребенка и имеет, как Сарсенбай, ее законный муж, право на нее. Наверное, так оно и есть. Но что же делать со слухами и сплетнями, разносившимися по аулу? Молод и горяч, безрассудно пылок Азимбай. Не обращая ни на кого внимания, может подкрасться и обнять. Бедная Шолпан! Свекровь сказала ей на днях: "Не пойму, почему Азимбай вечно трется возле твоих дверей?". Шолпан не знала, куда деться от стыда. Да и Сарсенбай стал другим в последнее время, молчит, ни о чем не спрашивает, а если и заговорит, то обязательно обругает ее обидными словами, обзовет, а то и камчой замахнется. Почему Сарсенбай так жестоко избил ее вчера? Неужели из-за плошки, которую она нечаянно разбила? Нет. Он знает обо всем и мстит ей. Но отчего он не упрекнет ее, не спросит открыто? Ведь она могла бы объяснить, что пошла на это ради ребенка. Но нет. Молчит. Их уже не связывает любовь. Исковеркана жизнь. Да будь все проклято! Проклят не родившийся ребенок, отравивший жизнь. С каждым днем Сарсенбай

все больше отдаляется, становится чужим, и ей было больно сознавать это, она мучительно думала, что делать, и не знала.

Все разрешилось само собой, жизнь, как это часто бывает, распорядилась по-своему.

Последние дни сентября. Аул готовится откочевать на зимовье. Прохладная ночь. Свинцовые хмурые тучи плывут по небу, обгоняя друг друга. Землю посеребрили первые заморозки. Под телегами спят молодые телята, просыпаясь от холода, они жалобно мычат, располневшие важные коровы мирно посапывают возле них.

Сарсенбай утром угнал скот в город. В юрте, закутавшись в теплое одеяло, свернулась клубком Шолпан. Рядом с ней, развалясь поперек кровати, разбросав руки, похрапывает Азимбай. Издалека послышался скрип арбы. Шолпан, вздрогнув, проснулась в испуге. “Это наверное, где-нибудь поблизости трется корова”, – подумала она, еще не проснувшись окончательно. Но нет. Это скрип арбы.

– Азимбай! – затормошила она его, – Азимбай! – Но он, пробормотав что-то невнятное, продолжал храпеть.

Тогда Шолпан с силой ущипнула его.

– Ты что, с ума сошла?

Ой, пропали мы: я слышу скрип арбы. Вставай скорее. Уходи. Не дай Бог, твой дядя приехал.

– Ты что, свихнулась? У него нет крыльев за плечами, чтобы так быстро примчаться.

– Ой-бай, вставай скорее, поднимайся и уходи. Вон видишь, это он.

Азимбай, соскользнув с кровати, вышел на улицу. Сарсенбай, слезая с телеги, крикнул, заметив его: “Эй, кто это?”. Азимбай, не отзываясь, кинулся прочь в заросли камыша. Сарсенбай, конечно, узнал его.

Не распрягая лошадь, он вошел в юрту, сорвал с плеч поддевку и плеткой стал стегать Шолпан. Глаза его налились кровью, он был вне себя от ярости. Шолпан не подавала признаков жизни, лежала, не шевелясь и не издавая ни звука. Это еще больше разъярило Сарсенбая. – Ах ты, сукина дочь, – и он отбросил в сторону плетку, сорвал одеяло с жены, за руку стащил ее на пол и начал в бешенстве пинать ее ногами. Шолпан молчит, закрывает руками то голову, то грудь. Но вот Сарсенбай, остервенев, пнул в ее живот. Шолпан охватила живот руками и простонала: “Дитя...”. Одною этого слова Сарсенбая было достаточно, он взревел как бешеный: – Сукина дочь, я тебя просил о ребенке? Я тебе говорил, чтобы ты, наблудив, родила мне ребенка? Ты ведь, сука, уже полгода таскаешься со всякими кобелями у меня под носом. Чем так позориться, я тебя лучше убью и успокоюсь. Сдохни, собака, сдохни!

Весь аул давно проснулся от воплей Сарсенбая. Первой, накинув на плечи облезлую кошму, приплелась старая мать Сарсенбая. За ней, набросив на дырявую, сплошь в заплатках и дырах, сорочку, мужнину безрукавку, пришла жена лупоглазого соседа. Они с причитанием вошли в юрту.

– Ой-бай, ты же убьешь человека. Сын мой, где твой рассудок?

– Не вмешивайтесь, это не ваше дело. Сказал, что убью эту собаку, и убью!

Они попытались было удержать его, но Сарсенбай, бледный, как смерть, с глазами, налитыми кровью, продолжал пинать безжизненное тело бедной женщины, отшвырнув заступниц.

Соседка, увидев, что они не справятся с Сарсенбаем, вышла на улицу и заголосила: – Ой-бай, поумирали, что ли все? Скорее сюда. Здесь человека убивают!

Аульчане повыскакивали из своих жилищ, хлябая старыми калошами, кое-как натянув кимешеки, шли женщины, за ними, кашляя, чихая, громко сплевывая, тянулись их мужья. Обув сапожки на босу ногу, двигались молодухи, стесняясь и прячась, друг за друга. Степенно, с важным видом, переваливаясь с боку на бок, шли джигиты, стараясь придать своим лицам вид озабоченный и суровый. Пришел и мулла Темир, собравший зекет и заночевавший в одной из юрт.

Сарсенбай уже к тому времени бросил избивать несчастную жертву. Шолпан, вся в крови, в изорванном платье, не подавала признаков жизни. Из носа струилась кровь. Сарсенбай безучастно сидел на кровати, в каком то оцепенении глядя прямо перед собой. Он сам, казалось, был в глубоком обмороке. Народу становилось все больше.

– Этот молодец, видно, совсем свихнулся, – сказал один.

– О боже, по-моему, она умерла, – ужаснулся другой.

– Пусть сдохнет, потаскуха, – процедил третий.

Все стояли в замешательстве, переглядываясь и перешептываясь. Мулла Темир взял Шолпан за кисть, прощупывая пульс.

– Принесите воды, – сказал он наконец.

Принесли воду, побрызгали в лицо. Немного погодя Шолпан вздохнула, еле слышно пробормотала “алла”.

– Не оскверняй имя Аллаха, сукина дочь, – вскрикнул Сарсенбай.

– Сарсенжан, дорогой мой, успокойся. Нет мужчины, который не бил бы свою жену, но...

– Уважаемый, я прошу вас не вмешиваться. Пусть сдохнет поскорей, собака!

– Сарсенжан, взываю к твоему разуму, убить человека...

– В таком случае она мне больше не жена. Талак, талак, талак, – объявляю ей развод.

– Сарсен, гнев – твой враг, разум – друг, успокойся. Не просто расстаться с человеком, прожившим с тобой в мире и согласии столько лет. Заблудшую овцу можно вернуть к праведной жизни. По шариату надо раздеть ее и вылить на нее сорок ведер холодной воды.

Не успел мулла проговорить последние слова, как пять-шесть женщин подхватили под руки Шолпан и выволокли из юрты.

Шолпан пришла в себя в темной пустой юрте. Она была раздета донага, ее поддерживали за руки несколько женщин. Вдруг одна из них подняла большое железное ведро и вылила ледяную обжигающую воду на голову Шолпан. Вздрыгнула, но ни звука не произнесла бедняжка. В эту секунду вся жизнь ее, как яркий всполох молнии, промелькнула в сознании. Вот она, в новых шелках, нарочно, чтобы еще раз послушать их звон, разбирает и снова заправляет одеяла... Вот она упрашивает мать отпустить ее на гулянье... Вот первый приезд Сарсенбая... Первая ночь... Вот вымученные слова святого хаджи,

брызгающего слюной... Черные шелковистые усы Азим-бая...

Бабенка, закусив губу, бормоча что-то про себя, опрокинула на Шолпан второе ведро. Губы Шолпан еле слышно прошептали: “О, алла!”...

– Блудница, зачем тебе Аллах! – прикрикнула на нее одна из соседок.

– Ничего, милая, это все по молодости. Бог даст тебе силы, – проговорила вторая.

Но Шолпан уже не могла ни думать, ни говорить. Вместе с застывшей кровью погасли и последние проблески сознания. Она закрыла глаза.

Третье, четвертое, пятое ведро... Каждый раз, когда обрушивалась ледяная вода, тело несчастной женщины вздрагивало. Через некоторое время оно уже лежало без всякого движения.

Шолпан очнулась к полудню следующего дня и, с трудом открыв глаза, прошептала: – Где мое дитя? Почему он не придет посмотреть? – С этими словами она прижала край одеяла, как будто убаюкивала ребенка. Губы ее произнесли: “бай, бай”, и она, потеряв сознание, откинулась на подушки. К вечеру, вместе с угасающим днем, душа Шолпан покинула эту грешную землю.

Перевела с казахского Р. Кошенова.

Литературные исследования

ПОЭТ ПЛАНЕТАРНОГО ВЗЛЕТА

Магжан поистине велик, его значение и место в поэтическом ряду еще в 1929 году метко определил Мухтар Ауэзов. Он поставил Магжана вторым после Абая за культуру стиха, за величие его мыслей, опережающих время и современников. Мухтар-ага, с присущей ему скромностью и открытостью, выражал сомнение относительно и себя, и всех других, кроме Магжана, когда речь шла об историческом значении казахской поэзии.

Магжан Жумабаев прожил всего 35 лет. Эти годы были полны то надежд, то подавленности. Поэт погиб от рук сталинских палачей. 50 лет молчали о Магжане. Мы в свои школьные годы даже не слышали о нем. Только уже, будучи с изрядной сединой, на склоне лет, встретились с поэзией Магжана. Это поистине обогащение нашей литературы, большой праздник для всех казахов без исключения, ибо Магжан был не только поэтом, но и мыслителем, пророком, по-своему предвидевшим свободную жизнь любимой нации.

Ему приписывали национализм, а напрасно.

Если великий Гете мечтал увидеть в ярком блеске сил дивный, свободный свой родной край, свободный свой народ, то нет в этом ничего предосудительного. Этим же устремлений держался Магжан Жумабаев.

Если Фауст твердил:

Лишь тот достоин жизни и свободы.

Кто каждый день за них идет на бой,

то Магжан твердо освоил это гуманное, вольнолюбивое достояние. Он именно так и поступал в своих стихах,

хотя и без воинствующих настроений против религии.

Земляки вспоминают, что Магжан с четырех лет был допущен к признанному учителю в школу, так как тот заметил способности старательного мальчика. Магжан учился лучше своего старшего брата. Его ранние способности отмечал дед Жумабай: “Мой этот внук весть обо мне пронесет по всему земному шару”

Дед Жумабай не только пророчествовал. Он открыл школу, где учителем был воспитанный по-европейски Ахметден Аканов. Позже Магжан окончил школу – медресе, где изучали арабский, фарси, турецкий языки, историю тюрко-язычных народов. Позже он вместе с отцом Ермека Серкебаева Бекмухамбетом Серкебаевым поступил в “медресе – Галия” в г. Уфе. Здесь наставником стал классик татарской литературы Галимжан Ибрагимов, который позже роман свой начинает эпитафией со словами Магжана:

**Степь и просторы, что глаз влекут,
Где колышется трава, шелком звеня,
Горы высокие, где чистые родники текут,
Вот настоящая мать, родившая меня.**

Под его же покровительством в 1912 году в Казани вышла первая книга стихотворений Магжана. После этого над Магжаном шефствовал Миржакип Дулатов, который в то время повлиял на него как знаток русской литературы. По его совету Жумабаев осуществил первые переводы из европейской и русской поэзии.

Всякий большой художник слова склонен иметь свою излюбленную тему, может быть, и не одну. Порою всю жизнь он оттачивает эти темы и на этой основе достигает совершенства. Магжан Жумабаев повторил великие

традиции Байрона и Пушкина в романтической поэзии. Он создатель первых поэм этого нового направления в казахской поэзии. Его поэмы “Кобыз Койлыбая”, “Коркыт” служат бесспорным тому доказательством и стали лучшими образцами романтической поэзии в казахской литературе. В поэмах изобилуют исторические личности. Там и Аблай-хан, и Кенесары Касымов с братом Наурызбаем, батыр Баян, Койлыбай, Коркыт и другие. Патриотизм, тема борьбы за свободу казахов стали ведущей во всей поэзии Магжана.

В большой поэме “Батыр Баян” М. Жумабаев реалистично обрисовал героические подвиги казахов, защищавшихся от нашествия джунгар в XVII веке. Эта поэма явилась вершиной творчества Магжана, да и поныне она законно несет титул лучшей поэмы в казахской поэзии.

Тема любви – одна из основных тем. Во вспышках бурной и безудержной любви Магжана философский луч направлен на раскрытие взаимоотношений между личностью и обществом, личностью и всей окружающей людей культурой. Да, Магжан самобытен, ярок, многогранен. Блеск, искры, звуки и краски стиха отличаются особым образом, ибо они превзошли высоты тогдашней казахской поэзии и достигли уровня поэтической мысли и культуры мировой литературы того времени. С другой стороны – взрывчатость, яркость красок, пламенные чувства, осязаемость поэтического рисунка отличают его любовную лирику от других. Жажда и неукротимость, преданность любви в стихах Магжана приобретают особую остроту и потому особенно привлекают молодежь. Магжан “недозволенное” законами шариата, постулатами, идущими от мировоззренческой отсталости, делает

дозволенным в самой любовно-лирической, культурно-эстетической форме.

Прав народный поэт Казахстана Абдильда Тажибаев, когда утверждает, что юношескую любовь в самой яркой форме выразил Магжан, а до появления его вновь на исторической арене казахская поэзия была обделена этой прелестью. Действительно, воскрес Магжан, воскресли чарующие строки любовной лирики. Открытость Магжана, его тончайший лиризм, пыл его горячей страсти охватили нынешнюю молодую поэзию казахов.

**Целуй же, милая, еще раз и еще,
Теплый и целебный яд течет в крови.**

Я этой прелести минуту не отдам

За трон царя, за все богатства земли, –

пишет Магжан. Это (как и далее) мой подстрочный перевод. Оригинал же на родном языке – это небывалый сплав слова, мысли и чувств, написанный непревзойденным чудесным языком с крылатой легкостью, божественно притягательной силой. Действительно, воскресла поэзия молодости. Читая эти строки на казахском языке, поражаешься чудесному магнетизму тайных сил любви, прикосновения через поцелуй. Душа приходит в благодное состояние. Миг становится короче, чем сам миг, дух стремится войти в кипение страсти, пытается разобраться вместе с поэтом, познать и повторять. Повторяешь вместе с ним подсознательно, священный хаос в сердце приобретает силу, порожденную пороком тайных взаимодействий влюбленных.

Кажется, что поэт спешит и в любви. Но понимаешь: а спешил-то он не зря. Всякий талант – раб времени, время для него золото. Но здесь – не абстрактная любовь. Маг-

жан со всей присущей ему откровенностью, открытостью и остротой ярко воспеваает свою любовь к конкретной женщине. Он поет о живых человеческих чувствах, пробивая все преграды формально бытующих степных кодексов, воспеваает любовь по-новому, пылко, страстно и ярко. Все стихотворение “Поцелуй меня, милая” – гимн красоте и любви.

В другом стихотворении “Ты красивее всех” описывает все прекрасное в жизни, в природе и в красавицах земных, а заканчивает возвышением предмета своей любви:

**Красиво палящее солнце в полдень,
Прекрасна ночь в улыбке блестящих звезд.
Не счесть нам все красивое на земле,
Для меня же, милая, ты красивее всех.**

Если в античности Диоген Синопский полагал страстную любовь делом тех, кому делать нечего, то его старший современник Платон, ссылаясь на Сократа, определял, что любовь – стремление к бессмертию, что благодаря любви разрешается величайшее противоречие между смертью и бессмертием рода людей и человеческого духа. Мне кажется, что Магжан Жумабаев воспевал бессмертие любви. Он своей поэзией о любви украшает, облагораживает и совершенствует человека, его эстетические вкусы, нравственные позиции и устойчивость духа. Любовь возведена им на ее законную высоту и тем становится чище и ярче.

Вот строки Магжана:

**Люблю я женщину, но вам не понять,
Что люблю без остатка отдаваться.
В ее объятиях готов и смерть принять,
И тела, и души ядом наслаждаться.**

**Целуешь ты – и я дотла сгораю,
Ты обнимаешь – я схожу с ума.
На скакуне лихом умчалась с песней –
Сожгла мне сердце, мучаюсь в слезах.**

Любовь к Беатриче у Петрарки захватывает без остатка всего человека. Эта захватывающая влюбленность присуща и нашему великому земляку. Следует подчеркнуть, что любовная лирика Магжана глубока и страстна не только, когда воспевает счастливые минуты лобзаний. Он таким же преданным, откровенным остается в минуты тягостных расставаний и разлук. Трогательность таких строк – тема особого разговора. Во всяком случае, с Магжаном вместе целуешь, вместе горюешь, сопереживаешь. Вот чем близок любому человеку наш великий земляк.

Поэзия Магжана – высокая всеохватывающая поэзия, поэзия высокой гордой личности, которая устремляется ввысь постоянно. Порою мне кажется, что он как орел степной, где-то высоко парит над нами, следит за нами и видит, как есть, без иллюзий, все деяния людей:

**С востока утро шагает – и я иду,
В горе небеса, и я с небом вместе огорчен.
В сплошной темноте земля идет в бреду,
Я всю землю освещу. Солнце подарю.**

Всю землю хотел осветить и солнце подарить! Да это самое высокое желание не только для казахов и необъятных казахских степей, а для всех людей Земли. Особенно он огорчен тем, что “в сплошной темноте” люди и земля идут “в бреду”. Горько сознавать, но это картина не только прошлого. Ярче сказать и в стихах, и в прозе трудно. “К добру, красе и правде шел тот гений”. Сказанное этими словами Гете можно

сполна отнести к Магжану Жумабаеву.

Многоплановый характер таланта силен стремлением к свободному будущему. Его призывы не носят одноплановый, “мононациональный” характер. Хотя его влекут глобальные вопросы жизни казахов, и он на них находит свои решения, вместе с тем, свои призывы он всегда связывает со всем человечеством.

Он отдавал должное и народам, близким по языку и вере, и, конечно, русскому народу, близкому по соседству, по духу, через язык, культуру которого он находит окно в Европу, находит великого Гете. Он не поэт какого-то класса или какой-то партии, он поэт народа. Он стоит выше своих современников и нынешних представителей творческой интеллигенции потому, что не просто призывал, а действовал.

Он создал бессмертные образы высокого уровня, собирательного значения, но обязательно на прототипах конкретных выдающихся личностей. Потому его строки так высоки. Тамерлан, Аблайхан, Кенесары, Наурызбай, батыр Баян, Ахан-серы и многие другие личности, о которых он пишет – люди героического напряжения. В таком же напряженном состоянии, но разрешая проблему четким действием, поэт шел к высотам общечеловеческого духовного достояния, к чему мы стремимся сейчас, когда казахи получили долгожданную суверенную государственность.

Магжан нам близок своей мечтой, мечтой о равноправии народов. Его творчество – важная веха в жизни казахского народа. Магжан держался принципов Гете, Байрона и Пушкина и тем приобрел взлет планетарного характера. Спасибо судьбе, что он с нами.

СЛОВО О МАГЖАНЕ

Хотя XIX век в истории казахской литературы и не является “золотым”, как это было в русской литературе, тем не менее именно этот век породил на свет такие яркие умы, как Шортанбай, Дулат, Мурат, Нармамбет, Шангерей, Машхур Жусуп, Махамбет, Шернияз, Суюнбай... Их страстные призывы к борьбе против колониальной политики российского самодержавия, к национально-освободительному движению всколыхнули народные массы. Многие из них, названные в последствии поэтами “эпохи плача”, знали арабскую и русскую грамоту и являлись отчасти представителями письменной литературы.

Мы привыкли выделять фигуру Абая и связывать именно с ним истоки письменной литературы. Между тем письменная литература подразумевает на самом деле не сам факт появления пера в руках Поэзии, а становление всей национальной литературы, включение ее в матрицу всеобщей культуры, формирование единого литературного языка, письма, создание печатного дела. С Абая или, иначе говоря, с появлением такой литературы, которую отличают свой характер, лексика, средства изображения, художественные приемы – мы должны говорить именно о новой, ранее не имевшей аналогов, письменной литературе. Страсть, увлеченность – эти священные чувства – умел изящно и красиво передать в стихах и Абай. Но Абай описывает эти чувства, когда они уже им пережиты, он вспоминает о них. Тогда как Магжан переживает их сейчас, сию минуту – ему важен сам

момент переживания. Вот почему его стихи так волнуют нас, вот почему ими зачитывается молодежь.

В первый период своего творчества Магжан обучался вместе с замечательными, близкими ему по духу, русскими поэтами, знакомился с их творческими поисками и впоследствии следовал некоторым из них. В стихах Магжана большое место занимает возвышенная романтика, а также символика. Вообще, поэзия по сути своей изначально символична. Сравнение, параллелизм, уподобление, пророчество жизненных перемен, передача общего посредством частного и, наоборот, частного – через общее, прочие художественные приемы – восходят к символу. Нас учили Брюсов, Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Бальмонт относиться к символистам, декадентам и воспринимать их как некие литературные пугала. Это обратная сторона научного, так называемого соцреалистического, метода в советской литературе.

Учитывая наследственность подобной болезни – приверженность к ярлыкам – необходимо всестороннее ознакомление современной молодежи с творчеством Магжана. Наше поколение, к сожалению, не имело возможности читать Магжана в свое время. В жизни каждого человека есть определенный возраст, когда душа особенно восприимчива к стихам, музыке, к искусству. Я помню, как наши отцы, пусть тайком, но читали и цитировали стихи Магжана наизусть. Мы выросли со стихами Касыма на устах.

После Магжана казахская поэзия ушла далеко в плане развития формы, стихотворной техники, и с этих позиций сегодня возможны критические замечания в адрес таких классиков, как Магжан. Следует это учесть и не бояться

этого. Тем более станут значимы при таком критическом подходе истинные достижения поэта. Учить любви к поэзии, умению восхищаться точным сравнением, великолепно найденным образом, удачно подобранным словам – можно лишь на примере настоящей неподдельной жемчужины, добытой с таким трудом со дна словесного моря.

На что опирался Брюсов, называя Магжана “казахским Пушкиным”? Что он хотел сказать этим? Мне кажется, он прав в том смысле, что Магжан, подобно Пушкину, смог передать в своем творчестве все национальное величие своего народа, его историю, его характер, состояние души. А для этого Брюсов должен был быть знаком не только с творчеством Магжана, но и с ним лично.

Он был сама загадка. Недаром друзья его шутили: “Ты иногда похож на мужчину, иногда на женщину, а иногда – ни на то, ни на другое”. И в этом была своя мистическая правда. Он не был человеком, поэтом в обычном понимании. Так, Абай к примеру, говорил о себе: “Я – таинственный незнакомец, помни об этом!”. Известное выражение его: “битый бездорожьем” можно отнести не столько к самому Абаю, сколько к Магжану. Мало кто из его читателей догадался, что в пророческих поэмах “Коркут”, “Койлыбай-баксы” он отразил свой поэтический облик. В жизнеописаниях великих святых он искал понимания, объяснения, что есть предназначение поэта. Он искал схожести со своей судьбой. К сожалению, пока никто из исследователей его творчества не высказал подобного предположения.

А что мы знаем о нем самом, о минутах озарения,

каждодневных делах и заботах, о его семье, родных, о его взаимоотношениях с ними?

Сведения, дошедшие до нас, похожи больше на легенды.

Он был человеком, жившем в мире прекрасного. Часто влюблялся, увлекался, но, видно, не суждено было ему иметь своего гнезда и постоянного крова. В этом нельзя винить ни поклонниц его таланта, ни его самого. Наоборот, мы должны быть благодарны им появлением на свет изящных миниатюр, воспевающих любовь, поцелуи, объятия. И если в степи известны случаи, когда выкрадывали невест, то в случае с Магжаном все происходило наоборот: не он, а его самого уводили влюбленные девушки. Вот какие истории живы о нем. Он был предметом любви и ее вдохновенным певцом.

При драматизме эпохи, когда один год равнялся десяти, Магжан сумел проникнуться духом и чаяниями своего народа и в течение 10-15 лет недолгого творческого пути, можно сказать, единолично владел умонастроениями всей казахской интеллигенции. И что удивительно – крупнейшие поэты, писатели, государственные деятели – свидетели эпохи переворотов и перемен, начиная с Ахана, Жахана и ближе к ним – Мухана, Габита, не выступили с опровержением поэтической значимости Магжана (хотя трибуна для этого была предоставлена любому желающему). Даже такие непримиримые, с точки зрения идейности в литературе, как Сакен, Сабит, не подвергали сомнению поэтический талант Магжана. Да, они говорили, что он – певец прошлого, пессимист, плакса, но о самих стихах Магжана критики как таковой не было. Вот характерный штрих: я сам

бывал не раз свидетелем того, как Габит Мусрепов в минуты покоя и отрешенности, потихоньку, для души напевал стихи Магжана.

Его стихотворения, посвященные любовной тематике, такие, как “Люби, целуй, душа моя, мой свет...”, “Пусть небо не смеется, Гутьсум моя б смеялась...”, “Зачем ты плачешь, Жамиля?..” и многие другие, в то время еще не были положены на музыку и тем не менее каждый пел, именно пел, стихи Магжана на свой любимый мотив.

Сила поэта – в умении поделить своим чувством с другими и заставить сердца тысяч людей дрогнуть, встрепенуться, ожить. Магжан был именно таким поэтом. Что касается характера его поэзии, вдохновение его поражает порывистостью, напором, стремительностью. Он захватывает, увлекает, мчит вас в даль, – вдруг вы взмываете с ним в небо, парите... Это напоминает вам бег скакуна по бескрайней степи или полет орла над седыми вершинами. И то, что в стихах его, совершенных по форме и выражению мысли, могут встретиться неточные рифмы, проходные строки – как раз результат этой самой стремительности потока, необычайной силы напора, безоглядной щедрости. В его произведениях не ощущаешь усердия ремесленника, ученической старательности – все подхватывается вдруг одной, как молния, сверкнувшей мыслью и, как на крыльях, уносится в даль.

Главная особенность Магжана – в небывалой силе воздействия, зажигаемости его поэтического дара. Он с первых же строк возвышает дух собеседника, окружает его любовью, озаряет пламенем души, окутывает, завораживает, увлекает своей тайной. Это – дух, обитающий между Небом и Землей, не человек, не Бог – загадочная

душа, пери, ангел. Здесь поневоле вспоминается мистическая волшебба Пушкина, романтические грезы Байрона, демонизм Лермонтова.

Лермонтов, написавший “Демона”, был сам таковым. Определение “демоническая натура” прямым образом перекликается с образом Магжана как поэта. Никто из близких, друзей, включая и его современников, так и не успел понять его целиком, распознать в нем все богатство его романтической природы.

Объявить Магжана врагом народа, заключить в тюрьму, сослать на чужбину – это не просто глупость или трагическая нелепость, нет, это доставшееся нам в наследство от эпохи царизма гонение на свободный дух. Когда из обвинения в шпионаже ничего не вышло, “придумали”, что он был вообще против строительства новой жизни, против самой эпохи социализма. И расстреляли. На самом деле, еще, задолго до расстрела, уже на первом этапе его гонений, дух Магжана был умерщвлен. Кто бы описал нам сейчас Магжана, вернувшегося из первой ссылки? Ведь это был не сам поэт, а его тень, не дух его, но видимая оболочка.

Вершина творчества Магжана – его знаменитая поэма “Батыр Баян”. Но не столько сама поэма, а именно предисловие к ней, ее пронзительной силы зачин – вот что заставляет народ восхищенно цокать языком и заучивать его наизусть. В этих строчках не дана ли вся судьба и трагедия поэта, его пророческий портрет?

У поэта не может быть друга среди человечества.

Единственно перу доверит он свою тайну.

В этом классическом определении поэта есть провидческая смиренность пред всеми испытаниями духа.

Здесь и отлучение от семьи, изгнание из общества, неволя, насильственная смерть. Возьмите Пушкина, Байрона, Лермонтова – кто из великих поэтов был счастлив в обычном понимании этого слова?

Стержень поэмы – идея любви как священного чувства. Даже любимец народа, славный сын его батыр Баян с той самой минуты, когда он встал на путь любви, был обречен на великие страдания и мучительную смерть – он сам (вспомните фатализм Лермонтова!) ищет себе погибель и находит ее в стане врагов, поднявших его на острия своих копьев. Какие удивительные метаморфозы, уроки судьбы показывает нам поэт!

Магжан манит, притягивает своей глубиной, погружает в нее, а тех, кто глух и черств к его чувствам, оставляет плавать подобно сору на поверхности.

Громогласными восхвалениями “великий”, “выдающийся”, пышными празднованиями Магжана к народу не приблизить. Но читать вслух, вчитываться наедине, привыкать внимать его стихам, научиться любить слово так, как любил его он, наслаждаться самой поэзией великого чувства – вот верный путь к Магжану, на родину его таинственной души. Абай – мал он или велик – гений, поднятый нами на недостижимую высоту, и не нам низводить и порочить его славу. Магжана же необходимо приблизить к Абаю, сделать и его национальной гордостью. Для этого, как уже было сказано выше, необходимо самим научиться понимать, знать, любить Магжана и лишь затем стараться привить эту любовь нашим потомкам. “О, сколько уйдет на это времени!” – воскликнет иной ценитель. Но только так и именно сегодня мы должны начать эту кропотливую работу – собирание по капле

нектара Поэзии. Не лозунги, не указы и комитеты спасут наш язык от вымирания, но прежде всего бережная любовь к слову, вот тогда мы научимся ценить таких мастеров слова, каким был Магжан, щедро рассыпавший в своих произведениях жемчужины истинной поэзии.

Магжан Жумабаев – вершина, возвышающаяся в сердце нашей духовной жизни, ее видит всяк, кто поднимет голову и обрадуется ей. Знать Магжана, почитать его, гордиться им – значит знать, почитать свой народ, свой язык, свою культуру.

О СУДЬБЕ КАЗАХСКОГО ПОЭТА МАГЖАНА ЖУМАБАЕВА

Это письмо к Вам* вызвано тем, что в последнее время в общественном мнении Казахстана определились разные, диаметрально противоположные точки зрения на творчество и политический облик казахского поэта Магжана Жумабаева. В 1929 – 1937 гг. М. Жумабаев был дважды репрессирован. В 1960 г. он был реабилитирован.

В ноябре 1968 г. в Казахском университете состоялось собрание, участники которого обратились с просьбой в соответствующие организации республики издать двухтомник произведений М. Жумабаева. Однако, как мне стало известно, ЦК КП Каз. ССР квалифицировало это собрание как политическую ошибку на том основании, что М. Жумабаев является выходцем из байской семьи, националистом, символистом, пессимистом и поэтом-мистиком. В определенной степени такая оценка затрагивает и меня, т. к. в своей книге “По следам юности” (Москва. 1968) я дважды упоминаю его имя (первый раз в связи с тем, что в 1909 – 1910 гг. М. Жумабаев учился в медресе “Галия” в г. Уфе, второй раз – в связи с выходом в 1912 г. в Казани первого сборника его стихов “Шолпан”).

Таким образом, с одной стороны, М. Жумабаев реабилитирован и, следовательно, общественность законо-

* Народный башкирский писатель Сайфи Кудаш в 1969 году адресовал это письмо первому секретарю КЦ Компартии Казахстана Д. Кунаеву, а копии письма направил первому секретарю Башкирского ОК КПСС М. Шакирову и в правление Союза советских писателей Казахстана. Ответа не последовало.

мерно стремится воскресить свой интерес к его творчеству, с другой – это реабилитация оказывается по существу неполной, лишь гражданской, но не политической (хотя в моем представлении трудно расчленить эти моменты).

Зная Вашу занятость, но в то же время рассчитывая на традиционное внимание наших партийных лидеров к судьбам литературы (которая является частью дела нашей партии), я решил написать Вам это, может быть, длинноватое письмо, в котором постарался изложить все то, что я на этот счет думаю. Прошу Вас не расценивать это письмо как попытку каким-то образом повлиять на “дела писательские”. Вовсе нет. Дело в том, что я уверен в чрезвычайной сложности судьбы Жумабаева М., его творчества и, может быть, Вам будет небезинтересно узнать размышления 75-летнего человека и писателя, который был свидетелем многих событий, о которых современное поколение знает только по книгам. К тому же Казахстан – моя вторая родина, я пережил там “свои университеты”. Поэтому мне очень дорога казахская литература и дороги люди, которые ее создавали и развивают сегодня.

Магжан Жумабаев как писатель, а также его мировоззрение формировались в период после революции 1905 года. В те времена на волне развивающегося казахского национально-революционного движения и в условиях роста казахской буржуазно-демократической культуры шел процесс становления целой плеяды казахских интеллигентов. Социальный состав, так же как и политические взгляды этой группы деятелей культуры, литературы и просвещения, был довольно сложным. В их

мировоззрении устойчивым и четким было лишь одно: страстное желание свободы, счастья и культуры своему народу. Однако в понимании сущности этой “свободы”, в выборе путей борьбы за освобождение своего народа от национально-колониального и социального гнета, от темноты, безграмотности и невежества не было у них ясности, ни тем более сколько-нибудь четкого классового подхода. Едва ли можно удивляться сегодня тому, что из этой среды, с одной стороны, вышли деятели, которые сразу или постепенно вставали на ленинские позиции и именами которых сейчас гордится казахский народ; с другой – люди, которые примкнули к буржуазным националистам и до конца оставались на враждебной Советской власти платформе. Октябрьская революция с ее предельно четкими лозунгами и принципами поляризовала и дифференцировала прежде аморфные социальные силы. На разные стороны баррикад встали представители национальной интеллигенции, еще недавно солидарные в своих просветительских устремлениях. В то же время очень многие представители национальной интеллигенции прошли тернистый путь сомнений, колебаний и ошибок, прежде чем прочно и окончательно утвердились в социалистическом мировоззрении. Эти сложные моменты должны быть, кажется, исходными при анализе деятельности людей эпохи революций, гражданской войны и первых лет Советской власти и особенно тогда, когда мы боремся за такое ответственное и деликатное дело, как общая политическая и гражданская оценка крупных писателей и других деятелей. Здесь мы ответственны не только перед памятью умерших или погибших, но и перед судом истории.

Сейчас эти вещи, кажется, понимают все, почти все. Говорю “почти”, т. к. у нас временами приходится сталкиваться с такой оценкой литературных фактов или литературных деятелей, которые выдержаны в духе печальных времен “Пролеткульта” и РАППа.

М. Жумабаева я считал и считаю одним из наиболее своеобразных и больших мастеров стиха; в этом плане он достойный преемник Абая.

В то же время в нем, как в капле воды, отразилась вся сложность эпохи, в которой он формировался, жил, работал и трагически погиб. Любая попытка дать однозначную оценку творчеству М. Жумабаева – возвысить ли его до уровня борца-революционера или, напротив, принизить до уровня врага Советской власти и казахского народа – является вульгарной примитивизацией нашей истории и во втором случае – безответственным нигилизмом в отношении нашего культурного наследия. Такие оценки могут появиться только в том случае, если полностью абстрагироваться от реальной исторической обстановки в Казахстане в первой четверти XX века или если оставаться, как некогда активные деятели “Пролеткульта” и РАППа, последовательным приверженцем вульгарного социологизма в трактовке фактов и событий из истории национальных литератур.

Есть два периода в жизни Магжана: первый, когда он был алаш-ордынцем, второй – на службе советской культуре. Если взвесить и сопоставить эти два периода его жизни, то, мне кажется, вклад М. Жумабаева в казахскую советскую литературу неизмеримо весомее его ошибок. Вспомним, что он первым перевел на казахский язык “Историю Коммунистической партии”, книгу “Маркс и

Ленин”, произведения В. И. Ленина “Парижская коммуна”, “Девятое января”. Едва ли можно переоценить эту его заслугу перед казахским народом. Много он сделал для просвещения казахов; его перу принадлежит несколько учебников для казахских школ; им переведены в 1924 г. на казахский язык произведения М. Горького, опубликованные под общим названием “Песня о Соколе”, Мамина-Сибиряка, В. Иванова и др. русских писателей. Если даже не принимать в расчет его поэтическое наследие, которое в период после гражданской войны, за известным исключением, безусловно и в идейном и тем более в художественном отношении, – сделанного им достаточно, чтобы помнить и уважать имя Магжана Жумабаева.

Каков Магжан Жумабаев как поэт и человек? Это – своеобразный, самобытный и очень талантливый поэт. Он имеет только ему присущий слог, удивительную напевность, истоки которой в глубинах народной поэзии.

На протяжении всей своей трудной жизни М. Жумабаев работал. Возможно, он делал меньше, чем ему позволяли силы и талант, но и в этом виноват не только он. После установления Советской власти он пребывал в некоторой нерешительности, но недолго. Вскоре он работает редактором в Москве, в центральном издательстве. Затем учится в высшем литературном институте, один из профессоров которого называет его “Киргизским Пушкиным”. В те годы он работает над учебниками для казахских школ, переводами произведений В. И. Ленина, русских писателей. Все это позволяет самому Жумабаеву постепенно избавляться от противоречий и колебаний в своих взглядах, все глубже и прочнее воспринимать

марксистско-ленинское мировоззрение. К сожалению, этот процесс проходит мимо внимания рук оводителей Каз. АППа. Даже замечательное его стихотворение “Токсаннын тобы”, опубликованное в 1927 г. в органе ЦК КП Казахстана “Инбекши казах”, было воспринято ими как “приспособленчество” и “маневр”. Между тем из глубины сердца и с выстраданной искренностью М. Жумабаев говорил в этом стихотворении: “В прошлом, когда над всеми народами восходило яркое солнце, я ошибся. Однако я ошибся, служа своей отчизне. Я не поехал на съезд Алаш-орды, я не участвовал в его работе. Я, подобно некоторым, не ходил в адъютантах у руководителей Алаша. Я осознал, что партия Алаш не нужна казахскому народу. Теперь я увидел своими глазами и понял, что лишь Коммунистическая партия может правильно решить судьбу казахского народа. Если Коммунистическая партия представляет 90 процентов народа, Алаш – всего 10. Я защищаю 90, потому что, всей душой отдавшись, служу Советской власти” (смысловой перевод). Разве это не похоже на исповедь? Но ему не поверили. Почему? Трудно сказать, но кажется, не последнее значение имели личная неприязнь, месть и ложно понятые принципы классовой борьбы. Так или иначе, в 1929 г. он был арестован; Магжан все же оказался в ответе за ошибки более чем десятилетней давности и к тому же искупленные честным и плодотворным трудом.

Осужденный на 10 лет, он пребывает в лагерях и лесах Карелии. И здесь он честно трудится, сначала учителем, затем начальником объединенной санчасти нескольких лагерей. Он с помощью жены получает вузовские учебники по медицине и самостоятельно приступает к лечеб-

ному образованию. В 1935 г. при помощи М. Горького его освобождают. Магжан возвращается в г. Петропавловск, и на первых порах ему оказывает дружескую поддержку (в т. ч. материальную) С. Сейфуллин. В Петропавловске Жумабаев работает преподавателем в техникуме. Здесь он встречается с С. Муқановым – одним из руководителей казахстанской писательской организации – и после разговора с ним пишет заявление с просьбой принять его в Союз советских писателей. В заявлении он пишет: “От чистого сердца буду служить советской литературе”. В ответ С. Муқанов пишет достаточно вежливое, но в такой же степени формальное письмо, в котором сообщает, что вопрос о принятии Жумабаева в ССП может быть рассмотрен, когда появятся новые его произведения. В том же письме, правда, сообщалось, что условия для творческой работы ему будут созданы.

Дальнейшая судьба Магжана Жумабаева очень неясна, туманна, и, я бы сказал, завершается она довольно странно. Вскоре вновь начинаются упреки и обвинения Жумабаева в старых грехах. Из техникума его увольняют как “неблагонадежного”. Он идет работать в школу, но вскоре “алаш-ордынца” выгоняют и оттуда. Он решает переехать в Алма-Ату, поближе в творческих организациях, и поступает там работать в краеведческий музей. Но оставался он там недолго: не успел он привыкнуть к новой работе, как его вновь увольняют. Не рассчитывая устроиться в Алма-Ате, он отправляется зав. медпунктом в один из колхозов Алма-Атинского района. Но вести о “неблагонадежности” доходят и сюда, и он лишается работы. И все это на протяжении одного – по-

лутора лет. Непохоже ли это на чью-то злую волю? Весьма похоже. Но, несмотря на свое положение и, надо полагать, смятенное душевное состояние, он пишет стихи “Джамбулу”, “Девяносто девять”, “К перу моему”. Только мужественный человек, уверенно избравший свой жизненный путь, мог в таких условиях создать эти произведения. Но где же они? Они были переданы руководителям Казахского Союза писателей, но они гибнут где-то в недрах Союза, представители которого в 1935 г. столь щедро обещали Магжану поддержку. Травля, гонения, издевательства со стороны наследников Каз. АППа принимают такие формы, что М. Жумабаев пытается покончить самоубийством и только случайно остается живым. 30 декабря 1937 его вновь арестовывают. Аресту, по рассказам его жены, предшествовали вызовы в НКВД, глубокие раздумья Магжана и бессонные ночи, попытки по телефону о чем-то поговорить с одним, впоследствии очень крупным казахским писателем – тоже бывшим алашординцем. Уходя навсегда из дома, арестованный М. Жумабаев уже у двери сказал больной жене: “Я не прощаюсь. Ведь даже сам Бог не карает дважды за один и тот же грех. Ты знаешь сама, что никакого преступления против Советской власти и казахского народа я не совершал. Однако если я не вернусь, то поймешь, что “волчонок” съел “волчицу”. Запомни это!” С тех пор Магжан Жумабаев исчез навсегда. Все же он дважды пострадал за ошибки молодости, ошибки, в которых в одинаковой степени были виноваты и он, и история. Такова была судьба “волчицы”. А “волчонок”? Кем бы он ни был и как бы впоследствии он ни старался еще более опорочить М. Жумабаева, в этой истории для нас ясно

одно: второй арест Магжана, по крайней мере не в последнюю очередь, обусловлен тем недоверием и борьбой, которые имели место в казахской писательской среде.

Как-то в беседе один из казахских писателей сказал мне: “Ведь в те годы стоял вопрос – кто кого? Одни выиграли, другие – проиграли”. Если даже есть правда в этом цинизме, я, несмотря на свои 75 лет и жизненный опыт, не могу спокойно воспринимать и вспоминать эти события. Справедливость, я уверен, в том, что М. Жумабаев должен быть реабилитирован полностью: как гражданин и как поэт.

В заключение я хочу объяснить непосредственные причины, побудившие меня взяться за перо и писать это письмо, вместо того чтобы оставшиеся скромные силы использовать для реализации творческих замыслов, которых у меня, как и у всякого писателя, немало.

Прежде всего меня пробудили к этому мои друзья-казахи. Сама жизнь с ее постоянно обновляющимися тенденциями развития, большая переписка, из которой я узнаю думы и чаяния моих коллег, встречи и беседы с ними убедили меня в том, что я далеко не одинок в своей оценке творчества Жумабаева и его судьбы.

Впервые о М. Жумабаеве я услышал от покойного профессора Исмагамбета Исмаилова в 1964 г. По его мнению, М. Жумабаев и его творчество являются поэтическим мостом между Абаем и современной казахской поэзией. Эта очень высокая оценка была дана еще Г. Ибрагимовым, который не случайно избрал эпиграфом для своего классического романа “Казашка” следующие замечательные строки из стихотворения Жумабаева “Луне” (1911):

**Ты видишь простор бесконечный степной,
Как шалью, покрытый беспечной травой.
Здесь горы до неба, медовые реки.
Я сын твой, отчизна, рожденный тобой.**

Профессор назвал две причины, которые являются, по его мнению, препятствием к переизданию произведений Магжана. Первая – личные враги Жумабаева, оказавшиеся теперь в довольно неудобном положении. Раньше они “разоблачали” поэта, а ныне стоят перед дилеммой – или честно исправить перегибы, допущенные в прошлом, или же проявить “принципиальность”, “последовательность” и настаивать на старой оценке поэта. Некоторые люди выбрали второе и свой ложно понятый престиж поставили выше престижа казахской литературы.

Другая причина сводится к тому, что разные группы писателей, далеко не по творческим соображениям, придерживаются различных, диаметрально противоположных точек зрения в оценке творчества Жумабаева. Я не хотел бы называть это групповщиной: слишком неприятно само слово, но все же нечто похожее, кажется, имело и имеет место среди казахских писателей. Известно, что когда идет подспудная борьба, традиционное соперничество, в качестве предмета спора, предмета дискуссии может оказаться что угодно, даже судьба отдельных писателей. Так и случилось с Магжаном Жумабаевым. Одна группа писателей, составляющая, на мой взгляд, большинство, за то, чтобы возродить творчество Магжана и заполнить пробел в истории казахской литературы, другая отстаивает старые позиции. К моему сожалению (и, откровенно говоря, удивлению), эту позицию

отстаивает и Сабит Муканов. Впрочем, позицию Муканова трудно назвать последовательной. В своей книге “Казахская литература XX века” он дает весьма высокую оценку Жумабаеву-поэту. “Абай – акын ума, – пишет Муканов, – Магжан – акын акынов. Однако Магжан как акын сильнее Абая. Нам нужно учиться у Магжана”. Несколько лет назад во время встречи в Кустанае С. Муканов приятно поразил меня и татарского поэта Хасана Туфана великолепным знанием стихов Магжана. Он подтвердил высокую оценку творчества Жумабаева. Однако в издании произведений Магжана он, как мне кажется, занял отрицательную позицию и на мой письменный вопрос по этому поводу прислал весьма неопределенный, я бы сказал, аллегорический ответ (что-то в том духе, что у М. Жумабаева сейчас нет пастухов). Аллегория, если я правильно понял письмо С. Муканова, состоит в том, что у М. Жумабаева сейчас нет достаточно сильных и влиятельных покровителей, которые бы смели отстоять его наследие. Однако я очень надеюсь, что неправильно понял аллегорию моего друга С. Муканова. Мне кажется, что С. Муканов достаточно авторитетный защитник наследия казахской литературы и любимого им поэта М. Жумабаева.

Как и у всякого писателя, у меня большая переписка. С выходом книги “По следам юности” я получил десятки писем из Казахстана: Алма-Аты, Караганды, Кустаная, Семипалатинска и др. городов. Пишут писатели, критики, просто читатели. Во многих письмах говорится о поэзии М. Жумабаева. Ни один из моих корреспондентов не сказал что-либо против творчества Магжана. Напротив, вполне отдавая отчет в сложности судьбы и творческого

пути писателя, помня его ошибки, они подчеркивают богатство и зрелость поэзии Жумабаева, свежесть, несмотря на годы, многих его стихов, поразительную силу его строк об освобождении казахской женщины, воспевание свободы и. т. д.

Нет, конечно, возможности и необходимости цитировать эти письма. Но они, так же как и мои встречи со многими представителями казахской литературы и культуры, говорят о том, что возвращение поэтического творчества Жумабаева казахской и всей советской литературе – желание и стремление многих и многих людей.

Есть еще одна причина, которая побудила меня взяться за перо. Размышляя о судьбах литературы, я все чаще прихожу к выводу о том, что в отношении к культурному наследию все же у разных народов наблюдаются некоторые различия. Чем богаче культурное наследие народа, тем заботливее и бережнее он к нему относится, тем внимательнее судит он о сыновьях, которые хоть чем-то обогатили сокровищницу культуры. И, напротив, чем скромнее культурное наследие, тем как-то беззаботнее это отношение, тем подчас легче забываются люди, стоявшие даже у истоков рождающейся литературы. Может быть, я ошибаюсь, но вот некоторые примеры. Не надо доказывать, насколько богата русская литература. А ведь только в последние годы она воскресила имена многих писателей, даже не столь блестящих, как М. Жумабаев. Стоит перелистать новое издание “Литературной энциклопедии”, чтобы убедиться в этом. Ранее забытые имена Клычкова, Клюева, Вольнова, не говоря уже о более известных писателях, нашли в ней отражение и достойную характеристику. А казахская

литература отворачивается от замечательной поэзии Жумабаева. И единственный повод к этому – националистические ошибки поэта.

Но разве наши собратья по перу из русской литературы не ошибались? В 1917 г. сбились с пути не только политически не подкованные стригунки казахской литературы, вроде Магжана, но многоопытные аргамаки русской литературы. Разве мало русских писателей даже покинуло свою советскую родину и вели с ней идеологическую борьбу? Вспомним имена Бунина, Куприна, Г. Иванова, Бальмонта и др. Среди них какое-то время был и А. Толстой. Сейчас дана объективная оценка их творчеству и жизни, со всеми сложностями и изгибами. Все они заняли соответствующее место в истории русской литературы, и, кажется, никто не собирается (да это и невозможно) вычеркнуть их из этой истории. А зачем же обеднять казахскую литературу и выбрасывать из нее творчество Магжана? Ведь М. Жумабаев не эмигрировал за границу, как Куприн, Мережковский и многие другие, не писал ничего, что было бы направлено непосредственно против Советской власти. А между тем Бунина, Куприна и многих других эмигрантов издают массовым тиражом, а М. Жумабаев практически под запретом. Заботливое ли это отношение к нашему наследию?

Мне, немолодому и немало повидавшему человеку, можно, очевидно, откровенно сказать, что одну из причин такого отношения к Магжану, мешающую объективно оценивать его творчество, я вижу в пережитках соперничества и “родовых” противоречий, которые все еще имеют место среди казахских писателей. К сожа-

лению, это не одна интуиция; об этом откровенно пишут мне сами казахские коллеги.

Но можно ли забыть Магжана таким путем? Очевидно, нет. Стихи Магжана живут, но одни считают их народными, не зная, кому они принадлежат, другие знают автора, но знают лишь для себя. Я надеюсь и даже уверен, что казахские писатели с помощью партийной организации Казахстана найдут возможность правильно оценить сложность ранних этапов истории своей литературы и вернуть в ее лоно творчество одного из талантливых сыновей.

... Восстановление творчества М. Жумабаева вовсе не означает оправдания алашордынского национализма, как кажется некоторым казахским литераторам. Но я думаю, это настолько очевидно, что нет смысла специально эту мысль доказывать.

Уважаемый Динмухамет Ахметович!

Прошу Вас не корить меня за столь пространное письмо. Лишь одна у меня просьба – прошу прочитать и правильно истолковать письмо, написанное от чистого сердца старым писателем, который желает счастья и процветания казахскому народу.

ЕСТЬ ТАКОЙ ПОЭТ!

Литературное наследие поэта Магжана Жумабаева, которого хорошо знавший его Валерий Брюсов считал “киргизским Пушкиным”, возвращено наконец казахскому народу. Имя это перестало быть запретным, и никто уже (как это, увы, случилось!) не засадит в тюрьму за чтение и хранение его сочинений.

Надо ли сейчас вспоминать о том, как как “не пуцали” поэта к читателю, как высокопоставленные чиновники брали на себя смелость безапелляционно решать, кто нужен, а кто не нужен народу? Думаю, что надо. Ибо сопротивление процессу раскрепощения мысли сломлено далеко не везде.

В середине шестидесятых годов, когда надежды хрущевских дней еще не успели рассеяться, группа научных работников и писателей решила поднять вопрос о творчестве безвинно расстрелянного в 1938 году поэта. В нашем распоряжении была справка от 8 июля 1960 года за подписью председателя Военного трибунала ТуркВО генерал-майора Приймака, в которой говорится, что Магжан Бекенович Жумабаев не совершил никаких преступлений, что он посмертно реабилитирован. Задача, как мы полагали, теперь состояла в том, чтобы разобраться в наследии поэта.

Творчеством Жумабаева занимался тогда профессор Х.Махмудов. Он и познакомил меня со стихами поэта, поразительным по силе выраженному в них чувства и высокой духовности. Махмудов написал небольшую статью, я перевел несколько стихотворений, и материалы эти

были подготовлены к печати в “Просторе”, который редактировал Иван Петрович Шухов. Инициативу поддержал министр культуры И. Омаров. Тогда же было написано письмо первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаеву. Приведу из него последний абзац: “Мы обращаемся к вам только с одной просьбой — чтобы запрещение упоминать это имя в печати было наконец снято, а наши литераторы получили возможность спокойно и объективно разобраться в творческом наследии поэта”.

К тому же адресату обратился с большим письмом аксакал башкирской литературы Сайфи Кудаш.

В конце 1967 года в Казахском государственном университете состоялось обсуждение, организованное кафедрами литературы, которыми заведовали профессор Кенжебаев и доцент Мадзигон. В нем приняли участие профессор Махмудов и Нуртазин, писатель Т. Ахтанов, критик Н. Ровенский и другие. Вопрос был ясен, что называется, как божий день. К тому времени в нашей стране уже публиковались произведения ряда писателей, пусть в чем-то виновных перед Советской властью, но все же внесших определенный вклад в культуру народа.

Реакция на наше “самоуправство” была вполне в духе времени. На профессора Махмудова цыкнули “где следует”, а высокий ареопаг под председательством “самого” Кунаева и при активном участии второго секретаря ЦК Титова решительно осудил “идеологические извращения” посмевавшихся самостоятельно помыслить литераторов.

Но время было все-таки уже не сталинское: никого не посадили, с работы не сняли, хотя поприжали крепко.

На письмо Сайфи Кудаша, как и на наше, ответа, разумеется, не последовало, а об участниках обсуждения долго еще говорили: “Те, которые...”.

Спустя несколько лет меня уволили из университета за хранение магнитофонных записей песен Галича и Высоцкого. Я отправился к тогдашнему министру высшего образования республики К.Б.Билялову. Не без удовольствия он констатировал мою давнюю приверженность к литературе “сомнительного содержания” и назвал “этого Магжана”. “Но, Кали Билялович, — сказал я, — вы же казахский интеллигент. Вы ведь понимаете, какой это поэт!”. Он провел своим указующим перстом перед моим носом и ответил: “Запомните, товарищ Жовтис, нет у казахов такого поэта! Нет!”.

...Для меня возвращение Магжана Жумабаева к читателям — большая радость. Личная. И хочется сказать во всеуслышание: “Есть такой поэт! Есть!”.

С ДУМОЙ О СУДЬБАХ НАРОДА

Мы радуемся появлению каждого несправедливо забытого имени, и поэтому возвращение непревзойденного творческого наследия Магжана Жумабаева после многих десятилетий забвения, запрета и спустя полвека со дня гибели поэта является для нас замечательным событием.

Магжан Жумабаев... Он покориł читателей мощью своего таланта, страстью сердца и неповторимостью творческого почерка. Узнав только теперь трагическую черту поэта и гражданина, приходится сожалеть, что он вернулся к нам так поздно. Сегодня мы осознаем, что поколения людей, выросших без знания творчества М. Дулатова, Ж. Аймаутова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева и других представителей культуры репрессированных в годы культа личности Сталина, с этим знанием могли быть неизмеримо богаче и образованнее.

М. Жумабаев – выдающаяся фигура в казахской литературе начала XX века. Он один из немногих после Абая поэтов, сумевших понять казахский стих до мировых высот. Еще в 1928 году Мухтар Ауэзов писал о том, что он искренне любил поэта за необычные, восхитительные стихи, изменившие его понятие о казахской поэзии. С. Муканов писал в те годы: “В языковое обогащение казахской поэзии, улучшение ее изобразительных возможностей никто не вложил так много труда, как М. Жумабаев. В развитии казахской словесности после Абая никто не может превзойти Магжана”. Башкирский писатель Сайфи Кудаш, который очень хорошо знал поэта, пишет:

”М. Жумабаева я считаю одним из своеобразных и больших мастеров стиха: в этом плане он достойный преемник Абая”.

Он жил и творил во времена С. Торайгырова, И. Джансугурова, Б. Майлина и С. Муканова, но он совсем не похож на них. Для поэтов и писателей 20-30-х годов главным критерием было отношение к революции, ко всему новому, что происходило в то время. “Кто не с нами, тот против нас!”, “Кто там шагает правой?” – такие лозунги и призывы делали литературу политизированной, но как раз к этому призывали партийные функционеры, этого требовали и добивались пролеткультовцы. Те же поэты, которые не были против революции, но хотели осмыслить ее, понять, которые не подали голос в защиту пролетарской революции, были подвергнуты осуждению.

Поэт может и не быть революционером, но он может совершить подвиг в плане духовного обогащения человека, ломая старое представление о привычных вещах, заявляя о себе, как о новаторе. М. Жумабаев был именно таким человеком. Он изменил традиции, существовавшие в литературе до него, внес много новшеств в области стихосложения, разработки тем, образов.

В его стихах трудно выделить какую-то одну тему. Но о чем бы он ни писал, первым долгом обращается к своему народу с мыслями о свободе, о счастье. На его творчестве лежит печать раздумий, отчаяний и скорби с одной стороны, и с другой – страстное желание что-то изменить, надежда быть понятым. Идут рядом глубокое понимание истории, яркое представление прошлого и современная ему жизнь со всеми противоречиями и несоответствиями.

События тех лет были действительно настолько грандиозны, разнообразны и в известном смысле противоречивы, а порой и неприемлемы, что прежние друзья и соратники оказывались по разные стороны баррикад. Особенно в решении важнейших вопросов, касавшихся судеб родного народа – это и советизация аулов, и раскулачивание баев, и размежевание границ, развитие национальной культуры, образования.

И, конечно же, многих выдающихся людей, того времени не могла не беспокоить проблема будущего нации, а значит, и воспитания детей. Характерно, что это – общее для Ш. Кудайбердиева, А. Байтурсынова, М. Дулатова, К. Аймаутова, М. Жумабаева. Все они учились у аульного муллы, закончили медресе, училища и семинарии, учили детей, занимались просветительской деятельностью, писали статьи по вопросам воспитания, учебные пособия.

М. Жумабаев тоже пишет ряд статей об образовании, готовит учебники для казахских школ. Но если Байтурсынов и Дулатов – одновременно и учителя его, и соратники – занялись решением проблем педагогики, (первый стал теоретиком, основоположником отечественного языкознания, другой одновременно писал и свой роман “Несчастливая Джамал”, и учебник по математике), то Жумабаев был основателем и директором учительских курсов, издал ряд методических пособий. Написанное им учебно-методическое пособие “Будь грамотным” в годы ликвидации безграмотности считалось одним из лучших.

В своей публицистической статье “Школа и основные направления ее развития” он пишет о том, что старая школа не давала детям знаний, не развивала в них твор-

ческие способности, воображение. Дети ограничивались затверживанием сур из Корана и имели очень смутное представление о явлениях окружающей среды, о мировой культуре.

Устроители новой школы, по мнению Жумабаева, должны непременно учитывать особенности национального характера казахов, их мировосприятия. Педагог, утверждал он, должен опираться на опыт прежних поколений, воспитывая уважение к великим сынам своего народа. В другой статье он ратует за изучение и проведение в школах народных праздников, бережное отношение к традициям, обрядам, обычаям народа. На его взгляд. Наурыз – это не религиозный праздник, а народный. Это праздник труда, который символизирует мечту народа о новой, лучшей жизни, передает богатый опыт предыдущих поколений, имеет огромное познавательное и воспитательное значение, несет не сравнимый ни с чем эмоциональный заряд.

В 1922 году в Оренбурге выходит книга М. Жумабаева “Педагогика”, которая и в наши дни является непревзойденным примером прекрасного учебника. Автор предисловия к первому изданию Жолдыбаев, восторженно отзываясь о книге, написал, что для казаха – это откровение, а сам Магжан напоминает пророка.

И этот восторг не случаен. Трудно поверить, что это были первые шаги в отечественной издательской практике, настолько глубоко и полно в “Педагогике” рассматриваются вопросы физического и духовного развития, настолько профессионально и лаконично расположен весь материал.

С самых первых страниц учебника, говоря о воспита-

нии ребенка в колыбели, Жумабаев опирается на лучшие традиции народной педагогики. “Баланы бастан” – этой поговорке соответствует русский эквивалент “Дитя воспитывай, пока он поперек лавки лежит”. Магжан приводит эту поговорку, которая как нельзя более точно определяет отношение народа к воспитанию детей. Ребенок – ивовый прутик. Как его согнешь, таким он вырастет. “Но если захочешь потом изменить положение ствола, можно сломать дерево”, – говорит Жумабаев. Воспитывать ребенка нужно с колыбели, и тут все имеет значение.

Жумабаев говорит о том, что с колыбельными песнями мать воспитывает слух дитя. Нельзя подходить к колыбели молча, и автор приводит текст колыбельной песни, которую пишет специально для этого случая.

Далее поэт пишет о необходимости формирования в ребенке умения трудиться, быть готовым к любым испытаниям. И тут автор прав, потому что это один из основных “китов” народной педагогики, которая учила трудолюбию с малых лет – поначалу в семейных делах, но выросший человек, и проверка его трудовой подготовки всегда была общественной. В процессе воспитания, по убеждению М. Жумабаева, школа должна научить ребенка быстро решать все проблемы, находить выход из затруднительных ситуации.

Очень большое значение он придает семье, ее морально-психологическому климату. “Ребенок учится тому, что видит у себя в дому”, – так гласит казахская поговорка. Воспитывать в семье нужно, прежде всего, примером. Ребенок очень быстро перенимает все привычки, и плохие, и хорошие. У вспыльчивых, неуравновешенных

родителей, например, дети очень нервны, подвержены истерическим выходкам. Далее в книге приводятся примеры сочетания преподавания с играми, изучения и использования в воспитательном процессе сокровищ устного народного творчества, национальных обычаев, традиций...

Учебник, написанный поэтом, конечно же, трудно назвать только учебником. Так богата и разнообразна сфера тех вопросов, которые затрагивает автор, так широко и многосторонне освещаются попутно и проблемы социальные, и литературоведческие разработки по вопросам воспитания. Но это нельзя считать отклонением от научной темы, ведь задача автора была, как можно шире осветить животрепещущие вопросы того времени.

Поэт Жумабаев ясно и четко видит перспективу воспитания человека нового общества, прежде всего в неотрывной связи с опытом народной педагогики. И в этом огромное значение данной книги и на будущие времена.

Когда читаешь проникновенные слова Магжана “Для народа нет ничего важнее и дороже языка”, кажется, что он говорит с сегодняшней трибуны о наших проблемах.

В силу этих причин книгу М. Жумабаева нельзя считать парадной исторической реликвией. Она должна стать настольной для учителя и ученика, ее с интересом прочтут и писатель, и читатель.

У казахов крепка живая связь поколений. Старшие воспитывают в младших уважение к седине, стремление к справедливости, честности. Уважение к старшим у казахов не просто правила хорошего тона. Издавна в казахской народной педагогике регулирование поведения человека играло важную роль во всех сферах общес-

гвенной жизни. Регуляторами поведения человека являются моральные нормы, обычаи, традиции, общественное мнение. Не только родители, но и аксакалы аула и просто люди старшего возраста, порой и незнакомые, имели право требовать соблюдения морали, существующей в течении столетий. В этой сокровищнице житейской мудрости немало поучительного можно найти и педагогу, и воспитаннику.

М. Жумабаев в своем единственном прозаическом произведении – рассказе “Грех Шолпан” – размышляет именно об этом.

Женщина, горячо любящая своего мужа, вдруг решает изменить ему. Но не ради измены. В своем стремлении сохранить, уберечь счастье семейного очага решается родить ребенка от другого. Не зря жива в народе поговорка: “Укради, но займай много скота. Согреши, но роди дитя”... Муж застаёт любовников вместе, жестоко до полусмерти, избивает жену. И тут вступает в силу обычай – право старшего на выбор решения. Полуживую несчастную женщину обливают сорока ведрами холодной воды в промозглую сентябрьскую ночь. Шолпан очнулась к полудню следующего дня и с трудом открыв глаза, прошептала:

– Почему он не придет посмотреть на мое дитя?

С этими словами она прижала край одеяла к груди, как будто убаюкивая ребенка. Губы ее произнесли “баюбай” и она, потеряв сознание, откинулась на подушки.

Вместе с угасающим днем к вечеру душа Шолпан покинула эту грешную землю”.

Необыкновенной глубины эмоциональное слово писателя, с любовью и состраданием запечатлевшего судьбу

женщины-казашки, ее трагическую судьбу, надолго остается в сердце читателя.

В поэтических произведениях Жумабаева, его стихах и поэмах герои напоминают сказочных батыров, они чисты в своих помыслах, сильны, благородны. Аблай, Богембай, Кенесары – славные сыны казахского народа, лучшие его представители. И это не случайно. Ведь если народ выделяет в своих преданиях одну, самую главную черту Батыра, своего защитника – готовность защитить родную землю, то народный герой в поэзии М. Жумабаева тоже силен и прекрасен, его сила – в единении с другими, смысл его подвигов – в защите народа от врагов, величие его поступков определяется тем, насколько это помогает людям.

В поэме “Батыр Баян”, в стихах “Прошлое свято”, “Домбра” М. Жумабаев вспоминает предков тюрков, землю Турана, которая была прародиной кочевников. Он не хочет, чтобы традиции доблести и героизма забывались, уходили в прошлое, стирались из памяти. Без знания прошлого у человека нет будущего. Мы должны хранить память о наших героях, знать их жизнь и их деяния, потому что это – корни, питающие нас. Поэт, обращаясь к прошлому, пытается связать оборвавшуюся нить времен.

Включая сегодня изучение творчества М. Жумабаева в программу по казахской литературе педагоги, прежде всего, говорят детям о художнике, который думал и заботился о новом поколении, которое придет на смену старому. И нам понятны его тревога и его сомнения по этому поводу.

Те мысли и идеи, которые прослеживаются во всем его творчестве, позволяют утверждать, что М. Жумабаев

был не только поэтом, публицистом, теоретиком, преподавателем, но и в высоком смысле слова Учителем, народным педагогом, несущим в себе огромный заряд высокой нравственной чистоты и силы негибаемого духа, мечтающем о лучшей жизни грядущих своих соплеменников.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА

Там, где великая сибирская тайга своей юго-западной оконечностью граничит с бескрайней казахской степью “Сары-арка” (“Золотая степь”), широко раскинулось большое и глубоководное озеро Сасыкколь, южная сторона которого густо заросла кугой. В этих обильных зарослях озера не счесть водоплавающих птиц. Здесь и громкоголосый гусь, утка-кряква, касатка, неугомонный кулик и прочая пернатая мелочь.

Краса и гордость озера – неразлучная пара лебедей. Они, окружив с двух сторон своих еще не оперившихся птенцов, выводят их на утреннюю прогулку. Белая лебедь, по поверью казахов, царица всех остальных птиц, поэтому она в этом краю не боится людей, держит себя на воде царственно, величаво и достойно. Казахи испокон веков почитают ее, никогда не поднимают на нее оружие, она для них – священная птица. И лебедь, чувствуя такое отношение к себе, близко подплывает к берегу и с любопытством наблюдает за игрой купающихся здесь малышей.

Когда-то с западной стороны озеро окаймлял густой лиственный лес, а на его опушке стоял добротный, как говорили тогда, пятистенный дом. В этом доме 25 июня 1893 года родился Магжан Бекенович Жумабаев. В ту пору в официальных документах эта местность именовалась Полудинской волостью Петропавловского уезда Акмолинской области.

Отец Магжана, Бекен-ага, был крупного телосло-

жения, красивый мужчина с орлиным носом, большими и острыми глазами, округлым лицом и властным характером. Он тоже родился на берегах Сасыкколя (в 1868 году).

Жену Бекена звали Гульсим-апай. Она родила ему семерых сыновей и двух дочерей. Старшим из детей был Муслим. Затем родились Кахарман, Магжан, Мухамеджан, Салимжан (Салтай), Калижан и Сабыржан. Дочерей звали Куляндам и Гульбахрам.

В нашем североказахстанском крае и Бекена, и потомков Бекена до сих пор называют “родом, берущим начало от волка”. Рассказывают, что, мол, когда мать Бекена по имени Койдык забеременела им, то у нее вдруг возникло сильное желание отведать волчьего мяса. Впрочем, проявлять к этому излишний интерес не совсем уместно, однако в нашем краю известно, что действительно все дети Бекена и дети детей его все как на подбор были смелыми, настойчивыми, деятельными и удивительно красивыми.

Но судьба их в последующем оказалась трагической. В тридцатых годах горе-активисты эпохи культа личности преследовали не только непревзойденного мастера поэтического слова, любимца казахской молодежи Магжана Жумабаева, но и всех его братьев и сестер, близких родственников. Дело дошло даже до того, что до последнего времени произносить имя выдающегося поэта казахского народа Магжана считалось наказуемым преступлением.

Два старших брата поэта – Муслим и Кахарман, младший его брат – Мухамеджан были арестованы в середине 1937 года как “враги народа”. Сам поэт по такому же

обвинению первый раз был арестован в 1929 году, а второй – 30 декабря 1937 года.

Трое из братьев – Муслим, Магжан, Кахарман – словно канули в воду: до сих пор неизвестно, в каком году и где они расстреляны, в какой местности были похоронены. Мухамеджан же, отбыв долгие десять лет в лагере, вернулся в свой аул и умер, прожив 82 года. Другой брат поэта Салимжан (Салтай) жил в доме родителей, добывая в поте лица кусок хлеба, чтобы отец Бекен и мать Гульсим не умерли от голода. Но и Салимжан дважды побывал в тюрьме как родной брат “врагов народа”. Самые младшие братья Магжана – Калижан и Сабыржан – оставили родной дом в юношеские годы, нашли приют в городе Фрунзе в семье братского киргизского народа. Они скончались в начале 80-х годов.

Умерли в горестные тридцатые обе дочери Бекена и Гульсим, унеся с собой в могилу печаль и тоску по братьям.

Магжан начал учиться с четырех лет в домашней школе Бекена, созданной для своих детей и родственников. Учителем был высокообразованный, владеющий многими языками Востока молодой человек Ахиетден Аханов, башкир по национальности, навсегда оставивший свою родину.

У Ахиетдена какой-либо учебной программы не было. Он обучал восточным языкам и восточной литературе. Преподавал также арифметику и географию.

... В конце прошлого века известный богач уездного города Петропавловска Мухамеджан Бегишев, окончив полный курс Стамбульского университета в Турции, по прибытии в родной город открыл медресе (духовную

семинарию) для казахских и татарских детей. Сюда и поступил Магжан в 1905 году. Впоследствии это учебное заведение, несмотря на свое духовное назначение, превратилось в значительный научный центр города и уезда. Здесь медреситы учили арабский, персидский, турецкий языки как основные предметы. Также глубоко изучалась в медресе история тюркских народов. Жумабаев окончил ее в 1910 году, получив по всем предметам высший балл. Но молодой Магжан жаждал новых глубоких знаний, поэтому решил дальше “карабкаться по каменным тропам” науки.

Осенью того же года вместе со своим школьным другом Бекмухамбетом Серкебаевым (отцом народного артиста СССР Ермека Серкебаева) он приехал в Уфу и поступил в знаменитое в ту пору “Медресе-Галия”. Ее руководителем в то время был Салимгерей Жантурин, старшим преподавателем – татарский писатель-классик Галимжан Ибрагимов.

В медресе Магжан подружился со своим однокурсником Шаихзаде Бабичем, впоследствии выдающимся башкирским поэтом. Тесную дружбу они поддерживали до конца жизни.

По воспоминаниям Бекмухамбета Серкебаева два молодых поэта были гордостью “Медресе-Галия”. Дружья сочиняли одноактные пьесы, сами ставили их на сцене и исполняли роли. Эти маленькие спектакли они показывали не только наставникам и учащимся медресе, но и всем горожанам поочередно на двух языках – татарском и казахском. Часто выступали с чтением стихов как декламаторы. Оба они были душой маленькой театральной труппы, пользовавшейся популярностью в городе.

Магжан в “Медресе-Галия” учился лишь полтора года. Тому причиной было следующее. На втором году обучения Галимжан Ибрагимов вызвал Жумабаева в свой кабинет и сказал: “Магжан, ты лучше возвращайся домой, здесь, кажется, нет той науки, которую тебе надо изучать. Ты усвоил арабский, персидский, турецкий языки глубже, чем здешние преподаватели”. Последовав совету старшего друга, в 1911 году молодой поэт вернулся в Петропавловск и начал изучать русский язык у крупнейшего казахского ученого Мержакипа Дулатова.

В 1913 году Магжан приехал в Омск для поступления в учительскую семинарию, которую закончил с золотой медалью в 1917 году.

Большое участие в его судьбе приняли академик Григорий Николаевич Потанин, крупнейший поэт и ученый Мержакип Дулатов и директор семинарии Александр Никитич Сидельников. Г. Н. Потанин после первых встреч с Магжаном предсказал, что юноша в будущем станет вторым Шоканом Уалихановым. Предсказание великого ученого сбылось: Магжан Жумабаев впоследствии стал крупнейшим тюркологом, историком, лингвистом, педагогом в духе русской классической школы, автором учебников по казахскому языку и литературе, книги “Педагогика”. О значении его поэтического наследия говорить излишне.

Не случайно, думается, Жумабаев получил стипендию, предназначенную для казахских детей из “фонда Потанина” за выдающиеся успехи в учебе.

В 1918 году Магжан открыл в Омске курсы казахских учителей, став их первым директором. В 1919 году он стал ответственным редактором впервые открытой в

свободы”). В следующем году и курсы, и редакция переехали в Петропавловск. И здесь Магжан продолжал руководить ими.

В 1922 году Жумабаева пригласили в Ташкент, где он стал работать старшим преподавателем Казахско-киргизского института просвещения. Там Магжан Жумабаев активно сотрудничал с журналами “Сана” и “Шолпан” и опубликовал в них множество поэм, стихов и исследовательских работ.

Крупнейшие теоретики-литературоведы 20-х годов Ж. Аймаутов и Г. Токжанов называли Магжана основоположником байронизма в казахской поэзии, первым создателем не эпических, а романтических поэм, воспевающих один из коротких отрезков жизни героя. Такими являются его поэмы “Батыр Баян”, “Кобыз Койлыбая”, “Коркут”, “На вершине Ожетпеса”, “Иосиф-хан”, “Сход девяности”, “Старые сказки”, “Новые сказки” т. д.

В 1923 году, по приглашению наркома просвещения А. В. Луначарского, поэт приезжает в Москву и преподает восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В столице принимает активное участие в работе издательства “Восток”, составляет учебники для средних и неполных средних казахских школ, а вечерами учится в Высшем литературном институте под руководством В. Я. Брюсова. Слушает лекции самого Валерия Брюсова.

Первую поэтическую книгу “Шолпан” Магжан Жумабаев выпустил в Казани в 1912 году, а в 1922 году в Казани и в 1923 году в Ташкенте увидел свет его второй сборник стихов.

Первый сборник стихов великого казахского поэта

Абая Кунанбаева вышел из печати в 1909 году в Петербурге. А книга юноши Магжана вышла спустя три года в Казани. Сам этот факт стал большой сенсацией для многих тюркоязычных народов. С тех пор и поныне казахский народ, видя в Магжане воплощение поэтического духа своих предков, считает его законным и первым продолжателем традиций великого Абая.

В 1911 году увидел свет роман “Казашка” классика татарской литературы Галимжана Ибрагимова, открывшего первую страницу своего романа стихотворением, написанным еще в 1907 году четырнадцатилетним Магжаном:

**Ты видишь простор бесконечный, степной
Как шалью покрытый зеленой травой.
Здесь горы до неба, медовые реки.
Я сын твой, отчизна, рожденный тобой.**

Итак, Магжан как поэт стал уже известным с юных лет не только одному казахскому народу, но и всем народам Средней Азии и Поволжья. Жумабаев внес также огромный вклад в углубление и новое качественное пополнение духовной связи русского и казахского народов.

Будучи по специальности преподавателем языка и русской литературы, он как педагог классической школы играл огромную роль в глубоком освоении творчества великих русских писателей как в русских, так и в казахских учебных заведениях. Но как поэт, прежде обогащенный знанием Востока, после окончания средних и высших русских учебных заведений Магжан делает крутой поворот в сторону бурно развивающейся русской литературы. Он был тесно связан с крупнейшими ее представите-

лями: Максимом Горьким, Анатолием Луначарским, Сергеем Есениным. Один из русских профессоров Среднеазиатского университета в своем рекомендательном письме В. Я. Брюсову называет Жумабаева выдающимся поэтом.

Магжан был высокообразованным поэтом, человеком с энциклопедическими знаниями. В совершенстве владел многими языками: русским, арабским, персидским, турецким, а также всеми диалектами тюркских языков, в том числе древнетюркским.

Когда Жумабаев жил и работал в Москве, он много занимался художественным переводом. В столице им были переведены на казахский язык и изданы “Песня о Буревестнике” М. Горького, “Белый конь” Мамина-Сибиряка, многие рассказы Вс. Иванова, написанные о жизни казахов. Им также были переведены и опубликованы в столичном издательстве “Восток” большое количество брошюр и статей В. И. Ленина.

1920 – 1930 годы были сложными в истории советской культуры. В казахской литературе тоже царил рапповский дух. Некоторые “стихоплеты” в этих сложных исторических условиях были последователями идей “пролеткульта”, согласно которым дореволюционное поколение любой национальной культуры было объявлено буржуазным, хотя бы потому, что оно создано писателями, вышедшими из состоятельных слоев. В соответствии с такой концепцией пролетарскую литературу могли создавать только те писатели, которые имели якобы пролетарское происхождение, при этом забывалось то, что у казахов не было буржуазии, не было и пролетариата. Таким образом, поэт Магжан Жумабаев был

оболган из зависти к его могучему таланту.

В 1927 году Магжан возвращается в Петропавловск и работает преподавателем в Казахском педагогическом техникуме и в совпартшколе. В 1929 году он был арестован по ложному обвинению в национализме и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. По приговору суда был осужден на 10 лет лишения свободы, срок отбывал в Карелии. В 1935 году, находясь в лагере, Магжан написал письмо Максиму Горькому, который помог ему досрочно освободиться из заключения. Вернувшись домой в Петропавловск, он стал работать преподавателем русского языка и русской литературы в неполной средней школе № 7 имени Пушкина.

18 марта 1937 года Магжан Жумабаев, по приглашению Сакена Сейфуллина, приехал в Алма-Ату. Эта поездка поэта окончилась трагично. Великого сына казахского народа Жумабаева снова арестовали 30 декабря 1937 года.

Младшие братья поэта – Мухамеджан, Салимжан, Калижан, Сабыржан – скончались в последние десять лет. Они унесли с собой сокровенную мечту увидеть опубликованными книги своего любимого брата.

В период застоя, который был естественным продолжением эпохи культа личности, некоторые “образованные” казахи-ретрограды снова набросились на Магжана, вместо того, чтобы зачислить его в когорту основателей казахской советской культуры, таких, как С. Сейфуллин, Б. Майлин, И. Джансугуров, которые тоже стали жертвами репрессий 30-х годов. Однако Магжан был и остается величайшим мастером казахского поэтического слова, чрезвычайная популярность которого среди его

современников порождала черную зависть и послужила причиной его трагической судьбы.

Титаническая работоспособность писателя и ученого вызвала ненависть у тех карьеристов и держиморд в литературе и в науке, которые были неспособны создать ничего оригинального ни в просвещении, ни в литературе.

И все же справедливость наконец-то восторжествовала. Многогранное творческое наследие Магжана Жумабаева, погибшего в расцвете сил и таланта в период культа личности, ныне возвращается не только к казахскому народу, который, кстати, никогда не забывал о своем великом сыне, но и ко всем нам – “детям разных народов”.

САБИТ И МАГЖАН

**Абай – поэт ума, Магжан – поэт поэтов.
Магжан как поэт сильнее Абая.
Мы должны учиться у Магжана.**

Сабит МУКАНОВ

Земля Северного Казахстана богата замечательными талантами. В числе таких титанов Магжан Жумабаев и Сабит Муканов. Однако в последние годы стали распространяться досужие мнения, что Сабит и Магжан постоянно находились во враждебных отношениях и что Сабит якобы преследовал Магжана. А так ли это?

На самом деле в их взаимоотношениях были как темные, так и светлые моменты, что объясняется объективными и субъективными причинами. Во-первых, Магжан родился в зажиточной семье и по тому времени получил прекрасное образование.

Сабит же родился в семье бедняка и с шести лет остался круглым сиротой. Сполна испытал сиротскую долю. Батрачил у баев, пас их скот. С трудом научился грамоте. Затем сам учил арабской грамоте аульных детей, чтобы прокормиться и выжить. И только в начале 1918 года семнадцатилетний Сабит едет в Омск, чтобы поступить на двухгодичные курсы по подготовке учителей для казахских аулов. Здесь-то он впервые и встретился с Магжаном Жумабаевым — руководителем этих курсов.

Если Сабит Муканов тогда был бедным малограмотным парнем, слабо владеющим русским языком и имевшим небольшой опыт в сочинении стихов, то Магжан в ту пору был не только образованным и культурным

молодым человеком, но и уже известным поэтом, выпустившим в Казани первый сборник стихов под названием “Шолпан” (“Венера”). Кроме того, он тогда уже был членом Акмолинского комитета Алаш-Орды с центром в г. Омске.

Мировоззрение Магжана Жумабаева формировалось в период после революции 1905 года. В то время на волне развивающегося национально-революционного движения и в условиях роста казахской буржуазно-демократической культуры шло становление целой плеяды казахских интеллигентов. Социальный состав и политические взгляды этой группы деятелей культуры, литературы и просвещения были довольно разнородными. В их воззрениях устойчивым и четким было лишь одно: страстное желание свободы, счастья и просвещения своему народу. В их числе был и Магжан Жумабаев.

Во второй книге своего автобиографического романа “Школа жизни” Сабит Муканов так пишет о своей первой встрече с Магжаном в г. Омске: “Утром Казый Торсанов^{*} привез меня к директору курсов Магжану Жумабаеву, деятелю Алаш-Орды, поэту, как я позднее понял, глубоко антинародному, контрреволюционному. Я читал его сборник “Шолпан”, вышедший еще в 1912 г., и некоторые стихи, напечатанные в журнале “Абай”, в газетах “Сары-Арка” и “Жас Азамат”. Он был молод и привлекателен. Я запомнил бритое смуглое лицо и вьющиеся волосы...”

Мне кажется, здесь слова “глубоко антинародному, контрреволюционному” С. Муканов написал в духе обстановки 30-х годов, когда Магжан и другие алашординцы

^{*} Казый Торсанов — земляк Сабита, сын бая Торсана, в то время работал в Акмолинском облыстывном комитете Алаш-Орды.

подверглись репрессиям. В то же время Сабит Муканов не скрывает положительных сторон Магжана. Так, узнав, что Сабиту негде жить и не на что существовать, Магжан устроил его дворником к своему родственнику Газизбаю, у которого и сам снимал квартиру. О занятиях на курсах Сабит вспоминал: “Мы изучали казахский и русский языки, географию, арифметику, природоведение, педагогику, историю и вероучение. Кроме того, у нас были уроки пения и гимнастики. Магжан Жумабаев преподавал четыре предмета — казахский язык, русский язык, педагогику и вероучение”. И далее: “Историю древнего мира — Египта, Греции, Рима — я усваивал лучше других предметов, быть может потому, что мне выпало на долю помогать Магжану в составлении конспектов. Происходило это так. По вечерам он вызывал меня к себе в комнату, удобно располагался на диване, брал русский учебник и диктовал мне казахский перевод. Записанный мною арабскими буквами конспект на следующее утро давался курсантам для переписывания. Я получал на первых порах главным образом пятерки”.

Узнав, что Сабит пишет стихи, Магжан однажды, как вспоминает Сабит, попросил его почитать их. “В моей тетради это были стихотворные послания девушкам, айтысы — стихотворные состязания — и стихи о жизни аульной бедноты. Послания и айтысы Магжан похвалил. Но, читая мои стихи об аульной бедноте, он поморщился... Магжан познакомил меня со своими стихами. Его лирические произведения мне очень понравились. Но стихи, воспевавшие Колчака и Алаш-Орду, вызывали во мне молчаливый протест”.

Как известно, после победы Красной Армии над Кол-

чаком упомянутые курсы прекратили свое существование, и Сабит, недоучившись, вернулся через Петропавловск в свой аул Жаманшубар.

4 апреля 1919 г. вышло постановление ВЦИК, объявившее амнистию алашординцам и разрешившее им перейти на службу в советские органы. Магжан Жумабаев некоторое время работает в редакции казахской газеты “Кедей созі” (“Голос бедноты”), выходящей в Омске с февраля 1920 г.

В июне того же года Магжан и Сабит встретились в Петропавловске. Здесь уже при Советской власти с 6 июня 1920 г. были открыты курсы “Красных учителей”. Магжан преподавал педагогику, казахский язык и литературу. Сабит стал рядовым курсантом. Он в это время уже был кандидатом в члены Коммунистической партии. Несмотря на постановление ВЦИК, на местах продолжалось недоверчивое и даже враждебное отношение к бывшим алашординцам. Это подтверждается словами Сабита Муканова в “Школе жизни”: “С первых же дней учебы большинство курсантов заняли по отношению к Жумабаеву враждебную позицию, и только немногие оставались его поклонниками... Противники Жумабаева утверждали, что он еще не сложил оружия и продолжает бороться против Советской власти. Хитро, незаметно используя каждый удобный случай, он старается передать курсантам свои буржуазно-националистические идеи... Другие, их было совсем немного, считали Жумабаева правым во всем”.

В это же время в городе функционировал “казахско-татарский клуб”, где местная молодежь проводила вечера художественной самодеятельности. Здесь ставились

небольшие пьесы, читались стихи, пелись песни и т.д. В этом клубе читал свои стихи и поэмы и Магжан Жумабаев. Курсанты-коммунисты, члены партийной ячейки при курсах также ходили в этот клуб. Однажды они присутствовали, когда Магжан читал новую поэму “Сказка”. В ней прославлялись Кенесары Касымов и его сын Сыздык. Это стало поводом для обвинения Магжана в поддержке старых алашординских идей. По словам Сабита Муканова: “...Теперь уже ни у кого из коммунистов не оставалось сомнения, что Жумабаев прочно остался на своих идейных позициях. На следующий день партячейка наших учительских курсов вынесла на своем собрании постановление, в котором обоснованно доказывалось, что Жумабаева невозможно дальше оставлять преподавателем. Уездный комитет партии согласился с нашим доводом, и поэт-националист был снят с работы”.

Сабит тогда был членом редколлегии стенной газеты курсов. В номере газеты, вышедшем после разоблачения Жумабаева, он поместил свой фельетон “Тусімде” (“Во сне”). “Прибегая к обычной в те годы символике, — пишет Сабит Муканов, — я раскрыл в нем буржуазно-националистические взгляды и поступки Магжана Жумабаева”. После Сабит опубликовал этот фельетон в газете “Енбекші казак” (“Трудовой казах”) — 22 февраля 1922 г.

Сабит Муканов курса не окончил. Уездный ревком послал его в дальнюю волость для организации сбора налогов. В 1921 году Магжан некоторое время работал в редакции газеты “Бостандык туы” (“Знамя свободы”). Но и оттуда ему пришлось уйти, так как сторонники классовой борьбы в каждой строчке его произведений видели

защитника байства, буржуазного националиста, противника Советской власти.

До недавнего времени была неизвестна деятельность Магжана Жумабаева после ухода из редакции газеты. И только летом 1997 года в областном архиве были найдены документы, свидетельствующие о его работе весной и летом 1922 г. заместителем председателя Акмолинской чрезвычайной комиссии помощи голодающим (Акмолагубкомпомгол).

В 1921 г. Сабит в составе отряда ЧОН участвовал в подавлении восстания, учился в совпартшколе, а в августе 1922 г. уехал в Оренбург и поступил для учебы на рабфак. В октябре того же года Магжан вместе с невестой Зулейхой через Челябинск и Оренбург отправился в Ташкент. Там в 1923 г. вышел третий сборник стихотворений Магжана Жумабаева с предисловием Султанбека Кожанова, в котором говорилось:

“Мы издали стихи Магжана Жумабаева, считая, что они заслуживают почетного места в киргизской (казахской) литературе. Поэтические произведения автора читатели уже знают. Ясно, что в деле возрождения новой литературы там, где только начинает вырабатываться литературный язык, заслуга таких поэтов, как Магжан, громадна... Мы в стихах Магжана имели в виду больше литературную сторону, чем их политическое содержание. И читатель не должен обращать внимание на те места, где встречаются противоречия с марксистским мировоззрением. А побольше обращать внимание на красоту и художественную сторону, на образность, должен серьезно вникать в их исторический смысл”.

Валерий Брюсов. Обучаясь здесь, Магжан одновре-

менно работает в издательстве “Восток” и преподает студентам Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), усиленно изучает творения русских и западноевропейских классиков литературы, пишет новые стихи и поэмы, переводит на казахский язык ряд трудов Ленина, произведений Горького, Вс. Иванова, Гейне, Гете и других.

В то же время продолжается и даже усиливается несправедливая критика его произведений. В декабре 1923 г. в период учебы на Оренбургском рабфаке Сабит Муканов

и другие студенты произвели заочный литературный суд над Магжаном. Они раскритиковали новый сборник стихов М.Жумабаева, вышедший в Ташкенте, как произведение буржуазно-националистического, пантюркистского, феодально-байского, алашординского направления.

В ноябре 1924 г. организация казахских студентов, обучающихся в вузах Москвы, “Жерлестік” (“Землячество”) также устроила разбор этого сборника Магжана. По воспоминаниям профессора Бейсембая Кенжебаева, часть выступивших на этом собрании, указывая на некоторые признаки национализма и пессимизма в стихах Магжана, в целом признала Жумабаева большим поэтом. Но многие сделали вывод, что Магжан — буржуазный националист и для нас совершенно чуждый поэт. Такое постановление и приняло собрание. Отчет об этом опубликован в республиканской газете “Енбекші казак” 14 января 1925 г.

В такой сложной обстановке 3 декабря 1924 г. в газете “Тілші” (“Корреспондент”) Магжан опубликовал свое

стихотворение “Елге салем” (“Привет родине”). В ответ на это Сабит Муканов написал стихи “Салемге салем” (“Привет привету”), в которых заявлял о непреклонной решимости идти по пути, указанному Лениным, и что никакие силы и коварство врагов не способны сбить его с этого пути. Позже, в октябре 1926 г. это стихотворение опубликовала газета “Енбекші казак”.

В своей работе “Очерк истории казахской литературы” Сабит Муканов писал, что “в 1920-1923 годах в Казахстане поэты феодально-байского направления имели силу. Они выпускали свои книги, журналы против Советов. В это время почти никто против них не выступил, никто им не указал на их ошибки. В 1923-1926 годах феодально-байские писатели испытывали в Казахстане гонения. Поэтому они собирались в Туркестане вокруг Султанбека Кожанова, который отдал в их распоряжение газету “Акжол”, журналы “Сана” и “Шолпан”.

Это было действительно так. В числе писателей, нашедших поддержку у Султанбека Кожанова, крупного партийного и государственного деятеля, был и Магжан Жумабаев. Именно при его поддержке в 1923 г. в Ташкенте был выпущен сборник стихов Магжана.

Но, начиная с 1924 года, особенно после вышеуказанных двух критических разборок стихов Жумабаева, нападки в его адрес усилились. Произведения Магжана запретили печатать и даже уже выпущенные книги изымались из библиотек. Об этом свидетельствует следующее письмо заведующего КирЛИТО Кондратова в адрес Акмолинского губЛИТО от 11 марта 1925 г., сохранившееся в фонде Акмолинского губкома партии: “По имеющимся сведениям в КарглавЛИТО по Акмолинской гу-

бернии, имеется в обращении сборник стихотворений... Магжана Жумабаева, издание Туркестанского госиздата 1923 г. В отношении такого издания примите решительные меры к изъятию из обращения... Изъятые экземпляры храните до особого распоряжения..."

Летом 1925 г. Сабит Муканов в Петропавловске был назначен ответственным секретарем редакции газеты "Бостандык туы". Здесь он организует литературный кружок, вокруг которого группирует местных журналистов и писателей. А летом следующего года он – уже в столице республики, Кызыл-Орде. В июне здесь создается Казахская ассоциация пролетарских писателей (КазАПП), объединившая пролетарские силы казахской литературы. Председателем оргкомитета КазАПП стал Сакен Сейфуллин, ответсекретарем — Сабит Муканов, членами — Абдрахман Байдильдин, Хамза Жусупбеков, Орынбек Беков. Подготовить проект платформы было поручено Сабиту Муканову. 4 октября 1926 г. платформа была обсуждена на общем собрании пролетарских писателей и утверждена. С этого дня КазАПП работал на ее основе.

Летом 1927 г. Магжан Жумабаев, окончив литературно-художественный институт, возвращается в Петропавловск. За время пребывания в Москве он многое передумал, принял партийный принцип деления общества на классы и свои стихи стал писать с этих позиций. 17 августа 1927 г. в республиканской газете "Енбекші казак" он опубликовал свою поэму "Токсаннын тобы" ("Девяносто — большинство"). В ней автор приветствует новую жизнь, пришедшую к прежде обездоленным, утверждает, что теперь он заодно с большинством, вместе с девяносто из ста, а не с меньшинством — десятью. Пишет,

что раньше он ратовал за все сто, не делая разницы между угнетенным меньшинством, теперь же считает себя вошедшим в строй девяносто.

Однако эта новая позиция поэта не была понята руководством республики. Выступая в ноябре 1927 г. на VI-й Всеказахстанской краевой партийной конференции, первый секретарь крайкома Ф.И.Голощекин говорил: "Среди интеллигенции имеется движение, напоминающее "сменовеховцев". Вы, наверное, знаете знаменитое стихотворение Жумабаева о "Девяносто". Он о себе пишет, что он на стороне девяносто, а большинство ему поверило, что это действительно так, и было обмануто. Они сначала говорили "сто" и потерпели поражение, а теперь говорят о девяносто. Если к нам придут с хорошими делами, мы по спине погладим, однако, чтобы показать необходимость поддержки девяносто другими, мы не только по спине их погладим, но в то же время и ударим по спине". ("Советская степь", 21 ноября 1927 г.).

Из этих слов видна безграничность беззакония того времени. Эти слова первого руководителя республики дали повод для еще более углубленной критики М. Жумабаева со стороны писателей пролетарского направления. В третьей книге "Школы жизни" ("Годы возмужания") Сабит Муканов пишет: "В литературе шла ожесточенная борьба с байско-националистическим направлением, и возглавлял эту борьбу КазАПП. Я не преувеличу, если скажу, что в 1927-1928 годах борьба с проявлениями байского национализма в казахской литературе была непримиримее, чем когда бы то ни было. Подтверждением этого может служить перечень многочисленных статей, опубликованных в те годы на страницах газет и

журналов, дискуссии, постоянно вспыхивавшие на писательских собраниях. Конечно, не нужно думать, что все было так уж просто: в одном стане мы, пролетарские писатели, в другом — байские националисты. Все было очень сложно, и чаще всего наши противники предпочитали не прямое наступление, а искусную маскировку. Конечно, Магжан Жумабаев, почувствовавший свой близкий конец, желая спасти себя, мог написать и такое:

Я свое совершил. Наступает ваш срок.

Я от прошлой десятки теперь далек”.

(С. Муканов. Школа жизни. Кн. 3. Годы возмужания. А. Жазуши, 1985, стр.218-219).

Из этого видно, что в тот период Сабит Муканов, как многие другие пролетарские писатели, не верил искренности Магжана, что поэт действительно полностью повернулся на сторону советской власти, открыл новую страницу своего творчества. Однако судьба не дала ему возможности писать с этой новой позиции. Черные тучи сталинщины стали сгущаться. И их тени в первую очередь упали на головы представителей передовой интеллигенции подобных Магжану. В начале июля 1929 г. Магжан был арестован в собственном доме в г. Петропавловске. Вначале по этапу он был отправлен в Алма-Ату, оттуда отправлен в Москву и заключен в печально знаменитую Бутырку. Затем был осужден на 10 лет каторжных работ и этапирован в Карелию.

После суда и ссылки М. Жумабаева С. Муканов понял свои ошибки. Находясь в Москве (он учился в институте красной профессуры), он пишет письмо опальному Магжану. Об этом известный ученый-исследователь, доктор филологических наук, профессор Турсынбек Какишев

говорит следующее: “Свое письмо Магжану, находившемуся в ссылке на Беломорканале, Сабен прочитал мне 10 ноября 1959 года. Об этом я подробно писал в своих воспоминаниях “Степь — сердце”. В 1990 г. на торжественном собрании в честь 90-летия Сабита Муканова в театре оперы и балета об этом я во всеуслышание рассказал в своем докладе. В этом письме Сабен писал: “... Скоро выйдете из тюрьмы. Тогда в какой стороне будете? Будете с обидой на незаслуженную репрессию или будете с идеей Вашего “Девяносто — большинство?” Для нас, для будущего казахской священной поэзии был бы большим приобретением Ваш переход на сторону Советов”.

Известный писатель Жаик Бектуров в воспоминаниях о Магжане Жумабаеве в книге “Бес арыс” (“Пять корифеев”) также пишет о своей беседе с Сабитом Мукановым. Ему Сабен тоже сказал, что “в период учебы в Москве в 1932-1933 годах, получив разрешение ГПУ, послал письмо Магжану в лагерь”. (“Бес арыс”, А. Жалын, с.325).

По утверждению Т.Какишева, подлинник письма находится в фондах Алматинского музея Сабита Муканова.

Сабит Муканов после возвращения Магжана из ссылки в 1936 г. встречается с ним, душевно беседует в Петропавловске. Об этом в своей книге “Магжан” ученый и писатель Шериаздан Елеукенов пишет: “В сентябре 1936 года Сабит Муканов, приехав в Петропавловск, специально встретился и переговорил с Магжаном, высказал в его адрес много теплых слов и пригласил на службу в Алма-Ату”. А 27 октября того же года Сабит из столицы пишет Магжану: “Когда с Вами встретился в Петропавловске, я говорил, что если Вы сами собираетесь

честно служить советской литературе, Вашей литературной работе никто не будет мешать. Эти слова и сейчас в силе. Если с чистым сердцем будете служить советской литературе, никто Вас не упрекнет за прошлые ошибки. Пролетариат может простить. Он и защитит, и помочь может. Только пролетариат любит не слово, а дело". (Ш. Елеуенов. Магжан. А., с.127).

После возвращения из ссылки в Петропавловск Магжан долго не мог получить работу. И только 1 сентября 1936 года его приняли преподавателем русского языка и литературы в 5-7 классах семилетней школы №7 имени А. С. Пушкина. О М. Жумабаеве как учителе написала свои воспоминания бывшая ученица 6-го класса этой школы, впоследствии сама ставшая учительницей, пенсионерка Татьяна Павловна Нетесова: "... Когда Магжан Бекенович в первый раз вошел в наш класс на урок, мы невольно засомневались, сможет ли он вести на соответствующем уровне уроки русского языка и литературы? Но уже после первого занятия все сомнения рассеялись, а после нескольких уроков мы просто полюбили нового учителя...". (Т. Нетесова. Учитель, перед именем твоим. "Ленинское знамя", 29 июня 1990 г.)

Магжан от всей души стремится служить "социалистической трудовой стране". В этом духе он пишет стихотворения "Перу", "Джамбулу". Однако эти порывы поэта остаются незамеченными представителями власти. Зато НКВД усиливает проверки. В конце января 1937 г. его отстраняют от преподавания.

Оставшись без работы и без средств к существованию, 20 февраля 1937 г. Магжан пишет Сабиту Муканову, работавшему в Алма-Ате председателем правления

Союза писателей Казахстана:

“Уважаемый мой товарищ Сабит!

Я вернулся в Казахстан с единственным желанием показать силой своего пера, что я вступил на новый путь. Я решил остаток жизни, цель и надежду свою посвятить, чтобы доказать на деле, социалистическому строительству. Для меня теперь нет другого пути, кроме пути трудового класса и компартии... Я решил в любом случае перебраться в центр. Если найду средства на дорогу, думаю, поеду в центр. Конечно, говоря о своем тяжелом положении, не хочу Вас к чему-либо обязывать”. Сабит Муканов приглашает Магжана приехать в столицу. Когда Магжан с женой Зулейхой 25 марта 1937 года прибыл в Алма-Ату, на вокзале их встретил Сабит Муканов. Здесь же Магжан сказал Сабиту: “Мой путь оказался не верным, а путь Сакена – верным. Вначале я должен отдать салем Сакену. Поэтому вези меня сначала к нему”. Сабит сначала позвонил Сакену Сейфуллину домой, затем привез к нему Магжана. Сакен и Магжан при встрече обнялись и прослезились. Магжан с женой в тот же день переночевали у Сакена, на второй день гостили у Сабита.

После этого, по рассказу работавшего тогда секретарем правления Союза писателей Мухаметжана Каратаева, Сабит вместе с Мухаметжаном и Магжаном были на приеме у Л. И. Мирзояна. Сабит добивался, чтобы устроить Магжана на службу и помочь ему в финансовом отношении. Он же определил Магжана с женой в двухкомнатную квартиру по улице Узбекской. Заботой Сабита о Магжане проникнут и следующий документ, приведенный Шериязданом Елеукуновым в книге “Магжан”.

“21 апреля 1937 г. Секретно. Тов. Джаманкулов. Как тебе известно, в Алма-Ату приехал алашординский поэт Магжан Жумабаев, который написал на имя Союза писателей заявление о том, что признает свои антисоветские ошибки и просит помочь ему исправиться и дать работу. По этому поводу я на днях беседовал с тов. Мирзояном. Он мне говорил, что надо дать работу, то есть дать на перевод на казахский язык из произведений классиков русской литературы, чтобы этим ему оказать материальную помощь. Прошу тебя, как члена партии и зав. КИХЛом, учесть эту мою записку и слова тов. Мирзояна на перевод с выдачей аванса по договору.

С ком. приветом предс. СПК и член партии С. Муканов”.

Это письмо ярко характеризует гражданственность Сабита Муканова. Но так как исполнение его официального прошения затягивалось, к директору Казахского издательства художественной литературы Рахимжану Джаманкулову зашел Сакен Сейфуллин вместе с Магжаном. Несмотря на всяческие уловки вчерашнего своего ученика, ставшего крупным начальником, Сакен по своей личной доверенности вынудил Джаманкулова дать аванс Магжану за будущий перевод. Это был со стороны Сакена смелый поступок, свидетельство большой человечности. Но все это регистрировалось его врагами, затем квалифицировалось в печати как пособничество алашординцу.

18 августа 1937 года секретарь партийной организации правления Союза писателей Калкаман Абдыкадыров в газете “Казак адебиеті” (“Казахская литература”) опубликовал статью “Нужно до конца уничтожить троцкистских,

бухаринских, национал-фашистских вредителей в литературе”, в которой так разоблачал председателя правления Союза писателей Сабита Муканова:

“Сабит в своих произведениях: в “Адаскандар” (“Заблудившиеся”) хвалил бая, в 1932 г. в вышедшей книге “Казахская литература XX века” говорил, что враги народа — алашординцы имеют объективно революционную роль, до последнего времени занял откровенно примиренческую позицию к врагам народа Айсарину, Жумабаеву, Асылбекову... Свои произведения дал переводить врагам народа Досмухамедову, Малдыбаеву. Желание устроить на работу Жумабаева не простая ошибка Сабита, а большая политическая ошибка”.

7 сентября 1937 г. на пленуме правления Союза писателей рассматривался вопрос “Борьба с вредительскими делами национал-фашистов в литературе и выращивание молодых кадров”. В постановлении пленума записали: “С. Сейфуллин, С. Муканов не обращали внимания на поступки врагов народа, проявили либерализм, примиренчество и сами допустили массу политических ошибок”. Это было подхвачено газетами “Правда”, “Казахстанская правда”, “Социалистик Казахстан”. Сакен был арестован 24 сентября 1937 г., а уже 2-3 октября 1937 г. на собрании Сабит был снят с должности и исключен из партии.

Недавно издательство “Казахстан” выпустило сборник документов под названием “Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.”. В нем приведен такой документ:

“Решение бюро Алма-Атинского горкома КП(б)К по апелляции С. Муканова 2 марта 1938 г. Слушали: Апелляция Муканова. Муканов Сабит, член КП(б)К с июля

1920 г. партбилет №1559860, рождения 1900 г., казах. По соцположению — служащий. В момент возникновения дела работал в качестве председателя СПК — писатель. Муканов обвиняется в том, что в своих литературных произведениях, как-то “Сын бая”, “Мырзабек”, “Темиртас”, “Литература XX века”, протаскивал контрреволюционные, националистические взгляды. Муканов был тесно связан с Сейфуллиным, Досмухамедовым, Асылбековым, Айсариним, Валиахметовым и Джумабаевым, разоблаченными врагами народа. Когда Джумабаев был в ссылке, Сейфуллин имел с ним переписку и оказал денежную помощь. Муканов состоял в сейфуллинской контрреволюционной националистической группировке во время совместной работы в Союзе писателей. Муканов оградил Сейфуллина от критики, тем самым зажимал критику и самокритику.

Решением бюро Фрунзенского ГРК КП(б)К С.Муканов “как активный член контрреволюционной националистической группировки, как пособник врагов народа и как неразоружившийся буржуазный националист” из рядов партии исключен.

Муканов в своих заявлениях не отрицает предъявленные ему обвинения в допущенных ошибках в своей литературной работе и своих связях с Сейфуллиным, Валиахметовым, Айсариним и другими, но заявляет, что он ничего не знал об их контрреволюционной националистической деятельности. Обвинение, предъявленное Муканову и его переписке с Джумабаевым и оказании ему денежной помощи, когда Джумабаев был в ссылке, ничем не подтверждается.

Докладывал тов. Холодов. Муканов присутствует. Пос-

ганивали: Ввиду неясности отдельных вопросов, дело о Муканове отложить и поручить тов. Холодову доработать материал и доложить на бюро.

Секретарь ГК КП(б)К Шураков”

Документ приведен полностью. Каждая строка его заставляет задуматься о событиях того далекого времени. По мнению Т. Какишева — исследователя жизни и творчества Сакена Сейфуллина, Сабита Муканова и Магжана Жумабаева в документе есть некоторая подтасовка фактов. Особенно это касается переписки с Магжаном Жумабаевым, когда он находился в ссылке. В документе это факт приписывается Сакену Сейфуллину. Т. Какишев предполагает, что это, может быть, сделано кем-то сочувствующим Сабиту, ибо Сакен в это время уже сидел в тюрьме. Нужно было хотя бы Сабиту облегчить обвинение. Об этом же говорит строка: “... обвинение, предъявленное Муканову о его переписке с Джумабаевым и оказании ему денежной помощи, когда Джумабаев был в ссылке. Ничем не подтверждается”.

На самом же деле, письмо Магжану писал Сабит Муканов, как было упомянуто выше.

Писатель Жаик Бектуров, занимавшийся исследованием биографических данных многих представителей интеллигенции Казахстана, приводит некоторые сведения, записанные в блокнот из бесед с Мукановым. Вот что рассказал ему Сабит в присутствии Сырбая Мауленова: “Магжан как поэт и как человек был особым, – говорил Сабит, – только путь его поэзии имел другое направление. Впоследствии его имя не называлось. Характер у него был как у ребенка, язык, как мед. Он очень уважительно относился к людям. Он был в Омске моим учите-

лем. Образованный, мыслитель, хорошо знал русский и восточные языки. Наизусть рассказывал стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова. Будущим учителям русского языка преподавал русский язык. Между нами не было согласия только с идейных позиций. Магжан во многом был против нас. В действительности был против или нет, об этом сегодня трудно судить. Во всяком случае, его произведения в 20-х годах нам казались чуждыми. Он не воспевал советскую эпоху, ее достижения, горевал о старине, байстве. Долгое время не признавал классовую борьбу в казахском ауле, не хотел признать противоречия между баями и бедняками. Большинство этих мыслей я изложил в своих книгах. А в личной жизни Магжан был очень человечным, к товарищам относился очень дружелюбно. По поэтическому мастерству, по образованию одним из сильных среди алаша, даже самым сильным, самым даровитым был Магжан. Мы дали Магжану книгу для перевода. Это был роман Л. Фейхтвангера "Семья Оппенгейма". Это было в то время сильное произведение, написанное против фашизма. Он быстро и очень хорошо перевел. Он с самого начала был очень искусным переводчиком... Он был прекрасным знатоком русского и родного языка. В действительности в нашей казахской литературе родоначальником искусства перевода был Магжан. Только упомянутая книга немецкого писателя на казахском языке так и не вышла из печати. Главной причиной моего исключения из партии осенью 1937 г. явилось мое приглашение Магжана в Алма-Ату и оказание ему помощи. В газетах одна за другой появлялись статьи о том, что Муканов поддерживал Сакена, Магжана. Поток поступали заявления об этом в партийные

органы. В разгар такого ажиотажа как-то на улице встретился Магжан. Он, сильно волнуясь, обратился ко мне с такими словами: “Дорогой Сабит, я стал причиной ваших бед. Если я виноват, простите. Что только делается в этом мире! Больше встретимся или нет”. И еще раз извинившись, попрощался. Больше мы действительно не встретились. Магжан был арестован 30 декабря 1937 г., а 19 марта 1938 года был расстрелян.

В чем его вина? Вся его вина в том, что от всего сердца писал стихи о родном крае. Да, передо мной никакой его вины нет. Моя вина — приглашение Магжана из Петропавловска в Алма-Ату. Мы уважали его человечность, его поэтическое дарование, заботились о развитии казахской литературы. Мы не думали, что нас постигнет такая печальная участь. Магжан ведь был всесторонним писателем”. (“Бес арыс”, А., Жалын, 1996, стр. 326-327).

А в своей работе “Казахская литература XX века”, вышедшей еще в 1932 г., Сабит Муканов писал:

“В языковое обогащение казахской поэзии, улучшение ее изобразительных возможностей никто не вложил так много труда, как Магжан Жумабаев. В развитии казахской словесности после Абая никто не может превзойти Магжана”. (С. Муканов. Казахская литература XX века. А., 1932, с. 283).

Из всего изложенного можно сделать вывод, что Сабит Муканов и Магжан Жумабаев в 20-х годах имели идейные расхождения. В этот период Сабит Муканов выступал с резкой критикой произведений Магжана. К этому его подталкивала и сама обстановка того времени. Но с начала 30-х годов Сабит Муканов понял свои заблуждения и достоинства Магжана. Поэтому он писал Магжану

письмо в лагерь, поэтому старался ему помогать до конца, за что и сам в 1938 году подвергался гонениям.

И мы не вправе полагаться на досужие домыслы, а должны знать правду о взаимоотношениях наших великих земляков, классиков казахской литературы Магжана Жумабаева и Сабита Муканова.

ВЕРНОСТЬ

Третий год шла война. В казахском ауле, затерянном в сибирских лесах, она отдавалась не меньшей болью, чем в соседних русских деревнях и латышской колонии. Время от времени то в одном конце аула, то в другом вдруг раздавались пронзительные, берущие за душу крики и причитания. Значит кто-то из фронтовиков в аул больше не вернется. Слово “похоронка” в ауле вслух не произносилось из-за боязни накликать беду. Их именовали “черной бумагой”, “плохой вестью”. Но все равно страшные конверты находили своих адресатов.

Однажды отец велел мне закладывать кобылу в сани и ехать на станцию Мангут встретить “свою тетушку, эвакуированную из Ленинграда”.

– Она еще не знает, что ее двоюродная сестра, а твоя мать умерла полгода назад. Будь с ней осторожней, как никак она вырвалась из окруженного и голодающего города.

До станции километров тридцать. Для сытой кобылы расстояние не ахти какое далекое. Но в военное время поезда, идущие с запада на восток, вечно опаздывали. Они частенько стояли на разъездах, пропуская встречные эшелоны с грузами для фронта.

Нужный мне поезд не составил исключения и пришел, когда уже начали сгущаться сумерки.

Свою тетушку я узнал не столько по описаниям отца, сколько по необыкновенной ее худобе. Было военное и трудное время, и в ауле жили тоже не сытно. Было немало голодающих и в нашем ауле, да и самим приходилось

частенько обходиться жиденькой похлебкой из отрубей. Особенно после смерти мамы баланда у нас стала самой частой пищей. К сожалению, не больше двух раз в день. Но такую худую женщину мне видеть раньше не доводилось. Тетушка, казалось, вся просвечивает насквозь.

Скелет человека, который стоял в учительской и пугал девочек, медленно двигался в моем направлении без видимых усилий, словно ее катали на коньках. Одежда на ней болталась, будто подвешенная на веревку для сушки. Она не размахивала руками, не качалась из стороны в сторону. Казалось даже – она не отрывает ног от земли.

– Тетя Зулейха, я приехал за вами, – сказал я, подходя к ней.

Она молча опустила на мое плечо свою руку и показала глазами на два чемодана, которые опускали на землю незнакомые люди.

Я все боялся отойти от нее. Мне казалось, что если она лишится опоры, перестанет держаться за меня, то обязательно рухнет. Причем не упадет, не расшибется, а именно рухнет, превратится в груды костей.

Она, наверное, тоже поняла мое состояние и легким толчком отправила к своим вещам. К моему удивлению, на снег сбросили еще кое-какую посуду, привезенную тетей, – кастрюли, чайник, сковородки. Все это я отнес к стоящим поблизости саням. Затем подвел к ним тетушку и бережно усадил в розвальни, укрыл тулупом и обложил со всех сторон ее чемоданами, чтобы не продувало, когда выедем в открытую степь. Потом подтянул чересседельник, оторвал кобылу от брошенного сена, и мы выехали в сторону нашего аула. Короткий зимний день кон-

чился, наступили поздние сумерки. Дорога была неблизкой, и я, укрывшись с головой от ветра дождевиком и краешком тетушкиного тулупа, прилег, разрешив жеребой кобыле не спеша везти нас.

Дорога сперва шла степью, затем огибала большое озеро и углублялась в лес мимо болота, заросшего камышом и осокой.

– Сынок, – услышал я через какое-то время сквозь дрему, мы уже приехали в аул?

– Да нет, тетя. До аула еще километров пять-шесть, – отвечал я, не желая расставаться с состоянием полусна-полуяви. В мечтах я видел перед собой калач, будто уминаю я его, вместе с крынкой молока. А тут еще она со своими предположениями.

– А вон и аульные собаки, – услышал я ее тонкий голос, полный тревоги, и все мое блаженное состояние рассыпалось вмиг, как лед под ломом, когда его дробят для самовара. “Какие еще собаки”, – сказал я, вскакивая с теплого сена и отбрасывая в сторону хрустящий дождевик.

Была светлая лунная ночь. Кобыла двигалась еле-еле, мелко вздрагивая, и была вся в поту. В стороне от дороги, параллельно нам, утопая в снегу, двигались волки. Их было несколько. Оглянувшись назад я увидел еще несколько серых,двигающихся по льду болота. Но главная беда поджидала впереди. Там посередине дороги мордой к нам лежал матерый волчище. Огромный, ростом с годовалого телка. Запомнилась еще толстая шея и взъерошенная шерсть на загривке.

Острый запах конского пота ударил в нос. И это подействовало как-то отрезвляюще. Стало невыносимо жалко

жеребую кобылу. И тетушку. Она еле вырвалась из фашистского окружения по ледовой “дороге жизни”, протряслась семнадцать суток в неудобном вагоне и вот теперь возле самой цели, рядом с аулом должна отбиваться от волков. Все это, наверное, обострило чувство самообороны, и дальше все мои действия диктовались этим великим чувством защиты автоматически, но верно.

Я быстро соскочил с саней и заторопился по оглобле на круп кобылы, соскальзывая в затвердевших от мороза пимах. Но все же быстренько добрался до цели, подобрал вожжи и, щелкая длинным кнутом, закричал насколько хватало силы. Страху не было. Были злость, какой-то азарт и удадь.

– У, фашисты! – кричал я. – У, гады! Хотите сожрать единственную кобылу! Да еще жеребую! Нате вам! Тетушку хотите напугать? А ну, уходи с дороги, толстый Гитлер!

Кобыла как-то тоже подобралась и пошла резвее. Я бил кнутовищем по дуге, крутил над головой и обратным движением извлекал из сыромятной кожи кнута щелкающий звук, напоминающий выстрел из пугача.

И зверь не выдержал. Он поспешно спрыгнул в сугроб и пошел к своей стае. Медленно, не спеша, словно раздумывая, а не вернуться ли ему назад.

Но меня уже несло. Я нахлестывал кобылу, кричал, ругался, звал на помощь свою собаку, подсознательно понимая, что будь она здесь, обязательно запрыгнула бы к нам в сани, а волки бы ее не оставили. И тогда неизвестно, чем бы все это кончилось.

До аула было уже близко. Мой крик в тиши безветренной морозной ночи, наверное, достиг и аульных

собак. Волки замедлили свои шаги и скрылись в лесу.

И тогда оттуда послышался такой душераздирающий, такой тоскливый вой, что запоздалый страх буквально сковал мое тело. Я еле-еле слез с лошади, присел к тетушке и, несмотря на пережитое рассмеялся. Тетя Зулейха держала в руках нераскрытый зонтик, целилась им в сторону зверей и издавала тонкий звук: “Цу-у-ух! Цу-у-ух!” Так моя родственница пугала лесных хозяев воображаемыми ружейными выстрелами, уверенная, что они испугались именно этих звуков.

Мое первое знакомство с тетей Зулейхой Жумабаевой началось вот в такой весьма необычной обстановке.

Четверо сирот, одному из которых полгода, нетопленая землянка и запустение – такая обстановка встретила тетью в нашем доме. Здесь, в затерянном в сибирском лесу, ауле, жизнь протекала по старинным казахским обычаям и привычкам. Так, перестав посещать совхозную школу в пяти километрах от аула, я ходил на занятия муллы, который обучал арабской письменности, заставлял заучивать суры Корана. С приходом тети Зулейхи в наш дом соседи заговорили о нас, как о воскресшей семье. “Теперь они не будут сиротами. Да и отец у ребят красивый, видный человек. Да и дети для приезжей не чужие”.

Однажды тетя позвала меня к себе и сказала:

– Ты уже взрослый. Ты самый старший в семье. Об отце твоём я ничего не говорю, он просто растерялся после смерти твоей матери, оставшись с маленькими детьми на руках. Но ты должен меня понять. Мой муж Магжан Жумабаев был великим казахским поэтом и прекрасным человеком. Необыкновенно талантливым и

непохожим на других. Он был настолько хорош, что память о нем я никогда и ничем не запятнаю. Ты понимаешь меня? У нас с ним не было детей. Я мало жила с ним. Так получалось, что он был или в разъездах, или находился в лагерях для заключенных. Но у меня сохранилась память о нем, его стихи. Среди них многие посвящены лично мне. Он как бы и сегодня разговаривает со мной. Поэтому, мой милый и несчастный мальчик, я никак не смогу стать вашей матерью. Прости меня.

Так я узнал эту женщину с новой стороны, познал кредо ее жизни, ее суть и смысл существования. Верность своему идеалу, любимому человеку она пронесла через всю свою долгую жизнь, как главный стержень, как ежедневную молитву.

Наверное, в этом сыграло роль и еще то обстоятельство, что их любовь с мужем была выстрадана, прошла через боли разлук и муки борьбы за нее. И прерывалась частенько не по их вине.

– Я столько страдала из-за Магжана, что чувство к нему превратилось в одну сплошную боль и горе, – как-то вырвалось у нее.

И мимолетные встречи для них становились праздниками, радостью, которую уже ничто не могло затмить, затушевать. Всю свою жизнь Зулейха посвятила ему, талантливому поэту, сумевшему внушить ей большую любовь и неизмеримую ничем... жалость к себе.

Наверное, эта жалость и превратила тетю Зулейху в человека, чувствовавшего себя в долгу перед Магжаном, перед большим поэтом, творчество которого подвергалось гонению, и она служила ему верой и правдой, превратив это цель своей жизни. Так, тетя всю свою

жизнь посвятила поездкам в лагерь, где трудился муж, а после смерти его – сбору стихов поэта, всего написанного им, не считаясь при этом ни с лишениями, ни с трудностями, действуя исступленно и порой фанатично. Жила этим и живет сегодня – единственной мечтой увидеть при жизни сборник стихов своего мужа. Ведь решение об этом было уже несколько лет назад. Но что-то сработало, что-то затормозило выполнение уже принятого постановления. Что же?.. И давно реабилитированный и восстановленный в правах большой поэт все еще остается неизвестным молодежи, а его творчество передается от одного к другому в рукописях, порой с ошибками, цитируется с оглядкой, ходят и те стихи, которые получили строгую критику еще при жизни поэта и которые он сам считал несерьезными, наносными и озорными. А многие его стихи гуляют еще в народе, ожидая компетентных оценок любителей истинной поэзии. Вот почему и сегодня девяностопятилетняя старуха продолжает по крупицам собирать недостающие нити в произведениях поэта, прислушиваясь к разговорам знающих людей, записывая сохраненные в людской памяти строки. Неумело, неграмотно, но с энергией и желанием, достойным подражания.

...Первый раз забрали Магжана в 1929 году. Причем накануне ничто не предвещало беды. Зашли в дом следователь Губайдуллин и милиционер Шаяхметов, и мужчины долго сидели, пили кумыс и слушали стихи поэта. Долго смеялись над эпиграммами Магжана, написанными на руководителей города, республики. Иногда деланно, когда в них высмеивался начальник гостей. "Упрямый вол, роющий землю копытами, – наш Мырза;

кричать, стрелять – наш Мырза мастер”. Был откровенный намек на Мырзалиева, тогдашнего начальника НКВД.

А уже назавтра Жумабаев уезжал в Алма-Ату. Хоть и без сопровождения, но с бумагой – прибыть по назначению. Оттуда он оказался в Москве и дальше – в Соловках, на тяжелых работах на долгие годы изгнания.

Год ходила Зулейха в ауле Кызды в неведении, где ее муж, под укоризненными взглядами и насмешливыми шепотками, как родни мужа, так и своих близких. Ведь брак Магжана и Зулейхи был откровенным вызовом, неслыханной дерзостью как по отношению к сложившимся традициям и обычаям в народе, так и по отношению к родственникам и близким. Больше того, их брак расстроил другой, более выгодный с точки зрения родственников, так давно готовящийся и с таким нетерпением ожидаемый...

Все началось вдруг, неожиданно и так сильно увлекло молодых, что они уже не противились своим чувствам, не могли не видеть друг друга ежедневно, ежечасно.

На свадьбе друга Магжана – учителя Тауфика с подружкой Зулейхи Жамал они оказались друзьями молодых и все дни тоя были рядом. Магжан был предупредителен, нежен, заботлив и ласков с ней. Шутил, называл ее “абстай”, что по-башкирски значит “тетушка”, намекая на ее первого мужа башкира Хасена Мухамедьярова. Это получалось у поэта беззлобно. Вспомнили, как несколько лет назад Магжан написал письмо в стихах пятнадцатилетней красивой девушке и как Зулейха чуть не отдала послание своим родителям, а поэт просил ее не делать этого, обещая больше не заниматься “глупос-

тиями”. Позже рассказал он более печальные события, связанные с Зулейхой, как он, услышав, что она заболела тифом, приехал в Петропавловск из Омска и как увидел ее, лежащую в беспамятстве 17 дней, а молодой ее муж уже был похоронен, унесенный все тем же тифом.

- “И тогда я дал себе слово никогда не оставлять себя в беде”.

- “Спасибо, я не нуждаюсь ни в чьей помощи и жалости”.

Зулейха была по-прежнему ершиста и непохожа на других, на казашек того времени – коротко остриженная после болезни, тонкая, высокая, стройная. И красивая – с большими глазами, правильными чертами овального лица.

Несколько дней прошли в шутках, веселье. Поэт много читал: свои стихи, эпиграммы на знакомых. И только не касались они одного – предстоящей свадьбы Магжана, срок которой неумолимо приближался. И такой день наступил, когда нельзя было закрывать глаза на действительность, тешить себя надеждой на какое-нибудь чудо. Из аула прибыл отец Магжана – Бекен со всеми необходимыми атрибутами для свадьбы, со скотом для калыма.

В тот вечер накануне предстоящих праздников Магжан собрал своих близких и друзей и признался на вечере в своей любви к Зулейхе. Все ждали ответа Зулейхи. Но она ответила отказом.

- Не столько страшно причинять горе своей родственнице, которая готовится стать женой Магжана. Раз у них нет любви, жизни у них тоже не будет. Страшно оказаться оставленной. Чего стоит история с Гульсум, о которой говорит весь город.

– Нет, – говорили друзья поэта. – Магжан не такой. Он, конечно, натура увлекающаяся, но легкомысленным он никогда не был. Поверь ему, ручаемся за него. Мы ведь видим, как он мучается, как он сильно любит тебя.

– Если Зулейха не верит мне, – сказал Магжан, – тогда, чтобы доказать свою верность Зулейхе, я никогда не женюсь на нелюбимой, я завтра уезжаю из города. Буду ждать в Челябинске две недели – этого времени Зулейхе хватит на приготовления, и если за этот срок она не приедет ко мне, я вообще больше не вернусь на родину.

– Наверное, и Зулейха была равнодушна к поэту. Потому что уже через несколько дней она ехала в незнакомый город, в неизвестную гостиницу, чтобы встретиться с любимым человеком. Затем двое молодых выехали в Оренбург, тогдашнюю столицу республики, где в издательстве вышла “Педагогика” Магжана Жумабаева.

Но и здесь молодая чета долго не задержалась. Поэта пригласили в Ташкент для чтения лекций в “Инпросе” – институте просвещения.

Четыре года пролетели, как один счастливый миг. Здесь Магжаном Жумабаевым были созданы лучшие его произведения. В том числе романтическая поэма “Батыр Баян”, в которой два брата влюбляются в одну девушку – пленницу-калмычку – и брат убивает брата. В Ташкенте в это время находился и Мухтар Ауэзов. Он часто посещал дом Жумабаевым и первым прочитывал все новые произведения Магжана. Ему особенно нравилась поэма о Баяне.

Хорошие дружеские отношения были у поэта с профессором Дебеевым. Одну из своих первых статей под

названием “Тарту”, написанную тогда, он посвятил именно Дебееву.

С. Кожанову принадлежит предисловие к книге Жумабаева, выпущенной в Ташкенте, в которой были собраны все лучшие произведения поэта. В предисловии известный литератор писал, что это второе такое издание книги стихов на казахском языке после Абая, что это явление в жизни казахов. Раньше считалось, будто казахский и киргизский языки пригодны только для чабанов и неудобны для бумаг, переписки, книг. Поэт доказывает, насколько этот язык богат, горяч, чист, остер, красив и способен отражать самые тончайшие нюансы чувства и мысли.

Но кончились и эти прекрасные дни в Ташкенте. Вскоре руководители республики – Султанбек Ходжанов и Турар Рыскулов направляют поэта в Москву в Высший литературно-художественный институт имени Брюсова слушателем и одновременно преподавателем в Коммунистическом университете трудящихся Востока – КТУВе.

По окончании курсов Магжан Жумабаев и его жена возвращаются на родину – в Петропавловск. Здесь поэт с головой уходит в работу. Утром читает лекции в педагогическом техникуме, вечером – в совпартшколе. Организует в городе литературный кружок, руководит творческой работой молодежи. Шел 1929 год.

Весть от мужа пришла неожиданно, из какого-то Майкопа. Судя по названию местности, она должна находиться где-то в Казахстане, ибо означает “жирное болото” по-казахски, а, по объяснениям врача Кацина, который передал послание, оно пришло из-под Петрозаводска.

“Зулейха, родная, – писал муж из ссылки, – я столько тебе причинил в жизни горя, что не знаю, смогу ли когда-

нибудь отблагодарить тебя. Мне больно писать тебе об этом, но твой муж осужден на целых десять лет заключения. На целых десять лет! И, главное, я не чувствую за собой вины. Впрочем, ты и сама знаешь, что я ни в чем не виноват. Зулейха, прошу тебя, приезжай ко мне. Но сперва в Москве зайди на Лубянку и получи разрешение на свидание. Затем зайди к Максиму Горькому и объясни, что меня взяли без всякого основания, что я ни в чем не виноват и ничем не проявил, слышишь, ничем, неприятие новой власти. Октября. Наоборот...”

И вот Зулейха отправляется в Москву.

Это только первая поездка к мужу была тяжелой, незнакомой, таинственной. Потом они превратились в привычку. Пусть тяжелую и обязательную. Ведь за семь лет заключения Магжана Жумабаева Зулейха ездила к нему 14 раз. Майкоп, Толстовские дачи, лесозаготовки карельской березы... каждое путешествие молодой казашки в незнакомые места было полно приключений порой с риском для жизни. Часто местопребывание лагерей менялось, каждое лето осужденные вывозились на сплав леса, и каждый раз Зулейха, как в потемках, ездила по населенным пунктам, расспрашивала первых попавшихся людей, затем уже ставших знакомыми местных жителей, и находила поэта. С чувством удивления она однажды ехала по дороге, составленной из поваленных жердей, на телеге, колеса которой были из цельных бревен. В другой раз лодочник сгрузил ее на сплавляемый лес. Другого случая могло не быть, и она согласилась уехать на этих длинных связанных лесах. Они, огромные, как острова родного Ишима, внушали доверие и устойчивость. Она поплыла на них и могла уплыть неизвестно

куда. Только благодаря случайности ее заметили, окликнули и сняли. Так, поездка в Североморск чуть не стала последней для “решительной, верной казашки”, как окрестили ее спасатели, сменив свой гнев на восхищение, когда узнали о цели ее поездок.

Постоянно ездить в такую даль стало тяжело. И она начала думать о том, чтобы сменить место жительства. Так, в 1933 году, Зулейха переезжает в Ленинград. И помог ей в этом чудеснейший человек – профессор Иван Иванович Фетисов. Выпускник Парижского университета, истинный интеллигент, он в лагере сблизился, подружился с Магжаном. В одну из следующих поездок Зулейхи из далекого Северного Казахстана, потрясенный ее верностью и преданностью, посоветовал молодым и наказал своей жене, которая тоже приехала на свидание к мужу, – поселить Зулейху в их квартире в Питере. Так Валентина Ивановна и ее сестра Толида Ивановна Фетисовы, стали родными для Зулейхи.

Ленинград – это уже совсем близко к мужу. Было недалеко и до Москвы, и теперь уже можно было выполнить просьбу мужа – зайти к Максиму Горькому и рассказать о судьбе поэта Магжана.

Горький принял ее в Союзе писателей. Но, услышав просьбу женщины, посоветовал ей обратиться с заявлением к жене – Пешковой. “Она занимается выяснением злоключений писателей, и она обязательно вам поможет” – сказал на прощание Алексей Максимович.

Интересна человеческая память. Она иногда хранит совершенно отчетливо все детали каких-то событий, казалось бы, ничего не имеющих общего с ходом дела. А, может, это мы не придаем им значения, в действи-

тельности же они и есть главное. Зулейха, например, почему-то запомнила все подробности этой встречи с Пешковой. Вплоть до дома на углу Кузнецкого моста, второй этаж и угловую комнату. Даже подробно все детали убранства в комнате Пешковой. И их разговор о Магжане, его стихах, как встретились и поженились, как она ездит к нему в лагеря. Пешкова внимательно выслушала и спросила:

– Судя по вашему рассказу, Магжан, похоже, большой поэт?

– Да, Брюсов назвал его казахским Пушкиным, – ответила Зулейха.

Видимо, это посещение имело непосредственное отношение к судьбе Магжана, потому что вскоре, не отсидев трех лет до полного срока, Жумабаев был досрочно освобожден из заключения. Шел 1935 год.

“А может, этого не надо было делать, – говорит сегодня Зулейха, вспоминая все события пятидесятилетней давности. – Потому что начались массовые гонения на интеллигенцию и через год Магжана снова взяли под стражу. На этот раз вместе с лучшими людьми страны. И хотя срок был таким же, как раньше, но отношения уже были совсем другие. Не только свидание, уже весточку нельзя было получить от мужа. Теперь он как в воду канул. И только через четверть века сказали о нем, и только о факте смерти поэта. Впрочем, это уже другая история, коснувшаяся всех лучших людей страны”.

Через десять лет жизни в Ленинграде тетя Зулейха оказалась в нашем ауле, совсем недалеко от Петропавловска. Но туда ехать ей было заказано. Оказывается, ее относительная свобода в Ленинграде была иллюзор-

ной. Она и там была под негласным надзором, и каждый шаг ее совершался с разрешения сверху. Пройдет еще несколько лет, пока она получит эту справку:

“Пропуск №3890. Гражданке Жумабаевой Зулейхе разрешается проезд от станции Мангут до станции Петропавловск”.

И пройдет еще полтора десятка лет, пока ей отменят пятнадцатикилометровую зону передвижения, и она сможет приехать в столицу Казахстана Алма-Ату.

Вскоре ей выдали ордер на квартиру. Было обещано издание произведений Магжана Жумабаева. Здесь Зулейха испытала радость реабилитации мужа, почувствовала тепло помнящих поэта писателей. И окрыленная выпавшим на нее вдруг везением, она выехала в Москву за стихами мужа. Дело в том, что все прижизненные издания поэта были уничтожены. Многие стихотворения Магжана были напечатаны в газетах и журналах, которых в республиканском архиве не было. С небольшой пенсией, которую увеличили до сорока рублей уже здесь в Алма-Ате, и со страстным желанием найти и выписать все, что было создано Магжаном, она вошла в здание Центральной библиотеки им. Ленина в столице. Она, почти безграмотная, умеющая читать и писать только то, что написано арабским шрифтом, не имея понятия, как пользоваться каталогами, не зная тонкостей заказов на литературу, познавая все процессе работы в поисках магжановского слова, ежедневно – с минуты открытия зала и до его закрытия – занималась выписыванием корявым арабским алфавитом найденных стихов любимого поэта и мужа. Газеты и журналы, книги, изданные в Омске и Оренбурге, Ташкенте и Троицке, Казани и Уфе... Нашла

даже такую маленькую книжонку, изданную на казахском языке в 1914 году, “Акбозат” Мамина-Сибиряка в переводе Магжана Жумабаева. Зулейха нашла немало переводов песен М. Горького, приписываемых по сей день другим писателям.

Как оценить этот труд? Чем измерить его плоды?

Пожилая женщина, пережившая гонения не только как жена “врага народа”, но и трудные дни блокады Ленинграда, голод последних военных и послевоенных лет в глубинке Сибири, с трудом выучившая современную казахскую письменность на основе русского алфавита уже в процессе работы над найденными стихами поэта. Часто попадались стихи ранне-казахского алфавита – написанные по-арабски. Тогда было легче – Зулейха знала эту письменность. Но вдруг попадались произведения, написанные латинским шрифтом, – поздне-казахский алфавит. Все произведения она переводила мысленно на арабский текст и заполняла ими тетрадные листы, подаренные ей случайными знакомыми, собранными из оставшихся на столе страничек. Не без ошибок, не без пропусков. Но не забудем при этом и о другом – у Зулейхи не было крыши над головой. Она жила у случайных людей, питалась более чем скромно.

Собранных Зулейхой произведений Магжана хватило на три тома – 250 машинописных страниц. Все ли здесь написанное Магжаном? Наверняка – нет. Конечно же, для более внимательного и грамотного человека, умеющего быстро искать и находить, – еще много дел в этом направлении. Кстати, ничего не сказано в сборниках Зулейхи о педагогической деятельности поэта. Хотя он был известным педагогом-просветителем, вы-

пустившим алфавит для учащихся казахских школ.

– Ну, найдите хоть одно стихотворение Магжана, в котором бы он выступил против Советской власти! Эпиграммы! Но это не официальные произведения. Это личные его отношения к деятелям литературы и искусства, чиновникам. Магжан очень сильно любил Есенина. Но ведь даже у Есенина больше критических произведений по отношению к молодой республике, чем у Магжана. А ведь Казахстан куда труднее пришел к новому, чем просвещенная Россия. Мне рассказывают, что выходят произведения Гумилева, которого расстреляли как бело-гвардейца, таких поэтов, как Мандельштам, Белый и другие. В Ленинграде, где никто слыхом не слыхивал о Магжане Жумабаеве, я находила больше поддержки и сочувствия, чем в родной республике.

Такая вот мудрая и смелая женщина – тетя Зулейха. И совсем равнодушная к своей земной жизни.

– Даже самой надоело тянуть бесконечно однообразные дни, – говорит она без тени сожаления. – Только увидеть книгу Магжана, только бы прочитать ее, а все остальное – суета. Живу и ладно...

Вот так вот. Даже малая пенсия не волнует ее.

А ведь пенсию можно было бы давно увеличить, можно было прикрепить Зулейху к магазину пенсионеров и ветеранов войны. Ведь она в осажденном городе не просто ждала освобождения, но и работала, защищала любимый город. Вот мобилизационное предписание, подписанное комиссаром Октябрьского района города Ленинграда тов. Петровым:

“На основании приказа Совета Народных Комиссаров СССР от 2/II 41 года Вы призваны для несения службы

по защите г. Ленинграда от воздушных и химических нападений немецких захватчиков и противопожарной охране жилых домов и общественных зданий (ЖКО, музеев и др.).

На Вас возлагается обязанность быть стойким и мужественным бойцом групп самозащиты местной противопожарной обороны домохозяйств города”.

Как всякая защитница города, Зулейха получала продовольственные карточки – те самые 125 граммов суррогата хлеба. Вот одна из чудом сохранившихся у нее справок:

“Домхоз №343. Справка дана Жумабаевой Зулейхе в том, что она действительно проживает в доме 8 по Крюкову каналу.

Продовольственную карточку в Домхозе №343 на октябрь месяц не получала. Упр. д/хоза от 28/IX 42 года”.

А вот эта справка от 21 сентября 1942 года удостоверяет: “За последние три недели в ее квартире инфекционных заболеваний не зарегистрировано. Эпидемиолог”. Подпись и печать.

Как всякая ленинградка, она голодала. Вот страшная справка и об этом периоде ее жизни:

“Здравпункт Фрунзенского района города Ленинграда. Справка дана Жумабаевой Зулейхе в том, что она нуждается в эвакуации. Диагноз: дистрофия III степени. 22 сентября 1942 года”.

– Ну, хорошо, – говорит старый и усталый человек. – Ну, получила я подтверждение, что Магжан ни в чем не виноват. Ну и что? Неужели нельзя сделать следующий гражданский и гуманный шаг? Нет, ничего не изменилось в литературных кругах. Я не знаю, сколько неофициально

взято у поэта строчек другими. Но хотя бы переводы Горького можно было бы вернуть настоящему автору. Хорошо хоть татарские писатели время от времени на страницах своих журналов печатают по несколько строк произведений поэта, подписанных именем Магжана Жумабаева. А у нас даже при исполнении песни “Всех красивее ты” по телевидению и радио стыдливо говорят: “Слова народные”. Хотя всем известно, что они принадлежат Магжану Жумабаеву и в первоначальном варианте имели приписку: “Зулейхе”.

“С глазами верблюжонка, таинственными словами моя ханум Гульсум”, – поют в народе и тоже не знают, кому принадлежат слова песни. А ведь даже Гульсум, которой в свое время сильно был увлечен Магжан, была не простой женщиной. Гульсум Камалова была сестрой Галиаскара, именем которого назван татарский театр. По мужу Гульсум Акчурина была не просто преподавателем математики в Петропавловске, коллегой Магжана. Это была обаятельная женщина, кстати, участница Балканской войны, сестра милосердия. В Гульсум можно было влюбиться и посвятить стихи, достойные ее. Недаром стихотворения, посвященные ей Магжаном, в народе сравнивают со стихами Пушкина к Анне Керн. Я горжусь, что Магжан увлекался ею.

Магжан прекрасно знал русскую и зарубежную литературу. У него много переводов и подражаний Гете и Гейне, Байрону и Шиллеру, Пушкину и Лермонтову, Фету и Майкову, Есенину и Блоку. Особенно поэт любил Блока, и это имя восторженно упоминается во многих его стихах. Перевел он несколько произведений М. Горького.

Близко ему и творчество Есенина. В стихотворениях

Магжана часто встречаются настроения и темы есенинской лирики. Ему так же жалко жеребенка, преследуемого паровозом. Ему более близок и мил патриархальный аул с простором полей и блюдцами голубых озер, чем задымленные трубы современного города. “Черный, серый, дымный город не дает дышать”, “Ах, степь родная, что тобой сталось?”, “Ну, поцелуй меня покрепче...”

Этот очерк – не попытка “разобрать” стихи Магжана, не критический анализ стихотворений поэта. Все, что здесь сказано о его произведениях, нужно нам было только для того, чтобы подчеркнуть всю нелепость замалчивания Магжана Жумабаева, великолепного лирика и певца казахских степей. И еще. В произведениях поэта встречается масса имен, фамилий. Сейфуллин, Садвакасов, Байтурсунов, Саматов, Тынышбаев, Айсарин, Дебеев и многие другие. В произведениях встречаются посвящения, обозначенные инициалами и многоточиями. Их может расшифровать только Зулейха Жумабаева. Не надо забывать, что ей уже девяносто пять лет...

И еще. Рано или поздно имя Магжана Жумабаева получит признание и гласность. Огромный поэтический дар не может оставаться в забвении надолго. Поэт, который, по словам ушедшего из жизни академика Маргулана, имеет для казахского народа такое же значение, какое для англичан Шекспир и для русских Пушкин, должен занять достойное место на книжных полках.

...Время не ждет. Ждут три тома отпечатанных и сброшюрованных произведений Магжана, лежащих на дне бабушкиного сундука. Она их знает наизусть. А вот молодежи не грех бы поучиться на примере сверкающей,

как жемчужина, поэзии страстного любителя истины умению любить родину, родную землю, свой народ. И самоотверженности женщины, какой была и остается Зулейха, жена Магжана.

Май, 1981 г.

И ЧУДИТСЯ МНЕ АННА КЕРН

**Целуй же, милая, еще раз и еще,
Целебный теплый яд потек в крови,
Минуты этой прелести я не отдам
За трон царя, богатство всей земли.**

Магжан ЖУМБАЕВ

Кто же стал источником удивительной силы любви, очарования, вдохновения поэта?

Еще Бибизайып-апа во время нашей встречи в Сарто-маре рассказывала о том, как поэт любил свою жену-красавицу Зейнеп, племянницу Шокана Уалиханова, на которой он женился в 1918 году. Она была человеком доброй души, глубоко ценящей благородство и любовь Магжана, который был счастлив в браке. Не случайно, когда поэт с семьей жил в Омске, он открыл курсы по подготовке учителей-казахов и был их директором. Позже курсы заложили основу петропавловского педучилища. Но счастливая семейная жизнь Магжана продолжалась недолго.

Зейнеп умерла 10 февраля 1919 года во время родов. Родившийся ребенок, Граждан – это имя (вероятно, от того, что он родился в годы гражданской войны) дал ему сам Магжан – умер от воспаления легких уже через 9 месяцев. Испытав глубокое потрясение, Магжан написал стихотворение “На надгробье младенца”. Педагог и поэт, Аскат Сагындыков, на мой взгляд, довольно удачно перевел это стихотворение.

**О дитя не скорбите, родители,
Ввергнуть в горе он вас не хотел,**

**В небесах, в вечной нашей обители,
Вам готовить места улетел.**

**Нет, не умер – оставил он Землю,
Не горюйте, что светоч угас:
То земного греха не приемля,
Он в раю ждет, родители, вас.**

Любимой жене Магжан посвятил стихи “3-гы”, “Свою любимую целую во сне” и др.

Но прежде несколько слов – о Райхан Жумабаевой. В книге “Страницы трагических судеб” (Алматы, “Жети жаргы”, 2002 г.) она пишет:

“Магжан Жумабаев – родной брат моего отца Калижана. Я родилась в 1934 г. Естественно, знала о нем только из рассказов моего отца, его родных братьев Мухамеджана, Салимжана, двоюродных – брата Нурмагамбетова Сергазы и сестер Бибизайып и Райхан, а также от брата Бибизайып – многострадального поэта Хамзы Абдуллина и др.

Облик Магжана в их рассказах соответствует описанию поэта Владимира Шестерикова: “Его называли казахским Пушкиным, сравнивали с Байроном и Шекспиром, говорили, что внешне он чем-то даже похож на Сергея Есенина – то ли волнами вьющихся волос, только не русских, а черных, как смоль, то ли открытой, как североказахстанская степь, и распахнутой навстречу самой жизни искренностью в глазах, только не синих и озорных, а темных, как степная ночь, и, кажется, чуть подернутых дымкой печали, что по утрам таял над войлоком юрт его родного аула, то ли по-есенински пронзительными до слез,

полными глубочайшего лиризма стихами, музыка которых понятна душе”.

И мне хочется от всего сердца поблагодарить Райхан Калижановну за эти добрые слова, которые очень важны для меня именно потому, что Магжан может служить и для своих современников, и для многих других поколений, выражаясь словами из любимой им “Песни о Соколе” М. Горького, призывом гордым и смелым к свободе и свету.

Исповедь Райхан Калижановны – еще одно свидетельство соколиного полета его таланта, его трагической судьбы.

Думается, читатели воспримут ее по достоинству, тем более что зарисовки о Магжане хорошо дополняют вышеприведенный мной рассказ Бибизайып-апы и поэта Хамзы Абдуллина о генеологическом древе рода Жумабаевых, судьбе родственников репрессированного поэта.

Из нее, этой самой исповеди, мы более подробно, чем в рассказе Бибизайып-апы, узнаем об отце Райхан, родном брате Магжана Калижане. Скрываясь от грозного молоха репрессий, поразившего большинство родных опального поэта, он вместе с младшим братом Сабыржаном, боясь оставаться на одном месте, постоянно кочевал по России, Киргизии, Узбекистану. Затем, изменив фамилию на русский лад, окончил один из финансовых институтов в РСФСР. Работал главным ревизором Министерства финансов Казахской ССР. Опасаясь, что его признают братом Магжана, переехал в г. Фрунзе, где работал начальником аптекоуправления. Там и умер. Из повествования Райхан Калижановны мы узнаем, что ее отец, как и Магжан, был внешне очень красивым челове-

ком. Летом одевался во все парусиновое, любил белоснежные манишки, на носу – пенсне с цепочкой, в руках, даже без надобности, – изящная тросточка и прочие атрибуты сноба. Киргизы, пришедшие на его похороны, говорили: “Умер наш “Чехов””.

Судьба братьев Магжана не могла не отразиться на их детях. Все они сполна испытали, что значит быть “отпрысками врагов народа”. Горько читать, как шестимесячную Райхан увезли из г. Петропавловска и какие мытарства она потом испытала. Шести лет отроду (подумать только!), она, голодная, полураздетая, собирала с другими детьми колоски в мерзлой земле, которые потом высушивали, отделяли от плевел зерна и до утра мололи на ручной мельнице. А очереди за куском хлеба, а буржуйки, а страшная завшивленность! Невольно пропускаешь через сердце душевную боль Райхан Калижановны, когда она вспоминает, как в 8 лет продавала лепешки на вокзале, ездила на поезде на ст. Коломзино и, расстелив полотенце, продавала чай, в 12 лет – зеленый лук, который никто ни разу не купил. А еще о том, как постоянно не покидало ее ощущение какой-то заброшенности, глубокой тоски и скорби, как в 1955 г., когда у нее было двое детей, случайно встретила отца и много узнала от него, (чем можно по-настоящему гордиться) о жизни родных, о дяде Магжане, который, как многие другие известные и великие поэты, искренне влюблялся и был любим самыми красивыми женщинами.

О необыкновенной любви Магжана к Гульсум, ворвавшейся к нему, выражаясь словами Райхан Жумабаевой, неожиданно и нечаянно, ей поведала его двоюродная сестра Жамал Тастемирова-Бердыходжина, передавав-

шая по просьбе Магжана записки его возлюбленной.

И, пожалуй, только покоровшая его сердце глубокая и сильная любовь к Гульсум, которой он посвятил полные нежности и восхищения стихи, позволили пережить ему неизбывное горе.

Тут мне хочется сделать небольшое отступление.

В канун 100-летнего юбилея Магжана к нам в Петропавловск приехала группа известных поэтов из Алматы. В местной телестудии был организован “круглый стол”, на который был приглашен и я. Здесь говорили о жизни и творчестве Магжана, звучали его стихи на казахском и русском языках.

Когда на родном языке Магжана звучали стихи “Гульсум-ханум”, я был буквально очарован красотой казахской речи, поистине фетовской аллитерацией. И мне очень захотелось попытаться перевести эти стихи на русский. Спасибо журналисту Дюсену Аульбекову, отлично владевшему как родным языком, так и русским, знакомому с арабским. Он сделал подстрочник. Так родился этот перевод, который, разумеется, отнюдь не претендует на то, чтобы соперничать с другими. И тем не менее мне хочется привести его:

**Глаза верблюжонка, волшебная речь,
Гульсум-ханум, жду, как с зарей, с тобой встреч,
Чуть взор мой столкнется с твоим вдруг, Гульсум,
Смятение в сердце своем я несу.**

**Глаза верблюженка, волшебная речь...
Летающая пламенем, можешь ты сжечь,
Влюбляя в себя,**

**Словно солнце блеснув,
Улыбкой лучистой и милой, Гульсум!**

Разумеется, я заинтересовался волшебной музой поэта, его возлюбленной Гульсум, о которой мне впервые поведала еще Бибизайып-апа. Но обстоятельно и достоверно узнал о ней из публикации в “Просторе” (№12, 2002 г.) племянницы Магжана Райхан Калижановны Жумабаевой, являющейся председателем общественного фонда его имени.

Из публикации Р. Жумабаевой мы узнаем, что Гульсум (Уммугульсум) Камалова (1899-1957) была младшей дочерью видного татарского религиозного и общественного деятеля второй половины XIX века Закира Ишана Камалова. Родилась в Чистополе, в раннем детстве осталась без отца. Большая роль в ее дальнейшем воспитании принадлежит ее брату Ибрагиму Камалову. Начальное мусульманское образование получает в женском медресе “Амирхания” (Чистополь), затем учится в женской гимназии Чистополя, женской гимназии Котовой в Казани. В 1911 году поступает на Высшие (Бестужевские) женские курсы в Санкт-Петербурге. Это было высшее женское учебное заведение, учрежденное в 1878 году кружком прогрессивной интеллигенции во главе с профессором Бекетовым, со словесно-историческим и физико-математическим факультетами. Свое название курсы получили по фамилии руководителя – профессора русской истории К. Н. Бестужева-Рюмина. В 1886 году курсы, как и другие женские учебные заведения, были закрыты и возобновили свою деятельность лишь в 1890 году. После Октябрьской революции слились с Петербургским университетом.

В период учебы на курсах, рассказывает далее Райхан Калижановна, Гульсум пользуется популярностью среди татарской молодежи. Ею был увлечен татарский писатель и общественный деятель Гаяз Исхаки.

С началом войны на Балканах (1912г.) с группой татарских девушек в качестве сестры милосердия, по призыву правительства Турции, Гульсум уезжает в турецкую армию, пишет репортажи в татарскую прессу и активно публикуется.

Около 1913 года возвращается в Казань, выходит замуж за симбирского фабриканта Габдуллу Акчурина, брат которого Жусуп был известным политическим деятелем в Турции. После революции имущество Акчурина национализируется, сам он умирает в 1933 году.

А как же дальше сложилась судьба Гульсум? Как “классово чуждый элемент” советской власти, она долгое время не могла трудоустроиться. До 1941 года проживала в Ленинграде. Впоследствии переехали в Оренбург, а с конца 40-х годов жила в Казани, где умерла и похоронена.

Аскат Сагындыков, знакомый с казахскими источниками, поведал мне историю любви поэта, рассказанную Р. Елеукиной в газете “Солтустік Казахстан”.

В 1920 году Магжан работал и директором, и преподавателем курсов учителей, которые “переехали” из Омска в Петропавловск. В это же время переехал в Петропавловск бывший фабрикант и купец Акчурин со своей молодой женой Гульсум. Она стала преподавателем математики на курсах, которыми руководил Магжан.

С самого первого дня Гульсум обращает на себя внимание Магжана красотой, гордым характером. Однажды

Магжан вошел в учительскую и увидел ее одиноко сидящей за столом. Она и бровью не повела, увидев его. Удивленный Магжан сел напротив. Только собрался было обратиться к ней, как вошла техничка: “Гульсум-ханум, вас зовут к телефону”. Магжан увидел на учительском столе оставленную ею тетрадь и на одной из страниц набросал свое стихотворение из восьми строк. Через некоторое время Гульсум вернулась и сказала: “Господин Магжан, меня зовут, и я с вашего позволения пойду”. Наутро, когда Магжан, идя по коридору, встретил Гульсум, она первой обратилась к нему: “Здравствуйте, господин Магжан!” – и прошла дальше. В тот же день после занятий Магжан подошел к Гульсум: “Можно вас проводить хотя бы немного, с полдороги”. Ответом было: “Нет, господин Магжан, уж проводите до конца пути.”. Позже возлюбленная Магжана пишет ему ответ в стихах:

“Властитель сердец огненный!

Перенеси своим светом

В другой мир,

Скорее, моя волшебная звезда!”

(Подстрочник А.Сагандыкова)

А я читаю полные сокровенных чувств стихи Магжана, посвященные Гульсум, и невольно приходят на память чарующие пушкинские строки:

Я помню чудное мгновенье,

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

И чудится мне образ Анны Керн.

МАГЖАН ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

В одном из своих стихотворений Магжан Жумабаев называет себя Пророком. И этот высоко талантливый человек, наш великий поэт-земляк, действительно таков. Но почему только через полвека после трагической гибели, через три десятка лет после посмертной реабилитации его литературное наследие было открыто потомкам, почему и кому было необходимо замалчивать стихи, выстраданные сердцем?

Волею судьбы, я, как журналист, одним из первых имел возможность прикоснуться к тайне его жизни и гибели, и, может быть, эта статья поможет новым и новым читателям произведений Магжана разобраться в загадочном пути его стихов и поэм к сегодняшним казахстанцам и жителям других стран.

... Сам я впервые услышал имя Магжана в 1971 году, когда после службы в армии устроился работать в редакцию областной газеты (тогда – “Ленин туы”) и поселился с молодой семьей на частной квартире. В одном дворе на улице Куйбышева, в Петропавловске, жили две семьи: пожилая чета родителей и рядом, в небольшом доме, их сын с супругой и маленькими детьми. В этом домике получили приют и мы. Молодого хозяина звали Магжан, работал он начальником участка на заводе, по работе был много загружен. Много работал и я – потому встречались мы не часто. Но как-то за совместным достарханом супруга Магжана сообщила, что свое имя тот получил в честь репрессированного поэта Магжана

Жумабаева, которого его свекр лично знал по учебе в Омске. Так же Магжаном был назван еще один младший их родственник. В этом разговоре М. Жумабаев был определен великим поэтом.

С раннего детства мне были известны произведения Сабита и Габита, М. Ауэзова, И. Джансугурова, С. Сейфуллина. Однако о Магжане я услышал впервые и засомневался в такой высокой оценке. “Если Жумабаев велик – почему он не реабилитирован? И где его книги?”, – задался тогда естественными вопросами, на которые, наверное, мог ответить старший хозяин.

Этого человека, Бейсена, в Петропавловске знали многие, он служил муллой единственной в те годы мечети, сохранившейся здесь при советской власти. Бейсен был замкнут, немногословен. Каждую пятницу ходил исполнять намаз. Находясь в доме все свое время посвящал чтению Корана.

Как-то я выбрал момент спросить его о Магжане. Он пытливо посмотрел на меня и коротко сказал: “Да, был такой поэт”. На новые попытки расспросить его Бейсен ничего не отвечал.

Несколько больше сказал о Магжане в разговоре со мной в 1973 году Мухаммедкали Нургожин, заведомом советского строительства нашей газеты. Опытный советский и партийный работник, ветеран Великой Отечественной войны, этот, внешне строгий человек, когда оказывался заинтересован темой, мог говорить увлеченно и долго.

Нургожин сообщил мне, что в 1936 году он учился в Петропавловском педагогическом техникуме. Как раз тогда здесь преподавал М. Жумабаев. По словам собе-

седника, тот сразу привлекал людей внешним обликом. Был молод, кудряв, очень красив. Магжан хорошо говорил по-русски. Учащиеся с удовольствием шли на занятия по русскому языку и русской литературе, которые вел этот преподаватель.

Об истории с арестом поэта-учителя и о причинах замалчивания его творчества мой старший коллега ничего не сказал однако. Или он осторожничал, или, в самом деле, не знал?

В декабре 1986 года я, в группе ответственных работников области, прибыл в Алма-Ату на краткосрочные курсы при ВПШ. В один из первых дней позвонил своему учителю, в прошлом директору восьмилетней школы в ауле Балуан, на нашей родине. Уйдя на пенсию Сейтен Лиманович Саутбеков переехал в столицу, но всегда живо интересовался жизнью земляков, скучал по родному аулу. Он обрадовался моему звонку, пригласил зайти.

В Алма-Ате Саутбеков занимался литературным творчеством, писал детские и исторические произведения, создал исследование жизни Баймагамбета Изтолина. Работал он на скромной должности в отделе редких книг библиотеки имени Пушкина, что для человека с аналитическим умом открывало большие возможности.

Когда после долгого и теплого разговора я собрался уходить, учитель вдруг спросил, знаю ли я поэта М. Жумабаева, нашего земляка. Мне нечего было ответить. Двадцать лет назад я не имел доступа к стихам Магжана, а ведь работал в то время собственным корреспондентом Казахского радио.

Учитель вручил мне текст поэмы “Батыр Баян”, перепечатанный на пишущей машинке, и прозорливо заме-

гил, что настанет время, когда стихи Магжана будут звучать и по радио.

Сейтен Лиманович был мудрым человеком, и, похоже, тогда знал что-то такое о переменах в судьбе Магжана, что не мог высказать вслух. Действительно, 28 декабря 1988 года ЦК Компартии Казахстана принял решение о реабилитации М. Жумабаева, А. Байтурсунова, Ж. Аймаутова.

Это стало поводом впервые воспроизвести по нашему областному радио поэму “Батыр Баян”. Ее, с большим подъемом, читал в эфире талантливый диктор Беркут Бекмагамбетов.

Однако и в то время тема Магжана меня не захватила – был занят текущей работой.

Отрывочность сведений о личности поэта-земляка, отсутствие доступа к запрятанным где-то его произведениям создавали, между тем, интригу, а новые события в моей журналистской биографии подвигли написать первую статью о Магжане.

Однажды вечером зазвонил телефон. Пригласили на завтра в областное управление КГБ, а звонил мне заместитель начальника этой структуры полковник Едеге Каирбеков.

Каирбекова я, в принципе, знал – видел на разных совещаниях, но встретиться лично предстояло впервые – и я не мог предположить повод для этого приглашения.

Утром нового дня полковник Каирбеков радушно встречал меня в своем кабинете. Сообщил, что знает меня по газетным статьям и предложил поработать над интересной, на его взгляд, темой: пообещал ознакомить с “Делом” Магжана Жумабаева. Сразу же Е. Каирбеков уточнил, что документы, которые лежат у него на столе,

кроме сотрудников КГБ никто до сих пор не имел права видеть.

Доверие ко мне было, однако, сопряжено с условностью: ознакомиться с “Делом № 38/81” предстояло, не покидая здания управления. Все документы были помечены грифом “Секретно”.

Хозяин кабинета отметил, что после публикации решения о реабилитации поэта будет немало желающих работать с этими документами. И вот мне выпал шанс первому прокомментировать оригинальные материалы.

Я старательно несколько дней читал еще не рассекреченные документы, делал некоторые записи в блокноте. Однако статью для газеты быстро не написал. Сдерживали какие-то несоответствия.

“Дело № 38/81” начато 30 декабря 1937 года. М. Б. Жумабаев был арестован за три дня до этого. И в чем же его обвинили? В справке, подписанной сотрудниками ГБ Марсельским и Латыповым, утверждается, что Жумабаев – активный член партии “Алашорда”. В 1917 году в Омске он, в составе группы “Бирлик”, якобы вел борьбу против советской власти. Сообщалось также, что в 1922 году он, вместе с Байтурсыновым противостоял становлению нового строя в Казахстане. После того, как в 1929 году Жумабаев был уличен, осужден и отправлен в концлагерь, он не встал на путь исправления. В 1935 году, после возвращения из заключения, он восстановил старые связи с контрреволюционными силами и возобновил борьбу с социалистическими преобразованиями.

После нового ареста, в Алма-Ате, на квартире, где проживал Жумабаев, не было найдено каких-либо улик,

доказывающих, что тот – контрреволюционер. Но младший лейтенант НКВД Нуржанов спешно приступил к допросу. Вот выписка, которую я сделал из протокола:

“Вопрос. Вы арестованы как член контрреволюционной националистической организации, действовавшей против Советской власти в Казахстане. Признаете свою вину?

Ответ. В этом плане я себя виновным не считаю”.

Что было удивительным для меня, молодого журналиста, при ознакомлении с протоколами допросов? Через неделю после такого отказа на обвиняющий вопрос, 6 января 1938 года, М. Жумабаев в заявлении на имя народного комиссара внутренних дел Казахской ССР пишет, что в период с 1919 по 1929 год он служил Букейханову (один из лидеров “Алашорды” – авт.), Здесь же он делает заявление, что вместе с С. Сейфуллинским шпионил в пользу Японии.

Что вынудило Магжана в обращении к наркомму сделать признание о сотрудничестве с Ахметовым, Омаровым и С. Мукановым, которые обвинялись ранее как враги народа? И зачем он подтвердил это при последнем допросе в феврале 1938 года?

Из материалов дела Магжана я узнал, что следователем НКВД Дмитриенко были допрошены супруга М. Жумабаева Зулехи и его товарищ Б. Майлин. Никто из них компрометирующих сведений об обвиняемом не предоставил. Ничего предосудительного не сказал о Магжане и Букейханов.

Доказательная база этого поспешного следствия, как видите, выглядит ветхо. Не смотря на это, 11 февраля 1938 года М. Б. Жумабаев за противоправные действия

против советской власти, за шпионаж приговаривается к расстрелу. Уже 19 марта того же года приговор был приведен в исполнение.

Размышляя о противоречиях в показаниях Магжана, которые протокольно зафиксированы и сохранены, сегодня я, как человек с жизненным опытом, прихожу к однозначному выводу, что следователями было оказано физическое воздействие, и тот не выдержал издевательств, пошел на компромисс. Обессилив, человек, который уже прошел концлагерь в Карелии, взял на себя тяжкую вину, желая, чтобы все быстрее закончилось. Как следует из дела, Магжан заявил, что привлек к шпионской деятельности еще 14 человек, но эту версию сотрудники НКВД почему-то не стали развивать.

Как известно, в 1960 году Военный трибунал СССР реабилитирует М. Б. Жумабаева посмертно. Решающую роль в этом факте сыграл Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, к которому в руки попало одно из писем вдовы поэта Зулейхи. По свидетельству современников, Зулейха-апа до конца своей жизни энергично действовала, чтобы отстоять чистое имя поэта и гражданина, вела активную работу по реабилитации супруга, рассылала письма в различные государственные инстанции. Благодаря верности этой женщины памяти о Магжане, в августе 1959 года было возбуждено "Дело № 49/98", в котором нет подтверждений противоправным действиям М. Б. Жумабаева.

Мне привелось прочесть письмо, направленное Зулейхой начальнику отдела КГБ при Совете Министров ССР Н. П. Ловятину, в котором сделано заверение, что Магжан не был виновен, что после содержания в лагере он из-

менил свои взгляды. В подтверждение приводятся строки одного из стихотворений, в котором поэт говорит о готовности служить новой власти.

Зулейха пишет и о том, что после освобождения мужа из лагеря гонение на него продолжалось. Она выражает обиду, что никто из писателей не протянул ему руку.

В материалах нового расследования есть, однако, письмо Сабита Муканова от 27 октября 1937 года. Прочитав его: “Уважаемый Магжан! Твои письма, направленные в Союз писателей, все мы внимательно заслушали и поверили твоим словам, но твою просьбу об участии в нашем Союзе нет возможности удовлетворить. Ты должен еще поработать творчески. Пролетариат умеет прощать и умеет себя защитить”.

Сабит пригласил Магжана на работу в Алма-Ату, пообещал содействие.

Есть в “Деле №49/98” и заключение специальной комиссии, составленной из видных писателей середины прошлого века. В письме на имя заместителя председателя КГБ при Совете Министров Казахской ССР Арстанбекова сообщается: “По Вашей просьбе комиссия в составе шести человек ознакомилась с творчеством М. Жумабаева. Мы пришли к выводу, что эти произведения носят буржуазно-националистический характер”. Письмо было подписано секретарем Союза писателей Казахстана А. Тажибаевым. При этом известно, что член комиссии, участник Великой Отечественной войны, писатель Сырбай Мауленов с выводами коллег не согласился и заключительный документ не подписал.

В 1989 году я написал большую статью о Магжане в газету “Солтустик Казахстан”, подготовил 30 минутную

передачу для республиканского радио. При очередной поездке в Алма-Ату попытался опубликовать статью о судьбе М. Жумабаева и в одной из республиканских газет. Тогда вышел спор с редакцией, которая предлагала исключить из текста эпизод о сомнительном объективизме “литературной комиссии”. Видимо предложение было обосновано тем, что на тот момент был жив А. Тажибаев. Я не согласился с позицией редакции и отказался публиковать свою статью в сокращенном виде.

Материалов о Магжане со временем стало выходить все больше и больше, но ни у одного автора я не нашел правды в ее полном объеме. Никто не дает ответа, почему так долго, более полувека, продолжался тягостный путь творческой мысли великого человека к нам.

Уверен наверняка, если бы в 1960 году комиссия была представлена другими людьми – тогда бы и решение ее было иным. Как известно теперь, А. Тажибаев всегда относился к Магжану с предубеждением. Еще в 1927 году он писал, что стихи М. Жумабаева не отвечают духу времени, что его поэзия пессимистична. Чернил поэта и в печати, и “за глаза”.

Не так давно в Петропавловске проходила конференция библиотекарей Казахстана, в которой принимал участие директор Центральной республиканской библиотеки в Алматы Мурат Мухтарович Ауэзов. Мне удалось побеседовать с этим известным политологом, человеком энциклопедических знаний. Задал вопрос: “В свое время Ваш отец, наверное, первым заявил о величии Магжана. Сегодняшние магжановеды ставят его в рейтинге значимости авторов высокого слова сразу после Абая. Какую оценку даете творчеству Магжана лично Вы?”

Мурат Ауэзов ответил так: “Магжан Жумабаев – великий поэт, пророк. Когда мы даем ему такое высокое звание – мы не должны стесняться. Считаю, что Магжан по некоторым позициям даже превосходит Абая. Знаю творчество Магжана с детских лет, многие стихи могу прочесть наизусть. Моя мать, Фатима, была вдовой репрессированного Ильяса Джансугурова, затем вышла замуж за отца. Помню, когда мальчишкой присутствовал при встрече матери и Зулейхи. Мама сказала ей тогда, что как поэт Магжан был сильнее Ильяса. В Москве, когда я учился, было создано творческое молодежное объединение “Жас Тулпар”. И приходя туда, я всегда читал стихи Магжана. Он был популярен. То, что литературное наследие десятилетиями скрывалось, подтверждает печальную истину: популярность вызывает зависть. Ну, а недоброжелатели готовы использовать какую-то слабость талантливого человека, чтобы навредить тому, принизить. Зулейха-апа совершила гражданский подвиг, когда по крупицам собрала в единый том стихи Магжана, опубликованные в разных городах, в различных изданиях. Позже Олжас Сулейменов стал инициатором сбора средств, чтобы привести в порядок рукописи Магжана, и первыми к этой акции подключились писатели”.

На мой вопрос: “Соответствует ли действительности молва, что часть литературного наследия Магжана была украдена теми, кто имел доступ к архивам и опубликовал стихи под своим именем?” Мурат Мухтарович ответил, что плагиатство было. Сказал, что имена этих бесчестных литераторов ему известны.

В разговоре о роли А. Тажибаева в трагической судьбе Магжана Ауэзов заметил, что не следует судить чело-

века, когда его уже нет на этой земле. Но подобное в истории Казахстана не должно повториться. В 1988 году Тажибаев свои ошибки фактически признал, он написал предисловие к первой книге Магжана, изданной после реабилитации. Есть свидетельства, что перечитывая стихи Магжана, незадолго перед смертью, этот человек плакал, он искал выход из нравственного тупика, возможность очиститься, оправдаться. И многое он унес с собой.

* * *

Я не считаю, что моя статья ответила на все вопросы, сняла все тайны. Судьба подарила мне встречи с родственниками Магжана – Гадильшой Кахармановым, Биби Заип, с другими людьми, кто располагает ценной информацией об этом человеке. Поэтому продолжаю работать, анализировать стихи Магжана на родном языке и то, что издано в переводах.

Помню при встрече с писателем Хамзой Абдуллиным, услышал от него такие слова о Магжане: “Он пророк, это действительно пророк!”. Время сделало свое дело: Магжан пришел к нам вновь. И через десятки лет после гибели он – наш современник.

И ТАКОЙ ДЕНЬ НАСТУПИЛ

Магжан Жумабаев является одним из великих художников слова.

Стихи молодого Магжана знали еще в годы его учебы в Петропавловске. Тема тогдашнего творчества – бесконечная любовь к родному краю, чудесной природе Жолдыозека, кристально чистому озеру Сасык. Так, видимо, и должно было быть. Чарующая красота родины, великолепие ее звуков, краски края белоствольных берез заполнили сердце поэта на всю жизнь.

Общественно-политические взгляды Магжана Жумабаева формировались в то время, когда Казахстан претерпевал крутые перемены. Идеи революции 1905 года достигли и казахских степей. Стихотворения Магжана Жумабаева того периода пронизывает дух свободолюбия. Страдания казахского народа глубоко волнуют поэта. Характерны в этом отношении публикации в казахстанских газетах (с 1910 года), посвященные женщине-матери, хранительнице домашнего очага.

Первый сборник стихотворений “Шолпан” 19-летний поэт издал в Казани. С этих пор его имя стало известно не только казахам, но и татарам, башкирам и другим представителям тюрко-язычных народов.

И заворожило, засияло слово Магжана на поэтическом небосклоне, как звезда первой величины. Следуя творческому наследию Абая, Магжан Жумабаев своими необыкновенными лиричными, философскими, пронзительно-правдивыми произведениями занял достойное место в мировой культуре.

Магжан Жумабаев всегда занимался самообразованием. Пути-дороги привели поэта в Омскую учительскую семинарию, где Магжан получил великолепную возможность обогатиться знаниями русской литературы. Поэт занимался изучением и исследованием произведений таких великих европейских поэтов, как Пушкин, Лермонтов, Гете, Гейне, Байрон и многих других. Благодаря Магжану, его переводам, казахские читатели познакомились с зарубежной классикой.

Поэт впитал в себя лучшие традиции мировой литературы и вековую мудрость казахского народа. После окончания учительской семинарии Магжан Жумабаев занимается издательской деятельностью. В 1918 в Омске работает ответственным редактором в журнале “Балапан” и газете “Слово бедняка”, директором открывшегося в этом городе казахского курса будущих учителей. Позже учительские курсы были переведены в Петропавловск. На базе казахского курса был основан педтехникум (ныне это педучилище).

В 1920 году Магжан Жумабаев поступает в Московский институт восточной литературы, много работает, занимается переводами. По заданию В. Брюсова он подготовил к изданию трехтомник узбекской, казахской и туркменской литературы. В эти годы читал лекции по истории казахской литературы и по стилистике казахского языка в Восточном университете коммунистов и рабочих. Достаточно вспомнить, что это учебное заведение закончили такие талантливые художники слова, как Ильяс Жансугуров, доктор филологических наук, профессор Бейсембай Кенжебаев.

В 20-х годах Магжан Жумабаев, судя по его произведе-

ниям, особенно внимательно относится к культуре, традициям, творчеству своего народа. Поэт неоднократно предупреждает: потомки, кладезь лучших народных традиций, культурных ценностей может иссякнуть, если люди останутся равнодушными к своему достоянию. Призывает казахскую молодежь к знаниям, чтобы она не теряла интерес к богатым традициям своего народа, уважала, совершенствовала культурное наследие. Призывая к свободе запуганный царскими властями народ. Магжан в своих произведениях воспевал храбрость и удаль батыров, мудрость ханов, былое прошлое казахского народа. Такие произведения, как “Батыр Баян”, “Коркыт”, “Кобыз Койлыбая” стали достойным украшением казахской литературы.

Но почему же так трагично сложилась судьба нашего великого земляка? Магжан сидел в заключении в петропавловской Белой тюрьме, в застенках республиканского НКВД, в московской Бутырке, на Соловках, в Карельском лагере. Жизнь поэта оборвалась в 1938 году. Его расстреляли. Магжан опередил свое время. Достойных его имени в ряду казахских литераторов того времени практически не было... Запомнились мне слова М. Ауэзова: “Среди казахских писателей, безусловно, люблю Абая. После него люблю Магжана за его светлую поэзию, европеизм”.

Казалось, что толстый слой льдины сокрытия дал трещину в 1960 году, но еще потребовались десятки лет, чтобы мир вновь узнал о Магжане.

Вспоминается... В 1965 году группа студентов КазГУ вместе с профессором, доктором филологических наук Х. Махмудовым, поэтом-переводчиком А. Жовтисом и

поэтом-переводчиком, нашим земляком Х. Абдуллиним организовывала цикл лекций о Магжане. Ряд стихов поэта перевели на русский язык Олжас Сулейменов и Жовтис. Помимо этого, писатели и ученые намеревались познакомить читателей журнала “Простор” с творческой биографией М. Жумабаева. Редактором журнала в то время был наш земляк, известный писатель Иван Шухов, который с воодушевлением поддержал идею.

Студенты-филологи КазГУ днями не покидали стен редакции “Простора”. Все с нетерпением ожидали очередной номер журнала с портретом Магжана. Однажды я очутился в редакции по каким-то своим делам. Вижу: навстречу идет Иван Петрович. Поздоровался. Он приветливо похлопал меня по плечу, пригласил в кабинет, где уже сидели сотрудники журнала. Все замолчали в ожидании услышать что-то важное.

– Не получилось, – сказал с досадой Шухов. – Но Магжан все равно будет издан, наступит такой день.

Всем, находящимся в кабинете, в том числе и мне, Шухов подарил по одному оттиску портрета Магжана, того самого, который должен был быть опубликован в журнале. Вид у Шухова был разочарованный и грустный. Ну, а я с тех пор храню у себя тот портрет, полученный из рук знаменитого земляка. И память о Магжане я связываю со встречами с выдающимся русским писателем. Настоящая культура поистине интернациональна.

Меня радует любое бережное отношение к бессмертным строкам Магжана. Занимается исследованием его творчества и наш земляк, русский поэт Владимир Шестериков. Благодаря его газетным публикациям о Магжане, сборнику, который был им подготовлен, русские

читатели, наконец-то, узнали правду о выдающемся человеке казахской культуры.

Да, день, о котором говорил Иван Петрович Шухов, наступил. И я рад, что нашего поэта сегодня читают не только казахи, но и русские, украинцы, немцы – все, кто живет в нашей Республике Казахстан.

“... ХРАНИТЬ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ”

Из всех городов, где пришлось жить, работать и учиться Магжану Жумабаеву, наш Петропавловск занимает, пожалуй, особое место.

Именно здесь прошла большая часть его жизни, именно здесь создавались его замечательные произведения, прославившие поэта на весь мир, здесь познал он большую любовь, испытал все тяготы гонений и унижений.

Благодаря настойчивому поиску в облгосархиве удалось обнаружить некоторые документы, прямо или косвенно относящиеся к великому поэту. Так, например, подтверждением вышесказанному стал такой любопытный документ, как циркулярное письмо КирЛИТО Акмолинскому органу цензуры (г. Петропавловск).

“По имеющимся сведениям... в обращении имеется сборник стихотворений на киргизском (казахском – М.М.) языке Магжана Жумабаева издания Туркгосиздата от 1923 года, разрешение ТуркЛИТО № 29. В отношении такого издания примите решительные меры по изъятию из обращения. Изъятые экземпляры храните до особого распоряжения”.

Интересно, что такой циркуляр поступил в Петропавловск еще в марте 1925 года, т.е. в то время, когда Магжан жил, учился и преподавал в Москве. Это было, скорее всего, указание идеологического характера, нежели карательная санкция. Однако такие “отравляющие стрелы”, безусловно, способствовали гонениям на поэта, а после 1929 года, когда наш земляк был арестован, вообще вряд ли могло

последовать обещанное “особое распоряжение”.

Последовавшие тоталитарные акции: ликвидации баев, раскулачивание, коллективизация усилили ненависть у охранителей режима к Магжану Жумабаеву и его родне. Ему еще раз напомнили непролетарское, байское происхождение.

В рапорте начальнику Политсектора МТС наркомзема Каз. АССР из Булаевского района отмечалось (23 декабря 1933 года):

“...Жумабаев Сальтай происходит из 6-го аулсовета Бейнеткорского района. Крупный бай. Его отец при Колчаке и в царское время долго служил волостным управителем, умер в прошлом году.

Старший брат – Жумабаев Магжан, по всему известный виднейший контрреволюционер, активный член и поэт Алаш-Орды. В данное время находится в ссылке...”.

После такого убийственного ярлыка, как “виднейший контрреволюционер”, трудно было рассчитывать в жизни на что-либо...

Архивные документы во многом помогают уточнить или даже опровергнуть отдельные факты, события из жизни людей, равно как уже “установившаяся биография помогает вести направленный поиск необходимых документов. Так было и с выявлением документальных материалов о Магжане Жумабаеве. Известно, что с начала 1921 года Магжан работал редактором местной газеты “Бостандык туы”. Однако подшивки газет в госархиве отсутствуют. Нет также никаких сведений о работе Жумабаева преподавателем трехгодичных курсов, открывшихся в Петропавловске с сентября 1921 года.

Судя по официальной биографии М. Жумабаева, в

конце 1922 года он выехал из Петропавловска вначале в Оренбург, а затем в Ташкент.

Учитывая тот факт, что преподавательская работа Магжана заканчивалась ранней весной 1922 года, определенный период его жизни в Петропавловске оставался неизвестным.

Сравнительно недавно в областном госархиве автором настоящей публикации были обнаружены документы, свидетельствующие о работе Магжана Жумабаева весной, летом и в начале осени 1922 года. В это время наш земляк занимал должность заместителя председателя Акмолинской губернской Чрезвычайной комиссии помощи голодающим (Акмолагубкомпомгол).

Губернская комиссия была создана на основании положения, утвержденного КирЦИКом 29 ноября 1921 года. Будучи патриотом своей родины, поэт не мог оставаться в стороне от первостепенной проблемы того времени: спасения местного населения от голода, одной из причин которого была братоубийственная гражданская война.

Действуя вначале при Акмолинском губернском комитете РКП (б), а затем при губисполкоме, комиссия занималась сбором пожертвований, отчислениями в помощь голодающим, а также беспризорным детям. Ее деятельность распространялась на всю Акмолинскую губернию.

Документы позволяют утверждать, что Магжан Жумабаев не засиживался подолгу в кабинете, а всегда был в гуще народа, использовал все возможное и невозможное, чтобы поменьше было горя, слез умирающих от голода детей и инвалидов.

Судя по мандату, Магжан был командирован в губернские уезды 1 июля 1922 года. Документ гласит:

“Мандат. Предъявитель сего – заместитель предсе-

дателя Акмолинской губернской чрезвычайной комиссии помощи голодающим Жумабаев Магжан Бекенович командирован в Петропавловский и Кокчетавский уезды для усиления работы по оказанию помощи голодающим”.

Члену комиссии Акмогубкомпомгола предоставлялись большие права, и, как говорится в документе, “...советские и общественные управления призываются оказывать (такому-то) содействие и беспрепятственному разъезду его в районе и проведению в жизнь тех задач, которые возложены на него по борьбе с голодом”.

Документы свидетельствуют также о том, какую огромную работу приходилось делать Магжану Жумабаеву как одному из руководителей комиссии по координации усилий губернских управленческих организаций в деле борьбы за физическое выживание земляков. К слову сказать, анализ материалов позволяет еще раз увидеть, насколько остро стояла в 1921-1922 гг. проблема “царя-голода”, если даже переписка осуществлялась телеграммами с пометкой “Срочно - голодная”. Сохранились материалы за подписью Магжана Жумабаева: служебные записки в различные организации, телеграммы, ответы на запросы, рекомендации и циркуляры – всего 15 документов. Среди них – записка, написанная рукой Магжана в газету “Бостандык туы”. И еще один документ, который говорит о дальнейшем пути поэта после возвращения его из Москвы в Петропавловск в 1927 году. В списке преподавателей педтехникума, вновь поступивших на работу в 1927-1928 учебном году, значится:

“Жумабаев Магжан Бекенович, казах, беспартийный. Окончил литературно-художественный институт в г. Москве в 1925 году. Преподаватель казахского языка”.

ДУШУ ПРОСВЕТЛЯЮТ НЕБЕСА

Писать о Поэте сложно. И не только потому, что существуют суверенная личность художника, ее внутренний мир с тайнами и противоречиями, с интимными переживаниями и парадоксами, часто непостижимый и глубокий, как сам Космос. И не только потому, что мало источников и достоверных сведений и что десятилетиями имя Магжана было под запретом и обросло легендами и невероятными слухами.

Сложность и в нас самих, ощущающих определенную долю вины за чудовищную несправедливость по отношению к поэту, за его трагическую гибель и за наше равнодушие, молчание, длившееся годами. И когда наступает торжественная дата, связанная с рождением или смертью юбиляра, это чувство жалости и внутренней вины толкает нас на канонизацию художника, на превращение его в святого, на хрестоматийный глянец и на обращение поэтической ауры в бронзу монументов.

Хочу пояснить свою мысль. Из Поэта не надо делать святого. Его оправдание – талант, его оправдание – стихи, которые часто “растут, не ведая стыда, как желтый одуванчик у забора, как лопухи и лебеда”, по выражению Анны Ахматовой. Поэт одновременно явление органическое, от Бога и одновременно явление культурное. Ему прощается многое: неудачи, ошибки, не совсем, может быть, нравственные поступки, житейские мелочи и суета. Потому, что все это переплавляется в горниле его ума и сердца, души и становится чудом поэзии. И тогда из “сора” возникает чекан ритмов и образных узоров,

тогда зарождаются стихи и их мелодия.

Вчитайтесь и вслушайтесь в эти стихи:

**В кружевной листве шелестящей,
на опушку шагнув из чащи,**

Засмотрелась березка вдаль,

И откуда могла, откуда

К ней, танцующей, светлокудрой,

Вдруг подкрасться тоска-печаль?

Или:

Плыли тучки, и дожди стучали,

А теперь иная полоса.

Если мы устали от печали,

Душу просветляют небеса...

Все, что делает поэзию поэзией, здесь присутствует – душа, мысль, красота, образ, мелодия, ритм. Но, увы, настоящие таланты как бы выталкивались на обочину, становились литературными аутсайдерами. Среди них Осип Мандельштам и Павел Васильев, Анна Ахматова и Тициан Табидзе. Всех не перечислишь. Но назвать в этом ряду Магжана Жумабаева требует прежде всего историческая и человеческая справедливость.

Есть поэты особой генерации: трагического мироощущения. Такими были Александр Блок и Гарсиа Лорка, Марина Цветаева и Рильке, Владимир Высоцкий и Франсуа Вийон. И это далеко не полный перечень.

Через все творчество М. Жумабаева проходит лейтмотив скоротечности человеческого и личного бытия. И разве это не истина, разве поэт утверждает ложное и несправедливое? У него не отказ от жизни, а благоговение перед ней, возможность оценить ее как высший дар, непререкаемое счастье:

**Жизнь и смерть в борьбе непримиримы,
Только песнь роднит их, только стих.
Надо, прежде чем сразиться с ними,
Петь, созвучьем связывая их.**

Разве болезни и бедность казахского народа, гражданская война, голод, репрессии должны были породить фальшивые звуки барабана и ликование? А ведь были еще на пути поэта завистники и недоброжелатели, литературные иуды. Но не только они...

В 1969 году С. Кудаш, народный поэт Башкирии, пишет письмо о судьбе Магжана Жумабаева на имя Д. А. Кунаева. Никакой реакции. Были еще в живых высокопоставленные сановники от поэзии и литературы, которые попытались (в тот раз успешно) воспрепятствовать воскрешению поэтического наследия замечательного художника слова.

Теперь о национализме. Имеем ли право мы говорить о тех противоречиях и огрехах во взглядах поэта, которые сейчас могут вызвать споры и дискуссии? Имеем. Поэт был сыном своего времени, но он не был гарантирован от ошибок, как любой человек. И мы не должны судить за это поэта.

Казахи не имели своей государственности, они мечтали о ней, но веками проблема не разрешалась. И, несомненно, что в партии "Алаш" были и экстремисты, и централисты, люди, по-разному представляющие осуществление на практике своей мечты. Были и стихи, которые не выбросишь и от которых невозможно отказаться. Но ценят поэта не за ошибки и слабые стихи, а за то лучшее, что осталось жить в последующих поколениях.

Иногда национализм бывает вынужденным, как средство самозащиты, выживания национального менталитета. Лишь бы это не осуществлялось за счет унижения и обид другой национальности. Магжан Жумабаев – явление национальное, но за счет своих достоинств одновременно и интернациональное. Я думаю, любого казаха порадуют стихи Пушкина, Блока, Есенина, Шекспира, Данте. Так же, как и нас должно радовать все талантливое и прекрасное в стихах Магжана Жумабаева.

И еще. Поэзия вырастает из личности поэта, из окружающего ландшафта, быта, традиций. Наверное, азбучная истина. Но о ней надо напомнить. Магжан вырос из ландшафта Западной Сибири и Казахстана, из вековых чаяний своей нации:

**Золотые облака разъяты,
Там, где ветер выл, покой повис,
Нежные простые ароматы,
Пенье птиц связует верх и низ.**

Березка и степной ковыль, барханы пустынь и водная гладь Арала стали художественным пространством поэзии Магжана Жумабаева. Это его почва, это его истоки. Без них нет мелодии стиха, нет поэта. Меня привлекает в поэзии Магжана не только почва, но и культурные традиции, умение быть с эпохой в поэтическом отношении на равных. Он с полным правом относится к плеяде замечательного русского “серебряного века”.

**Только вдруг из области заочной
Вышел свет, а страх пропал во мне.
Снова солнце озарило почвы,
Временно сокрытие во тьме...**

Это символизм, нужный многим. Это гуманизм, обращенный ко всем людям. И страстная поэтическая жажда любить и восхищаться красотой.

Магжан был в высшей степени художником общечеловеческой сущности, певцом, национально-самобытным и предельно современным. Он, как поэт, обрел вечность и право воплощать в мировом сообществе культур казахский национальный менталитет.

ХРОНИКА ЖИЗНИ

М. Б. Жумабаева

(1893-1938 гг.)

Родился 25 июня 1893 года.

Место рождения – Полудинская волость Петропавловского уезда Акмолинской области (аул на берегу озера Сасыкколь возле нынешнего села Молодежное в районе имени Магжана Жумабаева Северо-Казахстанской области).

1905 – 1910 гг. – Учеба в медресе (духовной семинарии для казахских и татарских детей) Мухамеджана Бегишева в Петропавловске.

1910 – 1911 гг. – Учеба в медресе “Галия” в г. Уфе

1912 г. – Выпуск первой поэтической книги “Шолпан” в г. Казани.

1913 – 1917 гг. – Учеба в Омской учительской семинарии.

1917 г. – Становится членом Акмолинского областного комитета “Алашорды” с центром в г. Омске.

1918 – 1919 гг., 1920 г. (лето) – Работает директором двухгодичных курсов по подготовке учителей для казахских школ в г. Омске.

1920 г. – Назначается директором трехмесячных курсов “Красных учителей”.

1921 г. (начало) – Назначается редактором газеты “Кедей созі” в г. Омске, а затем в газете “Бостандык туы” (“Знамя свободы”) в г. Петропавловске.

1922 – 1923 гг. – Старший преподаватель казахско-киргизского института просвещения в г. Ташкенте. Сотрудничает с газетой “Ак жол”, журналами “Сана” и “Шолпан”. Публикует исследовательские работы, стихи и поэ-

мы: “Батыр Баян”, “Кобыз Койлыбая”, “Коркут”, “На вершине Окжетпеса”, “Иосиф-хан”, “Сход девяности”, “Старые сказки”, “Новые сказки” и т.д.

– Работал в Центральном восточном издательстве, а с мая 1924 года – в центральном издательстве народов СССР, которое издавало литературу на 50 языках, в том числе на казахском. Учеба в Московском литературно-художественном институте. Преподавательская работа в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ).

1922 – 1923 гг. – Выход в свет второго поэтического сборника в гг. Казани и Ташкенте.

1927 – 1929 гг. – Работает преподавателем казахского языка и литературы в Петропавловском казпедтехникуме и в совпартшколе.

1929 г. – Арест М. Жумабаева по ложному обвинению и заключение в Бутырскую тюрьму в Москве. Осужден на 10 лет, отправлен в лагерь в Карелии.

1936 г. – По ходатайству М. Горького и Е. Пешковой Верховный суд СССР сокращает срок наказания до 7 лет, а затем досрочно освобождает его. Приезд в Петропавловск.

1936 г. – Работает в Петропавловске преподавателем русского языка и литературы в неполной средней школе №7.

1937 г. – Приезд в Алма-Ату. 30 декабря подвергнут аресту.

1938 г. 19 марта – Расстрелян.

1960 г. 8 июля – Решением военного трибунала Туркестанского военного округа посмертно реабилитирован.

1988 г. – Полностью реабилитирован.

НОВЫЕ КНИГИ О МАГЖАНЕ

Известное Московское издательство “Русский раритет” одновременно выпустило на русском языке две книги избранных произведений Магжана Жумабаева.

Время свидетель тому, что стихи Магжана, соединившие три века, будут жить вечно. Став продолжателем традиций великого Абая, Магжан достиг высоких вершин как пронзительный поэт, великая личность. Он своими стихами дал толчок развитию общественного самосознания и становлению национального прогресса. Как пишет в предисловии книг составитель-литературовед Сауле Мансурова: “Магжан Жумабаев был безусловно уникальным человеком. Его поэзия дает нам яркий образ самого Магжана – личности талантливой и многострадальной, личности побежденной последовавшими обстоятельствами

времени, закончившимися так горестно и печально”.

Магжан в расцвете сил и таланта был репрессирован. Даже такие высказывания одного из корифеев казахской литературы Мухтара Ауэзова: “Из всех ныне живущих писателей лишь слово Магжана достойно достижения будущего” подвергались сомнению. Но, к счастью народа и самого поэта блеснуло яркое солнце, лучи независимости озарили нашу землю, как феникс из пепла воскрес великий пророк поэзии. И народ Казахстана прикоснулся к прекрасной музе.

Как мы уже отметили, составителем книг Магжана является литературовед Сауле Мансурова. Это не первая ее книга. До этого она преподнесла русскоязычным читателям томики избранных произведений Абая и Жамбыла.

Каждый вариант отпечатан тиражом 5 тыс. экземпляров.

Глубоко понимая всю ответственность в издании новой книги поэта С. Мансурова старалась глубоко проникнуть в поэзию Магжана и скрупулезно собирала все факты его жизни и творчества. Поэтому предисловие книги, написанное составителем является научно-обоснованным, ярким, проникновенным.

В Петропавловске издана книга "Магжан", посвященная творчеству великого земляка, поэта-пророка Магжана Жумабаева.

Немало сказано и написано о М. Жумабаеве в годы обретения Казахстаном государственной независимости. Как раз он и был в числе передового движения казахов, которое стремилось к самостоятельному становлению родного степного края. Поэт, публицист, педагог-просветитель, наконец, государственный служащий М. Жумабаев, при обилии публикаций о нем, еще мало изучен. И новая книга дает ответы на вопросы любознательного читателя.

Статьи исследователей жизненного пути и творчества М.Жумабаева чрезвычайно интересны. Особую ценность составляет раздел этой книги, где публикуются стихи Магжана и фрагменты его поэм: таким образом составитель попытался насытить спрос читателей на живое слово Магжана.

В предисловии к книге аким Северо-Казахстанской области Т. А. Мансуров пишет: "Магжан Жумабаев требовательно относился к своим современникам, он мечтал о духовно высокоразвитом гражданине Казахстана и адресовал свои сильные, смелые, светлые строки этому новому человеку".

Книга "Магжан" подготовлена к печати известным журналистом Ж. Сулейменовым. Она издана на казахском языке. Тираж книги 5 тыс. экземпляров.

Книга "Магжан" подготовлена к печати известным журналистом Ж. Сулейменовым. Она издана на казахском языке.

Тираж книги 5 тыс. экземпляров.

СОДЕРЖАНИЕ

Таир Мансуров. Его поэзия – настоящая	7
<u>Стихи и поэмы</u>	
Родная земля. Перевод А. Кодара	15
Огонь. Перевод А. Кодара	16
Туркестан. Перевод А. Кодара	17
Люблю. Перевод А. Кодара	19
Слово хромого Тимура. Перевод А. Кодара	21
Луне. Перевод А. Кодара	21
Кто я? Перевод А. Кодара	23
Ожерельем – луну, и звезду – на кольцо . Перевод А. Кодара	24
На летней дороге. Перевод А. Кодара	25
Зимняя дорога. Перевод А. Кодара	27
Господь Великий. Перевод А. Кодара	28
Ветер. Перевод А. Кодара	30
Солнечный зайчик. Перевод А. Кодара	31
Бабочка. Перевод А. Парщикова	32
Берниязу. Перевод А. Парщикова	33
Ураганная ночь. Перевод А. Кодара	35
Загадка. Перевод В. Шестерикова	36
Гульсум-ханум. Перевод А. Кодара	36
Соловей. Перевод В. Шестерикова	37
Печальная песнь. Перевод А. Кодара	38
Немного по Фету. Перевод А. Кодара	41
Внук и бабушка. Перевод А. Кодара	41
Братьям из Сыр-Дарьи. Перевод А. Кодара	43
Родной язык. Перевод С. Мнацаканяна	44
Жизнь. Перевод Л. Степановой	44
Желание. Перевод А. Кодара	45
Золотому хакиму Абаю. Перевод Л. Шашковой	46
Дар слова. Перевод В. Антонова	47
Я верю в молодых. Перевод А. Соловьева	48
Родина моя – Сасыкколь. Перевод Л. Степановой	49
Живу заново. Перевод С. Мнацаканяна	51
Луне. Перевод Л. Шашковой	52
Пророк. Перевод А. Кодара	54
Откровение. Перевод Н. Черновой	57
Упокой меня, смерть, упокой! Перевод А. Кодара	58
Осенний день. Перевод Т. Фроловской	62
Сестре Газизе. Перевод С. Мнацаканяна	64

Александр Блок. Перевод А. Кодара	65
Женщина. Перевод Р. Тамариной	67
Гульсум. Перевод А. Кодара	70
Восток. Перевод А. Кодара	73
Исповедь. Перевод А. Кодара	75
Погоняй лошадку, Сарсембай! Перевод А. Кодара	79
Юной красавице. Перевод А. Кодара	81
Любил я в тот момент. Перевод А. Кодара	82
К..., Перевод В. Шестерикова	83
В час расставанья. Перевод В. Шестерикова	84
Мой народ. Перевод К. Бакбергенова	85
Весенняя пора. Перевод А. Соловьева	87
В чем услада? Перевод В. Антонова	88
Летнее утро. Перевод В. Антонова	89
Молодица. Перевод Т. Васильченко	90
Печальная красавица. Перевод Т. Васильченко	91
Детские годы. Перевод Т. Васильченко	92
Как научиться ремеслу. Перевод А. Соловьева	93
«Власть свободы нам дана...» Перевод А. Соловьева	94
Мой казах. Перевод А. Соловьева	95
Возлюбленная. Перевод Л. Шашковой	96
Однажды. Перевод Л. Степановой	98
Осень. Перевод В. Антонова	99
Платок. Перевод В. Антонова	101
И жизнь, и смерть – судьба моя. Перевод С. Мнацаканяна	103
Целуй меня, целуй. Перевод Л. Шашковой	104
Луч. Перевод А. Казанцева	105
Сон. Перевод А. Кодара	106
Весной. Перевод А. Жовтиса	106
Песнь воина. Перевод А. Кодара	108
Мечеть и тюрьма. Перевод А. Кодара	109
Цена былого. Перевод А. Кодара	111
Свобода. Перевод А. Кодара	112
Папироса. Перевод А. Кодара	114
Березка. Перевод А. Кодара	115
Любовь – отравя. Перевод А. Кодара	116
«Струи черных волос...» Перевод А. Кодара	116
Посвящение Г... Перевод А. Кодара	117
Быстро полечу. Перевод А. Кодара	117
На выход из тюрьмы. Перевод А. Кодара	118
«– Мой мальчик славный...» Перевод А. Кодара	119

Прощальное. Перевод А. Кодара	120
«Без цветка в гуле дней...» Перевод А. Кодара	121
Обманутая красавица. Перевод А. Кодара	122
Я поверю Вам... Перевод А. Кодара	123
Ода глагольной рифме. Перевод А. Кодара	124
Дружба и слезы. Перевод А. Кодара	125
Современный поэт. Перевод А. Кодара	125
О, господин! Перевод А. Кодара	125
«Звон, звон, перезвон!...»	126
Волна. Перевод А. Кодара	127
Сокровенное. Перевод С. Мнацаканяна	128
Любил... Перевод А. Антонова	132
Лето наступает. Перевод Р. Тамариной	133
Живу заново. Перевод С. Мнацаканяна	135
На Волге. Перевод А. Кодара	137
В Привольжье. Перевод А. Кодара	139
«Златое Солнце на закате...» Перевод А. Кодара	142
«Я легкомыслен, легко мыслил...» Перевод А. Кодара	145
«Чтобы душу взбодрил...» Перевод А. Кодара	145
«Все гуще, гуще мрак ночной...» Перевод А. Кодара	145
Сон. Перевод А. Кодара	146
«Стал гуще темный лес...» Перевод А. Кодара	146
«Как воин я повсюду знаменит...» Перевод А. Кодара	147
«Свобода – жизни лучший цвет...» Перевод А. Кодара	148
Недуг. Перевод А. Кодара	148
Звездам. Перевод А. Кодара	148
Часы. Перевод А. Кодара	149
«Дол золотой...» Перевод А. Кодара	150
«Ты гурии райской милей...» Перевод А. Кодара	150
Батыр Баян (отрывок из поэмы). Перевод А. Кодара	152
На круче Ожетпеса (поэма). Перевод А. Кодара	162

Проза

Грех Шолпан (рассказ). Перевод Р. Кошеновой.	171
---	-----

Литературные исследования

Какимбек Салыков. Поэт планетарного взлета	191
Гафу Каирбеков. Слово о Магжане	198
Сайфи Кудаш. О судьбе казахского поэта	
Магжана Жумабаева	206
Александр Жовтис. Есть такой поэт!	220
Раушан Кошенова. С думой о судьбах народа	223

Хамза Абдуллин. Справедливость восторжествовала	232
Кайролла Муқанов. Сабит и Магжан	242
Суният Бакенов. Верность	263
Владимир Шестериков. И чудится мне Анна Керн	284
Жарасбай Сулейменов. Магжан все еще впереди	292
Муталлап Кангожин. И такой день наступил	303
Михаил Мелехин. «...Хранить до особого распоряжения»	308
Валерий Любушин. Душу просветляют небеса	312
Хроника жизни М. Б. Жумабаева	317
Новые книги	319

**Магжан
Жумабаев**

Стихи, проза и литературные исследования

*Выпуск книги осуществлен
акиматом Северо-Казахстанской области*

Подписано в печать 19.07. 2006 г.

Формат 110 x 170/ 16

Шрифт "Arial Cyr" Печать офсетная

Объем 20.5 печатных листов

Тираж 5 тыс. экземпляров. Заказ 5885.

1 000 экз.

**Отпечатано в типографии № 6 открытого акционерного общества
"Полиграфия", г. Петропавловск, ул. Конституции Казахстана, 11**